

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ

2024. Том 2. Номер 1

Редакция

В.В. Сидорин – главный редактор (Институт философии РАН, Москва, Россия),
А.Ф. Макарова – заместитель главного редактора (Институт философии РАН, Москва, Россия),
М.В. Шпаковский – научный редактор (Институт философии РАН, Москва, Россия),
К.В. Ворожжихина – редактор (Институт философии РАН, Москва, Россия),
А.М. Куксюк – ответственный секретарь (Институт философии РАН, Москва, Россия).

Редакционная коллегия

Ф.Е. Анзимов (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), *К.М. Антонов* (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия), *В.Н. Белов* (Российский университет дружбы народов, Москва, Россия), *К.Ю. Бурмистров* (Институт философии РАН, Москва, Россия), *А.А. Кара-Мурза* (Институт философии РАН, Москва, Россия), *А.П. Козырев* (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *С.А. Коначева* (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия), *О.И. Кусенко* (Институт философии РАН, Москва, Россия), *А.В. Малинов* (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия), *М.А. Маслин* (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Б.В. Межуев* (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *А.В. Михайловский* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), *В.Н. Порус* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), *Б.И. Пружинин* (Институт философии РАН, Москва, Россия), *В.В. Сербиненко* (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия), *А.В. Смирнов* (Институт философии РАН, Москва, Россия), *Е.А. Тахо-Годи* (Дом А.Ф. Лосева, Москва, Россия), *А.А. Тесля* (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия), *А.В. Углева* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), *Т.Г. Щедрина* (Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия).

Учредитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук

Периодичность: 2 раза в год. Выходит с 2023 г.

Журнал зарегистрирован: Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-85108 от 25 апреля 2023 г.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, оф. 316

Тел.: +7 (495) 697-91-28
e-mail: of@iph.ras.ru
сайт: <https://np.iphras.ru>

NATIONAL PHILOSOPHY

(OTECHESTVENNAYA FILOSOFIYA)

2024. Volume 2. Number 1

Editors

Vladimir V. Sidorin – Editor-in-Chief (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia),
Anna F. Makarova – Deputy Editor-in-Chief (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia),
Mikhail V. Shpakovsky – Science Editor (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia),
Ksenia V. Vorozhikhina – Editor (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia),
Aleksey M. Kuksyuk – Executive Secretary (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia).

Editorial Board

Felix E. Azhimov (National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia),
Konstantin M. Antonov (Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities, Moscow, Russia),
Vladimir N. Belov (The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia),
Konstantin Y. Burmistrov (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), *Alexey A. Kara-Murza*
(RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), *Alexey P. Kozyrev* (Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia), *Svetlana A. Konacheva* (Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia), *Olga I. Kusenko* (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), *Alexey V. Malinov*
(St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia), *Mikhail A. Maslin* (Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia), *Boris V. Mezhuev* (Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia), *Alexander V. Mikhailovsky* (National Research University – Higher School
of Economics, Moscow, Russia), *Vladimir N. Porus* (National Research University – Higher School
of Economics, Moscow, Russia), *Boris I. Pruzhinin* (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia),
Vyacheslav V. Serbinenko (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia),
Andrey V. Smirnov (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), *Elena A. Takho-Godi* (House
of A.F. Losev, Moscow, Russia), *Andrey A. Teslya* (Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia), *Anastasia V. Ugleva* (National Research University – Higher School of
Economics, Moscow, Russia), *Tatiana G. Shchedrina* (Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia).

Publisher: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Frequency: 2 times per year
First issue: 2023

The journal is registered with the Federal Service for
Supervision of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor). The Mass Media
Registration Certificate No. FS77-85108 on April 25, 2023

All materials published in the “National Philosophy” journal
undergo peer review process

Editorial address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow
109240, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 697-91-28
e-mail: of@iph.ras.ru
website: <https://np.iphras.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Нофал Ф.О.</i> «Философия беспорядка»: рецепция работ Н.А. Бердяева в арабской печати середины XX в.	5
<i>Петров В.В.</i> «Здесь геометрия становится уже религией»: метафорика неевклидовой геометрии в теоретических построениях Д.С. Мережковского.....	19

MEMORIA

<i>Жаров А.М.</i> Жизнь как поиск. Памяти Александра Леонидовича Никифорова (1940–2023).....	37
--	----

АРХИВ

<i>Вакулинская А.И.</i> Иван Ильин и Алексей Боровой: история одной дружбы.....	54
Приложение. Письма И.А. Ильина к А.А. Боровому.....	69
<i>Талалай М.Г., Янцен В.В.</i> Письмо Д.И. Чижевского Л.Я. Ганчикову (1953).....	78

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Афанасов Н.Б.</i> Республика былого и грядущего? Рецензия на: Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 824 с.	93
<i>Климова С.М.</i> Размышления над новым изданием переписки Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова.....	109
<i>Маслин М.А.</i> Русская мысль в письмах В.В. Розанова и П.П. Перцова. Новые материалы (1896–1918).....	116
Новые книги.....	130

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроника научной жизни: 2023 год.....	141
Информация для авторов.....	145

TABLE OF CONTENTS

RESEARCH

<i>Faris O. Nofal</i> . “Philosophy of Disorder”: Reception of N.A. Berdyaev’s Works in the Arabic Press of the Mid-Twentieth Century.....	5
<i>Valery V. Petrov</i> . “Here Geometry Becomes a Religion”: Metaphorics of non-Euclidean Geometry in Dmitry Merezhkovsky’s Theoretical Reasoning.....	19

MEMORIA

<i>Alexander M. Zharov</i> . Life as a Search. In Memory of Alexander Leonidovich Nikiforov (1940–2023).....	37
---	----

ARCHIVE

<i>Alexandra I. Vakulinskaya</i> . Ivan Il’in and Aleksei Borovoi: the Story of One Friendship.....	54
Appendix. I.A. Il’in’s Letters to A.A. Borovoi.....	69
<i>Mikhail G. Talalai, Vladimir V. Yantsen</i> . Dmitry Chizhevsky’s Letter to Leonid Ganchikov (1953).....	78

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>Nikolay B. Afanasov</i> . The Once and Future Republic? A Review on: Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the 20th Century. A Collective Monography. Ed. by K.A. Solovyov. Moscow: New Literary Observer, 2021. 824 p.	93
<i>Svetlana M. Klimova</i> . Reflections on the New Edition of the Correspondence Between Leo Tolstoy and Nikolay Strakhov.....	109
<i>Mikhail A. Maslin</i> . Russian Thought in Epistles of V.V. Rozanov and P.P. Pertsov. New Materials (1896–1918).....	116
New books.....	130

SCIENTIFIC LIFE

Chronicle of Scientific Life: 2023.....	141
Information for authors.....	145

ИССЛЕДОВАНИЯ

Ф.О. Нофал

«Философия беспорядка»: рецепция работ Н.А. Бердяева в арабской печати середины XX в.

Нофал Фарис Османович – магистр философии, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: faresnofal@mail.ru

Статья посвящена арабоязычной рецепции творчества Николая Александровича Бердяева, развернувшейся в середине XX в. Автор демонстрирует степень восприимчивости ряда представителей арабской интеллигенции прошлого века (в частности, ‘Абдурахмана Бадави (1917–2002), ‘Аббаса Махмуда ал-‘Аккада (1889–1964) и Антуна Са‘ады (1904–1949)) к построениям Бердяева, а также вскрывает влияние труда «О рабстве и свободе человека» на политическую печать 1940-х гг. Популярность бердяевского экзистенциализма в интеллектуальных кругах Ливана и Египта объясняется как закономерное следствие его манифестативного характера и терминологической простоты. Исследованию предпосылается краткая справка о переводах работ Бердяева на арабский язык, выполненных в 1960–2019 гг.

Ключевые слова: Бердяев, Бадави, ал-‘Аккад, Саиг, Са‘ада, экзистенциализм, современная арабская философия

Для цитирования: Нофал Ф.О. «Философия беспорядка»: рецепция работ Н.А. Бердяева в арабской печати середины XX в. // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 1. С. 5–18.

Начать нашу обзорную в целом работу следует с небольшой, но необходимой библиографической справки. Труды Николая Александровича Бердяева получили на арабском Востоке достаточно широкое распространение. По состоянию на сегодняшний день библиотеки ближневосточных интеллектуалов хранят переводы таких сочинений русского мыслителя, как «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения» (1934)¹, «Самопознание» (1949)², «Миросозерцание Достоевского» (1923)³, «Философия неравенства» (1923)⁴, «Восток и Запад» (1930)⁵

¹ В арабском переводе сохранен франко-английский заголовок – «Уединение и общество» (*Solitude et Société, Solitude and Society*). См.: Бердяев Н.А. Ал-‘Узла ва ал-муджтама‘ / Пер. Ф. Камила. Каир, 1960.

² В арабском переводе – «Мечта и реальность» (*Dream and Reality*). См.: Бердяев Н.А. Ал-Хулум ва ал-ваки‘ / Пер. Ф. Камила. Каир, 1984.

³ Бердяев Н.А. Ру‘йат Дустуйифски ли-л-‘алам / Пер. Ф. Камила. Бейрут, 2017.

⁴ Бердяев Н.А. Фаласафат ал-ламусават / Пер. Б. Микдада. Бейрут, 2017.

⁵ Бердяев Н.А. Аш-Шарк ва ал-гарб / Пер. И. Хабаша. Бейрут, 2019.

и «Истоки и смысл русского коммунизма» (1938)⁶; схожей по обхвату арабской библиографией может похвастаться разве что русскоязычная социально-политическая литература, в силу очевидных причин популярная среди революционно настроенных интеллектуалов Египта, Сирии, Ирака и Ливана 40-х – 80-х гг. прошлого столетия. Впрочем, ставить точку в истории «арабского Бердяева», равно как и в повествовании о судьбе «арабских» Ленина или Бакунина, ещё рано: лишь в начале XXI в. арабоязычный читатель смог подступить к систематизации разрозненных сведений об истории русской мысли, – систематизации, проводимой немногочисленными авторами, лишь пропедевтически⁷. А значит, знакомство со всей полнотой системы «русского гностика» и её непосредственным историко-культурным контекстом арабской интеллигенции только предстоит.

На наш взгляд, начала своеобразного «переводческого движения», представившего арабскому миру упомянутые выше работы Бердяева, следует искать в культурной ситуации первой половины XX в.: именно в этот период в академическую и общественную жизнь Ближнего Востока неожиданно врывается экзистенциализм (*вуджудиййа*). Противостоящий «мертвящему» материализму арабского социализма, экзистенциализм сумел отвоевать необходимое интеллектуальное пространство в египетских и ливанских университетах, профессорско-преподавательский состав которых по-прежнему оставался зависимым от континентальной традиции⁸. Подлинным пионером арабского экзистенциализма стал энциклопедист, переводчик и текстолог, египетский мыслитель ‘Абдурахман Бадави (1917–2002), уже в начале 40-х гг. занимавшийся самостоятельной проработкой основных понятий европейской «философии существования». Магистерская диссертация Бадави «Проблема смерти в экзистенциальной философии», выполненная под руководством Александра Койре, стала своеобразной интермедией к *opus magnum* учёного – его докторской диссертации «Экзистенциальное время» (1944), выпущенной отдельным томом и выдержавшей несколько переизданий⁹. В «Экзистенциальном времени» Бадави на крепком фундаменте концепции «ничто» Жан-Поля Сартра и «темпоральной» аналитики Мартина Хайдеггера построил собственную таблицу экзистенциалов воли и чувства, образующих шесть соответствующих постижению прошлого, будущего и настоящего триад¹⁰. Глубокому историку философии и проницательному публицисту, Бадави удалось не только разработать оригинальную и одновременно с тем строгую систему категорий, но и провести масштабную работу по популяризации европейского экзистенциализма в арабской печати 1940-х – 1980-х гг. Важнейшим итогом «пропагандистской» (а на деле – просветительской) деятельности египетского профессора стали «Исследования экзистенциальной философии» (1964), обобравшие историю экзистенциализма от Сёрена Кьеркегора до Габриэля Марселя¹¹.

В девятой главе «Исследований...» ‘А. Бадави обращается к творчеству «русского гностика» (*‘ариф русийй*) Бердяева – творчеству, тогда доступному во французских и английских переводах. Бердяев интересует Бадави прежде всего как

⁶ В арабском переводе – «Основа русского коммунизма» (*The Origin of Russian Communism*). См.: Бердяев Н.А. ‘Асл аш-шуйу‘иййа ар-русиййа / Пер. Ф. Камила. Каир, 2019.

⁷ В связи с последним обстоятельством показательно, что единственной доступной арабскому читателю работой, отведённой под обозрение истории русской философии, по сей день остаётся известный труд Н.О. Лосского (1870–1965). См.: Лосский Н.О. Тарих ал-фалсафа ар-русиййа / Пер. Ф. Камила. Каир, 1984.

⁸ Фролова Е.А. Дискурс арабской философии. М., 2016. С. 302–304.

⁹ Бадави ‘А. Аз-Заман ал-вуджудийй. Бейрут, 1973.

¹⁰ См. подробное изложение учения философа в: Бадави ‘А. Квинтэссенция нашей экзистенциальной концепции. Экзистенциальное время // Арабский экзистенциализм. Антология / Сост., предисл. пер. с араб., примеч. и указ. Ф.О. Нофала. Одесса, 2017. С. 17–36.

¹¹ Бадави ‘А. Дирасат фи ал-фалсафа ал-вуджудиййа. Бейрут, 1980.

экзистенциалистский историософ¹²: в отличие от О. Шпенглера, Бердяев верит в «Новое Средневековье» (*'усур вуста джадида*), а значит, постулирует возможность актуализации «тайны креста» (*сирр ас-салиб*); в этих идеях Бадави усматривает важнейший ресурс борьбы против различных вариантов рационализма и позитивизма¹³, и, сверх того, «примирения религии с экзистенциализмом и социализмом»¹⁴. «[Метафизическое] внимание» – вот что, согласно Бадави, выгодно отличает Бердяева от его современников; проведённая им работа по «скреплению» двух «ликов истины», «философии и религии», представляется египетскому профессору-атеисту социально значимой и исторически честной, коль скоро не разрешает бытийных и интеллектуальных противоречий прошлого в пользу одной из противоборствующих на идеологической арене современности сторон.

Впрочем, «имплицитные» цитаты из работ Бердяева мы находим и в других трактатах 'А. Бадави, не содержащих и упоминания об имени его русского *vis-à-vis*. Так, вторая часть «Экзистенциального времени» реинтерпретирует т.н. «экзистенциальную диалектику» (*дийаликтик вуджудийй*) – метод, используя который египетский энциклопедист приходит к выводу о существовании «напряжённого единства» (*вахда мутаваттира*) шести триад уже упомянутых нами бытийных состояний и «прыжка» (*тафра*), преодолевающего «пролегающее между самостями небытие»¹⁵. «Экзистенциальная диалектика» Бадави отличается от таковой у Бердяева¹⁶ двумя важнейшими чертами. Во-первых, египтянин сознательно избавляет свой труд от ссылок на классиков немецкой мысли, предпочитая «напряжённую ткань бытия» любым метафизическим и историософским построениям; все экзистенциалы Бадави описывают «глубину» человеческого Я и не обладают подлинно бердяевским, «эоническим» измерением. Во-вторых, Бадави не считает себя вправе принять проповеданный Бердяевым этический характер метафизики¹⁷, чем обнажает свою очевидную близость к «чистому» хайдеггеровскому проекту.

30-е – 40-е гг. XX в. ознаменовались в Египте своеобразным экзистенциалистским «бумом», самым непосредственным образом сказавшимся на местной печати. В годы, когда 'А. Бадави только готовился к написанию своего первого труда, посвящённого мысли Фридриха Ницше (1939), его наставник Та-Ха Хусайн (1889–1973) активно полемизировал с видным публицистом и религиозным мыслителем 'Аббасом Махмудом ал-'Аккадом (1889–1964). Последний, в частности, посвятил экзистенциализму два очерка, – «Экзистенциализм: его здоровая сторона» и «Экзистенциализм: его больная сторона» (1950)¹⁸, – в которых попытался обобщить имевшиеся в его распоряжении сведения о новомодном западном движении.

Как мы уже отмечали ранее, – пишет ал-'Аккад, – экзистенциалистское *credo* меняется от философа к философу (пусть современников и соотечественников) в зависимости от их отношения к этике и вероучению. Согласны они только в одном – в утверждении святости права личности, необходимости её, личности, защиты

¹² Последнее объяснимо прикладным характером ряда аспектов учения самого Бадави, вслед за Сартром стремившегося продемонстрировать практическую ценность экзистенциалистской философии. См., например: Бадави 'А. Возможно ли становление экзистенциальной этики? // Арабский экзистенциализм. Антология. С. 37–63.

¹³ Бадави 'А. Дирасат фи ал-фалсафа ал-вуджудиййа. С. 237.

¹⁴ Там же. С. 238.

¹⁵ Бадави 'А. Аз-Заман ал-вуджудийй. С. 155–239.

¹⁶ Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 254–358.

¹⁷ Бердяев Н.А. О назначении человека // Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 19–252.

¹⁸ Ал-'Аккад 'А. Экзистенциализм: его здоровая сторона // Арабский экзистенциализм. Антология. С. 64–69; Ал-'Аккад 'А. Экзистенциализм: его больная сторона // Арабский экзистенциализм. Антология. С. 70–76.

от посягательств общества – в особенности после появления на [мировой арене] современной демократии, социализма и фашизма. Этот постулат они обосновывают так: индивид – единственное истинно-сущее, в то время как человеческий вид представляет собой абстракцию, бытийствующую в мире представлений и предположений¹⁹.

Индивидуализм, проповедуемый экзистенциалистами, признается 'А. ал-'Аккадом главным достижением «философии существования» – этическим и политическим одновременно. Однако утверждённая за человеком свобода представляется египетскому критику страшнейшим политическим орудием, способным свести на нет «здоровую сторону» экзистенциализма. По мнению ал-'Аккада, ярчайшим образчиком «деструктивного» экзистенциализма следует считать систему Ж.-П. Сартра, – закономерный итог развития французского общества, якобы последовательно двигавшегося от свобод Великой французской революции²⁰ к сартровскому этическому нигилизму²¹. В качестве единственного антагониста Сартра, представителя «здорового» крыла экзистенциализма, ал-'Аккад выдвигает Бердяева, чьё учение соотносится с французским экзистенциализмом «лишь через постулат о свободе совести личности»²².

Родился он в 1874 г. в аристократической семье военного и прошел обучение в школах родного Киева, – отмечает писатель. – Поступив в университет, он присоединился к революционным кружкам, за что был сослан на русский Север. После его душа стала против революционного материализма – и он решил примерить облачение аскета, ещё не достигнув двадцатилетнего возраста. Но ненадолго – впоследствии он отверг церковную иерархию и принялся за углублённое изучение философии. Вскоре он стал крупным авторитетом в области философии и даже был приглашен Лениным преподавать в Московском университете. Пламенный ниспровергатель материализма, он прогневал Красное Государство своим толкованием истории как пространства божьего наставления, что проявляется в тяге народов к миру духа, в движении их от механической, животной жизни к жизни совести и свободы. Несмотря ни на что он продолжал вещать о социальной силе религии, незаменимой для общества, член которого, в свою очередь, не порывает со своей совестью ради познания тайн бытия. Он не мог продолжать жить в России – и потому был выслан в Германию; он не смог вынести пропаганду нацизма – и поэтому переехал в Париж, где и проживал вплоть до захвата его немцами. Он перенес заключение – и, освободившись из тюрьмы, он продолжал свою духовную проповедь, пока не скончался два года назад²³.

Своеобразный экскурс в биографию Бердяева приводится 'А. ал-'Аккадом с единственной целью – чтобы оправдать экзистенциализм *par excellence*, продемонстрировать его многообразие и вариативность степени независимости конкретных его версий от социально-политической среды. Согласно публицисту, Бердяев

является лучшим примером того, как мыслитель должен постигать испытание свободой, навязанное современной цивилизацией. Так, он отверг деспотизм императора – и восстал против деспотизма социалистов; он вышел против власти церкви – и презрел власть Карла Маркса. Внутренняя стихия свободы требовала от него окончательного вердикта о каждом течении, в которое он искренне погружался: он был и горящим проповедником революции, и отрешённым аскетом, влюблённым в Царство

¹⁹ Ал-'Аккад 'А. Экзистенциализм: его больная сторона. С. 70.

²⁰ Ср. со схожим отношением Джамал ад-Дина ал-Афгани (1839–1897) к событиям Великой французской революции: ал-Афгани, Джамал ад-дин. Ответ материалистам / Пер. с араб. и коммент. Ф.О. Нофала. М., 2021. С. 43–44.

²¹ Который к тому же увязывался ал-'Аккадом с «сионистским» фоном биографии Сартра (ал-'Аккад 'А. Экзистенциализм: его больная сторона. С. 75).

²² Ал-'Аккад 'А. Экзистенциализм: его больная сторона. С. 73.

²³ Там же. С. 74.

Божие. Но из обоих опытов он вынес веру в связь человека и Творца вселенной через совесть, не покорную ни одному из людей²⁴.

Вывод 'А. ал-'Аккада до крайности прост и провокативен:

Из этого русского экзистенциализма, проповеданного Бердяевым, мы узнаём, что болезнь французского экзистенциализма ни в коем случае не проистекает из последствий великих войн, ибо Бердяев дважды острее, нежели французские писатели, переносил бремя мировых войн; его учение – не результат революций и переворотов, участник которых он был с самого начала своей сознательной жизни. Экзистенциальная концепция [Бердяева] не вышла также из распутства европейских столиц, а он-то знал исповедующие азарт и распутство Москву, Петербург, Берлин, Мюнхен и Париж. Причины этической неполноценности, болезненности французского экзистенциализма, выведенные в сравнении с экзистенциализмом русским, заключены отчасти в самой Франции – и отчасти в личности Сартра. Что касается Франции, то она, как мы уже говорили в двух других статьях, заложила основы [экзистенциальной болезни] своей ветреностью, легкомысленной тягой к смене популярных сезонных «платьев», – [в том числе платьев интеллектуальных]... Различие между «гностическим» экзистенциализмом и экзистенциализмом «распутства», не замеченное современными европейскими философскими школами – это политико-идеологическая ангажированность последнего, ополчившегося против этических ценностей, метафизических основ любой общечеловечности. [Экзистенциализм Сартра, воспевающий животное распутство, – [законный наследник] социализма Маркса, извечного противника этики и обычаев, и социологии Дюркгейма, напрямую связывающей семью с искусственными факторами и тем самым лишаящей её этической, цивилизационной важности²⁵.

Как следствие, именно «добрый» экзистенциализм объявляется 'А. ал-'Аккадом пригодным к усвоению ближневосточными интеллектуалами – разумеется, когда и если они не стремятся отказываться от собственных национально-религиозных традиций. Как и 'А. Бадави, ал-'Аккад стремится, не привлекая напрямую текстов Бердяева, представить его в качестве первейшего союзника религиозного разума, ассоциируемого, в свою очередь, с исламским просвещением начала XX в. Однако и ал-'Аккад, и Бадави манифестативно настаивают на *свободолюбии* «философии существования» (в том числе бердяевской); о её границах, равно как и о теоретических основаниях, ни первый, ни второй нигде подробно не рассуждают²⁶.

Таково первое крыло арабской рецепции бердяевского экзистенциализма, которое мы вправе назвать литературно-публицистическим. Второе же крыло может быть условно названо социально-политическим.

В 1932 г. ливанский журналист и политик Антун Са'ада (1904–1949) основал Сирийскую социальную националистическую партию (ССНП) со штаб-квартирой в Бейруте. Уроженец горного аш-Шувайра, Са'ада в пятнадцатилетнем возрасте попал в США, а позже – в Бразилию, где овладел португальским, немецким и русским языками. Скрупулёзно ознакомившись с книжными новинками, посвящёнными различным проблемам философии, социологии и политологии, молодой Антун уже в 1922 г. приступает к публицистической деятельности; вскоре, в 1927 г., он основывает свою первую партию. Начиная с 1930 г. Са'ада принимается за разработку идеологии новой политической силы, впоследствии оформившейся в ССНП. Учение Са'ады, называемое сегодня пансирианизмом, – смелая попытка обозначить своеобразие культуры «Большой», или «Природной» (*таби'иййа*) Сирии, сложившейся под воздействием определённых географических и исторических условий

²⁴ Ал-'Аккад 'А. Экзистенциализм: его большая сторона. С. 73–74.

²⁵ Там же. С. 75.

²⁶ К возможным причинам показательной манифестативности «бердяевских» нарративов Бадави и ал-'Аккада мы вернёмся ниже.

на территории современных Ливана, Сирии, Ирака, Кувейта, Иордании, Палестины, Израйла и Кипра. По мысли политика, единство «сирийской нации», противопоставляемой «нациям» Египта и Судана, Магриба и Аравийского полуострова, обусловлено преемственностью культур и религий Сирии, фундированных социально-экономическими потребностями населения региона. Тем не менее в условиях ближневосточного постколониального порядка Са'ада считал первейшей необходимостью консолидацию «нации» посредством решительной централизации власти, а также через светское по существу преодоление религиозных противоречий. Милитаризм, антиклерикализм, стремление к индустриализации экономики и отчуждение «национальной инаковости» даже в пределах прежней «имперской» арабской культуры, – таковы «столпы» пропаганды, проводимой Са'адой на протяжении без малого двух десятилетий²⁷.

Почти что половину своего пути на посту лидера (за'им) ССНП А. Са'ада прошёл с Фаизом Саигом (1922–1980) – палестинским учёным и политиком, доктором философии Джорджтаунского университета (1949). Родившийся на сирийском Юге, Саиг перебрался с родителями на берег Тивериадского озера; новый дом будущего мыслителя неоднократно посещал и Антун Са'ада, убедивший Фаиза и его братьев в необходимости присоединиться к партии. В 1941 г. Саиг получил степень бакалавра в Американском университете Бейрута – университете, в котором преподавал немецкий язык сам Са'ада. Последний подвергся репрессиям французских властей и в 1938 г. был вынужден эмигрировать в Латинскую Америку, где провёл девять лет своей жизни. За годы, проведённые Са'адой в изгнании, Саигу посчастливилось присоединиться к руководящему составу ССНП: так, в 1944 г. Фаиз стал секретарём культурного управления партии²⁸, а позже возглавил управление по политинформации. Новый пост позволил Саигу проводить в жизнь собственный идеологический проект, основанный на почерпнутых из университетских лекций философамах.

После 1945 г. руководство ССНП взяло курс на своеобразную политическую «автохтонность», выраженную, во-первых, в отказе от использования титула «лидер» в отношении Са'ады, и, во-вторых, пренебрежении его проектом «Великой Сирии»; как следствие, из названия партии было удалено прилагательное «Сирийский». Внешние реформы, легитимированные съездом ССНП в 1946 г., сопровождались масштабными изменениями во внутренней пропаганде, инициированные лично Ф. Саигом. Постулируя конец «националистического универсализма» (*шумулиййа кавмиййа*), Саиг предпринял попытку выведения своеобразной «национальной философии», способной увязать популярную в молодёжной среде идею первоосновности индивидуального Я для построения решительно любой социальной общности с тезисами Са'ады. Пик популярности Саига на посту руководителя культурного управления ССНП пришёлся на провозглашение Ливаном независимости и возвращение Са'ады в страну 2 марта 1947 г. Жёсткие споры Саига и Са'ады и их кулуарная борьба за лидерство подошли к логичному завершению в конце того же 1947 г., когда очередной декрет «лидера» изгнал Фаиза из рядов ССНП²⁹.

Уже первый материал Са'ады, опубликованный в печатном органе партии сразу по исключении Саига, отмечен полемическим задором летних споров идеологов сирийского национализма. Несмотря на то, что в своих официальных выступлениях и публикациях Саиг напрямую не называет источников своего интеллектуального

²⁷ См. также: *Алимова А.Н.* Антун Сааде и идеология пансирианизма // *Ислам в современном мире.* 2018. Т. 14. № 1. С. 209–222.

²⁸ Са'ада А. Кадиййат ар-рафик Фйаиз Сайиг // *Ан-Нашра ар-расмиййа ли-л-харака ал-кавмиййа ал-иджтима'иййа.* 1947. Т. 1. № 2. С. 1.

²⁹ См.: *Бишара 'А. Файиз Сайиг ал-Кавмийй: таджрибату-ху фи ал-хизб ас-сурийй ал-кавмийй ал-иджтима'ийй.* 1938–1947. Бейрут, 2018.

проекта, Са'ада обрушивает на оппонента вал аргументов *ad hominem*, призванных отослать к его «внешним» авторитетам:

С тех самых пор (с 1944 г. – Ф.Н.) господин Фаиз Саиг принял действовать в соответствии с собственными принципами, провозглашёнными в докладе, и проповедовать среди членов партии учения и принципы, рушащие национально-социальное вероучение ('акида) лидера. Что касается учений, которые, словно клин, вбивались Саигом в плоть национально-социального движения, то они суть принципы религиозно-философской, духовно-индивидуалистической, персоналистической школы; её лидер – датский философ Кьеркегор, а ярчайший, хаотический её выразитель – русский писатель Бердяев. Меньшее, что можно сказать об этих чуждых нам учениях и принципах – то, что они рушат начало нации, её единство, её Я; они рассматривают общество и человечность единственно сквозь окуляры индивида – вразрез с социальными поучениями лидера, которые стали верой социально-национального движения и его исповеданием³⁰.

Упрёк в религиозности со стороны некогда исповедовавшего православие Са'ады вряд ли удивил Саига, неоднократно писавшего о «богословском» (*лахутийй*) строе мысли оппонента³¹; эта инвектива – не более чем проекция методологических проблем догматиста Са'ады на теоретически гораздо более проработанный проект Саига, непримиримо отстаиваемый последним в продолжение публичных диспутов 1947 г. Куда более интересно обвинение Саига в исповедании «бунтарских идей» и «вероятельном шатании»³² – «грехов», напрямую увязываемых Са'адой с влиянием на мысль бывшего соратника концепций Кьеркегора и Бердяева. Впрочем, процитированная прокламация лидера ССНП, лишённая не только ссылок на работы Саига, но и на «первоисточники» его «бытиизма» (*кайаниййа*³³), справедливо вызывает у внимательного читателя сомнения в теоретической подготовке автора: в частности, Са'ада крайне вольно обходится с терминами «философия жизни» (*фалсафат ал-хайат*) и «персонализм» (*фардиййа*), к 40-м гг. XX в. уже служившими техническими обозначениями устоявшихся школ континентальной мысли. Словно бы предупреждая критику сочувствующих Саигу представителей университетской элиты (о переговорах оппонента с ними лидер партии пишет в отдельном абзаце), Са'ада обещает представить читателям «Официального бюллетеня национально-социального движения» подробный анализ «тлетворных» воззрений «изгнанника» на «жизнь, вселенную и искусство»³⁴, – анализ, опубликованный в следующем декабрьском номере «Бюллетеня...» за 1947 г.

Этот, второй полемический материал Са'ады, озаглавленный как «Школа эгоизма и себялюбия: её чужое и хаотическое учение», увидел свет 15 декабря. В нём глава ССНП выказал твёрдое намерение «показать опорные точки» того «эгоистического и хаотического учения, именуемого “экзистенциализмом”», что «был проведён в арабскую среду Фаизом Саигом»³⁵. В отличие от предыдущей попытки

³⁰ Са'ада А. Кадиййат ар-рафик Файиз Сайиг. С. 1.

³¹ Бшара 'А. Файиз Сайиг ал-Кавмийй... С. 91.

³² Там же.

³³ Этот неологизм Саига сконструирован на основании классической арабской категории *кавн*, наравне с *вуджуд* указывавшей на бытийный аспект метафизической структуры вещей. Впрочем, историк арабо-мусульманской философии не может не отметить преимущественно темпоральную коннотацию *кавн* – понятия, в первую очередь указывавшего на временное возникновение субстанций или акциденций; неслучайно в арабоязычном перипатетизме антонимом этого слова служило понятие *фасад*, «порча», а не 'адам, «небытие».

³⁴ Са'ада А. Кадиййат ар-рафик Файиз Сайиг. С. 2.

³⁵ Са'ада А. Мадрасат ал-'ананиййа ва махаббат аз-зат: та'алиму-ха ал-фавдавиййа ал-гариба // Ан-Нашра ар-расмиййа ли-л-харака ал-кавмиййа ал-иджтима'иййа. 1947. Т. 1. № 3–4. С. 1. Показательно, что ниже Са'ада отмечает: «Саиг проповедует [экзистенциализм] в рядах социальной националистической партии так, будто провозглашает собственное учение» (Там же). Этот пассаж лидера

вскрыть источники мысли Саига, новый идеологический «рейд» Са'ады останавливается у наследия всего лишь одного «предтечи» палестинского политика:

Поистине, писатель, которого почитает изгнанный Фаиз Саиг и идеи которого распространяет в рядах социальной националистической партии, – это Николай Бердяев. Основные его тезисы заимствованы Саигом из книги «Рабство и свобода», опубликованной в Лондоне в 1944 г.³⁶ ...Будь у нас побольше времени, будь дело Фаиза Саига более стоящим, мы прочли бы все книги Бердяева и других авторов, ставших помощниками [нашего оппонента]; сейчас же нам довольно вывести опорные точки индивидуалистического хаотического персонализма из упомянутой книги Бердяева, просочившиеся в социально-националистические круги через наше культуправление³⁷.

В первую очередь Са'ада инкриминирует экзистенциализму Бердяева тезис об исключительности каждой человеческой личности, якобы независимой от совокупности культурных и социально-экономических факторов:

Первая опорная точка индивидуализма такова: всякий индивид есть личность. Такова религиозная основа персонализма, полагающего, будто всякий индивид исходит напрямую от Бога, но не от человеческого вида, человеческого сообщества или при их посредстве³⁸.

Сводка цитат из работы «О рабстве и свободе человека»³⁹ вскрывает первое «белое пятно» критики Са'ады, то ли намеренно, то ли произвольно отождествлявшего понятия «личность» (*шахсиййа*) и «индивидуум» (*фардиййа*), старательно разведённые самим Бердяевым. По мнению ливанского политика, и Бердяев, и Саиг пренебрегают «объектным»⁴⁰ значением индивидуальности, якобы сведённой к религиозной, «гностической» интуиции инаковости человеческой души миру вещей. Именно в этом свете Са'ада обращается к бердяевской антисоциологической выкладке – выкладке, направленной, согласно лидеру ССНП, против единственной науки об индивиде-личности:

Чтобы утвердить свои идеи, направленные против научных фактов, Бердяев в собственном ему хаотическом стиле ниспровергает саму науку и выводы, к которым пришли учёные и философы науки. Достаточно скоро он заключает: «Ошибочны (sic!) все социологические учения о человеке, они знают лишь поверхностный объективированный слой в человеке»⁴¹. Затем он и вовсе отвергает ценность социальной философии и философии жизни (биологии), коль скоро они не признают исключительное божественное происхождение каждого индивида, – и потому там же пишет: «Но подлинное учение о человеке-личности может построить лишь экзистенциальная

ССНП позволяет нам с высокой долей вероятности установить «реконструктивный» характер его работы: Са'ада не столько вычитывал из трудов Саига скрытые цитаты, сколько «узнавал» последние в основных тезисах противника по партийной борьбе. Ср. также и со следующим замечанием Са'ады: «Если индивидуалист прочтёт понравившийся ему труд, он до конца будет пытаться скрыть перенятые им цитаты – заодно с фактом следования новому авторитету. Таковой присваивает всю систему мысли и приписывает её создание самому себе!» (Там же. С. 2).

³⁶ Са'ада имеет в виду следующее издание: *Berdyaev N. Slavery and Freedom. L., 1944.* О том, почему владевший русским языком лидер ССНП обратился к англоязычному, а не оригинальному тексту «О рабстве и свободе человека» (1939), нам остаётся только догадываться.

³⁷ Са'ада А. Мадрасат ал-'ананиййа ва махаббат аз-зат... С. 1.

³⁸ Там же.

³⁹ «Личность не есть часть общества, как не есть часть рода... Личность не порождается родовым космическим процессом, не рождается от отца и матери, она происходит от Бога, является из другого мира» (Там же; *Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М., 1995. С. 15, 21.*)

⁴⁰ В тексте Бердяева – «натуралистическим» (*Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека... С. 21.*)

⁴¹ *Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека... С. 15.*

философия, а не философия социологическая, как и не философия биологическая»⁴². Это то, о чём говорим мы: проблема человека в «экзистенциальной» философии есть проблема личностная; всякая другая школа, не согласная с подобной постановкой проблемы, объявляется [экзистенциалистами] ошибочной. Потому-то Бердяев и мнит, будто наука, факты и всякая научная философия есть ошибка!⁴³

Вывод из первого блока статьи Са'ады прост: религиозная философия Бердяева не только антинаучна, но и обскурантна. Примкнув к «русскому гностику», Саиг, по мнению бывшего соратника, столь же изменил созданной лидером программе ССНП, сколь и деконструировал её сциентистские основы, фундированные, в свою очередь, рядом положений социально-политической науки начала XX в. Отказ от «научной идеологии» трактуется Са'адой одновременно как личный вызов и претензия на разложение нации – первейшее следствие из выведенного выше «догматического» принципа экзистенциализма.

Второй первопринцип бердяевской философии выглядит, по Са'аде, так:

Коль скоро личность (индивидуум) исходит напрямую от Бога, безотносительно к человеческому виду или человеческому же обществу, любое объединение индивида и общества с его духовностью и системой есть конец индивидуальности. Поэтому у этого анти-экзистентного учения, по ошибке именуемого «экзистенциализмом», должна иметься вторая опорная точка – отказ от объединения с обществом и восстание против общественных обязательств. Посмотри, что пишет Бердяев в упомянутой выше книге: «Самоосуществление личности предполагает сопротивление, требует борьбы против порабощающей власти мира, несогласия на конформизм с миром»⁴⁴. Крайний индивидуализм и слепой социальный анархизм – вот вторая опорная точка хаотического индивидуалистического персонализма⁴⁵.

Следуя обозначенному выше принципу тождества индивида и личности, Са'ада отмечает: существующий в «объектных» условиях человек, об исключительной ценности творчества которого единодушно учат Саиг и Бердяев, не в силах существовать в отрыве от избираемого им сообщества; в противном случае, противостоя экономическим и культурным потребностям общества, индивид оборачивается деструктивной единицей, в подлинное анти-творческое начало. Понятая в этом духе бердяевская феноменология «противостояния»⁴⁶ подводит мыслителя к следующему заключению:

Поистине персоналистический индивидуализм есть учение о вечной негативности, о перманентном противостоянии, толкающем индивида к послушанию – единственно ради самоутверждения, из страха принять вместе с какой-нибудь мыслью, суждением, примером порицаемые общество, государство или Бога. «Отрицай – и тогда будешь узнан!», – гласит лозунг персоналистического индивидуализма. «Отрицай всегда – и навсегда пребудешь узнаваем!», – вот золотое правило этого странного учения⁴⁷.

⁴² Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека... С. 15.

⁴³ Са'ада А. Мадрасат ал-'ананиййа ва махаббат аз-зат... С. 1–2.

⁴⁴ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека... С. 16.

⁴⁵ Са'ада А. Мадрасат ал-'ананиййа ва махаббат аз-зат... С. 2.

⁴⁶ В этом пункте своих рассуждений Са'ада ссылается на известную сентенцию Бердяева: «Можно было бы сказать, что общество и природа дают материю для активной формы личности. Но личность есть независимость от природы, независимость от общества и государства. Она противится всякой детерминации извне, она есть детерминация изнутри. Личность не может быть детерминирована изнутри и Богом. Отношение между личностью и Богом не есть каузальное отношение, оно находится вне царства детерминации, оно внутри царства свободы. Бог не объект для личности, он субъект, с которым существуют экзистенциальные отношения. Личность есть абсолютный экзистенциальный центр. Личность определяет себя изнутри, вне всякой объективности, и только определяемость изнутри» (Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека... С. 15–16).

⁴⁷ Са'ада А. Мадрасат ал-'ананиййа ва махаббат аз-зат... С. 2.

Третья «опорная точка» экзистенциализма Бердяева, по словам Са'ады, – «строгий» эгоизм, несовместимый с «общим делом» национально-политического строительства. Любое указание Бердяева на первоосновность личного бытия для бытия социального, любой обнаруженный в труде русского мыслителя намёк на постоянное самоопределение индивида⁴⁸ однозначно трактуются ливанским политиком как заключение о «преданности индивида лишь самому себе – собственной персоне», якобы обесценивающей любые формы общественной принадлежности⁴⁹. «Ограниченный персоналистический взгляд» Бердяева, уверен Са'ада, опрокидывает иерархию потребностей социума, отводя ведущую роль не общим интересам, но интересам единичного человека⁵⁰.

Абсолютная преданность эгоизму требует от индивида не только отказываться от общества, но и ставить собственное дело выше дела общественного. Более того – общество и даже космос в своей полноте становятся частью индивидуальной личности! «Личность есть субъект, а не объект среди объектов, и она вкоренена во внутреннем плане существования, т.е. в мире духовном, в мире свободы. Общество же есть объект. С экзистенциальной точки зрения общество есть часть личности, её социальная сторона, как и космос есть часть личности, её космическая сторона»⁵¹. А раз так, коль скоро личность индивидуума есть «высшая ценность и абсолютный бытийный центр», призванный «осуществить себя», общество выступает в качестве её, личности, инструмента... Общество, согласно индивидуалистам-персоналистам, существует лишь для выпячивания личности... А значит, не существует общественных прав; лишь индивид располагает правами перед обществом. Индивидуальная личность преследует общество, а общество не в силах преследовать индивидуальную личность!⁵²

Лидер ССНП уверен: «эгоистическая» революция против общества, провозглашенная Бердяевым по этическим соображениям⁵³ (что, безусловно, игнорируется самим Са'адой), не может не завершиться выведением четвёртого «столпа» экзистенциализма – принципа «абсолютного хаоса»⁵⁴. Личность, о которой пишет русский философ, противится диктату разума, ставит свободу выше рационалистической необходимости, «объективации» (*вад'*)⁵⁵; последнее означает для Са'ады очередной выпад против законов человеческого общежития и «объективированной» культуры нации, а значит, по Саигу и Бердяеву:

⁴⁸ «Но личность есть независимость от природы, независимость от общества и государства... Поэтому личность не есть феномен среди феноменов. Личность есть цель в себе, а не средство, она существует через себя... Всякая личность есть самоцель... Личность себя творит и осуществляет свою судьбу» (*Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека... С. 15, 20, 23, 13*).

⁴⁹ Са'ада А. Мадрасат ал-'ананиййа ва махаббат аз-зат... С. 2.

⁵⁰ Здесь Са'ада ссылается на следующий отрывок: «Персоналистический социализм исходит из примата личности над обществом» (*Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека... С. 10*).

⁵¹ *Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека... С. 15*.

⁵² Са'ада А. Мадрасат ал-'ананиййа ва махаббат аз-зат... С. 2.

⁵³ Ср.: «Моё очень раннее убеждение в том, что в основе цивилизации лежит неправда, что в истории есть первородный грех, что всё окружающее общество построено на лжи и несправедливости, связано с Л. Толстым. Я никогда не был адептом толстовского учения и даже не очень любил толстовцев, но толстовское восстание против ложного величия и ложных святых истории, против лжи всех социальных отношений людей проникло в моё существо. Я и сейчас после долгого пути узнаю в себе эти первоначальные оценки исторической и социальной действительности, эту свободу от навязанных социальных традиций, от моральных предрассудков благомыслящих людей» (*Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека... С. 7*).

⁵⁴ Са'ада А. Мадрасат ал-'ананиййа ва махаббат аз-зат... С. 2–3.

⁵⁵ Са'ада цитирует следующие отрывки из «О рабстве и свободе человека»: «Личность есть существо разумное, но она не определяется разумом, и её нельзя определить как носителя разума... Личность есть не только существо разумное, но и существо свободное» (*Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека... С. 14*).

Любой произвол в этом «творческом хаосе» дозволителен и прекрасен. Всякое желание, всякая страсть – всего лишь «необходимость» свободы. Индивидуальная личность осуществляется только в этом хаосе, – а значит, кристаллизуется единственно через слушание, инаковость, борьбу с миром и восстание против него! Ведь всякий разум, всякая мысль ограничивает «свободу» личности «объективацией», якобы не достойной индивидуума!⁵⁶

Постоянное противопоставление индивида и общества порождает, наконец, фатальную раздвоенность в целеполагании самого индивида, утрачивающего способность к плодотворному взаимодействию с окружающими его сообществами. В этом Са'ада усматривает пятый – и последний – принцип бердяевской «философии свободы»: тотальный выбор, ограниченный отказом от социальной кооперации, неизбежно саботирует искомый личностью творческий процесс. Последнее соображение политик иллюстрирует достаточно красочной метафорой:

Пятая опорная точка персоналистического индивидуализма – страусовая философия. У страуса всего две философии. Первая рождается, когда он при виде охотника погружает голову в песок. Это – малая персоналистическая страусовая философия. Вторая обнаруживается, когда страусу приказывают летать, – а он в ответ молвит: «Я – не птица, я – верблюд!»; когда же его просят поносить на себе поклажу, он замечает: «Я – не верблюд, а птица!». Такова вторая страусовая философия – великая персоналистическая и индивидуалистическая!.. Бердяев определяет личность как «неизменность в изменении»⁵⁷, а позже – и вовсе замечает: «Личность не может быть вполне гражданином мира и государства, она гражданин Царства Божьего. Поэтому личность есть элемент революционный в глубоком смысле слова. Это связано с тем, что человек есть существо, принадлежащее не к одному, а к двум мирам»⁵⁸. А раз индивидуум живет в двух мирах, он, учитывая свою преданность себе, вынужден выбирать своим силам необходимое приложение; он должен быть предан то миру царства небесного, то миру земному... Нет, лучше всего следуют второй страусовой философии двуликие и двуязыкие. Такова их великая и назидательная философия!⁵⁹

Бойкое завершение полемики Са'ады и Саига в пользу первого ознаменовало конец 1947 г. и перерыв в политической карьере опального палестинского мыслителя, спустя три года занявшего новый пост в информационной службе ООН. Что касается предводителя ССНП, то он был расстрелян на рассвете 8 июля 1949 г. по обвинению в организации попытки антиправительственного переворота.

Такова судьба «арабского Бердяева» в арабской же печати середины XX в. – в печати, всё ещё не знавшей полноценных переводов основных трудов русского философа. Вплоть до начала 1960-х гг. рассуждения ал-'Аккада, Бадави и Са'ады, вкуче со скупыми оригинальными цитатами, оставались для ближневосточных обывателей единственным источником сведений о бердяевской «философии свободы», которая, впрочем, и философами, и идеологами Сирии, Египта и Ливана изображалась в качестве своеобразной «философии беспорядка» – то ли творческого, то ли деструктивного. Со своей стороны отметим, что популярность именно бердяевского варианта экзистенциализма в арабской интеллектуальной среде вполне объяснима не только её манифестативным характером, но и определённой терминологической легкостью, отсутствием строгого метода, коим отмечены проекты Хайдеггера или Сартра: именно по этой причине построения «русского гностика» получили куда более широкое распространение, чем диалектическая система того же Бадави, и оказали значимое влияние на политико-идеологические баталии

⁵⁶ Са'ада А. Мадрасат ал-'ананиййа ва махаббат аз-зат... С. 3.

⁵⁷ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека... С. 5.

⁵⁸ Там же. С. 22.

⁵⁹ Са'ада А. Мадрасат ал-'ананиййа ва махаббат аз-зат... С. 3.

постколониальной поры. Конец XX – начало XXI в. и непрекращающаяся работа переводчиков-русистов подарили арабскому читателю самостоятельные исследования бердяевского творчества, принадлежащие перу Набил Рашад Са'ид⁶⁰ и Хасану Йусуфу⁶¹; впрочем, эти труды достойны отдельного обстоятельного обзора, которому мы намерены посвятить следующую статью.

Список литературы

Алимова А.Н. Антун Сааде и идеология пансирианизма // Ислам в современном мире. 2018. Т. 14. № 1. С. 209–222.

Арабский экзистенциализм. Антология / Сост., предисл. пер. с араб., примеч. и указ. Ф.О. Нофала. Одесса: Фенікс, 2017. 208 с.

Ал-Афгани, Джамал ад-дин. Ответ материалистам / Пер. с араб. и коммент. Ф.О. Нофала. М.: ИД «Медина», 2021. 64 с.

Бердяев Н.А. О назначении человека // Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 19–252.

Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. С. 4–287.

Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 254–358.

Фролова Е.А. Дискурс арабской философии. М.: ИД ЯСК: ООО «Садра», 2016. 312 с.

Berdyayev N. Slavery and Freedom. L.: C. Scribner's Sons, 1944. 271 p.

На арабском языке

Бадави 'А. Дирасат фи ал-фалсафа ал-вуджудийя. Бейрут: ал-Му'ассаса ал-'арабийя ли-д-дирасат ва ан-нашр, 1980. 311 с.

Бадави 'А. Аз-Заман ал-вуджудий. Бейрут: Дар ас-сакафа, 1973. 276 с.

Бердяев Н.А. 'Асл аш-шуй'ийя ар-русийя / Пер. Ф. Камила. Каир: ал-Хай'а ал-'амма ли-кусур ас-сакафа, 2019. 209 с.

Бердяев Н.А. Ру'ят Дустуйифски ли-л-'алам / Пер. Ф. Камила. Бейрут: Афак ли-н-нашр ва ат-тавзи', 2017. 291 с.

Бердяев Н.А. Ал-'Узла ва ал-муджтама' / Пер. Ф. Камила. Каир: Мактабат ан-Нахда ал-мисрийя, 1960. 288 с.

Бердяев Н.А. Фаласафат ал-ламусават / Пер. Б. Микдада. Бейрут: ал-Марказ ал-'арабий ли-л-абхас ва дирасат ас-сийасат, 2017. 336 с.

Бердяев Н.А. Ал-Хулум ва ал-ваки' / Пер. Ф. Камила. Каир: ал-Хай'а ал-мисрийя ал-'амма ли-л-китаб, 1984. 323 с.

Бердяев Н.А. Аш-Шарк ва ал-гарб / Пер. И. Хабаша. Бейрут: Дар ар-Рафидайн ли-т-тиба'а ва ан-нашр, 2019. 107 с.

Бшара 'А. Файиз Сайиг ал-Кавмий: таджрибату-ху фи ал-хизб ас-сурий ал-кавмий ал-иджтима'ий. 1938–1947. Бейрут: ал-Фурат ли-н-нашр ва ат-тавзи', 2018. 351 с.

Йусуф Х. Фалсафат ад-дин 'инд Бирдйа'иф. Бейрут: Мактабат Дар ал-калима, 2000. 148 с.

Лосский Н.О. Тарих ал-фалсафа ар-русийя / Пер. Ф. Камила. Каир: Дар ал-ма'ариф, 1984. 465 с.

Са'ада А. Кадийят ар-рафик Фйаиз Сайиг // Ан-Нашра ар-расмийя ли-л-харака ал-кавмийя ал-иджтима'ийя. 1947. Т. 1. № 2. С. 1.

Са'ада А. Мадрасат ал-'ананийя ва махаббат аз-зат: та'алиму-ха ал-фавдавийя ал-гарйба // Ан-Нашра ар-расмийя ли-л-харака ал-кавмийя ал-иджтима'ийя. 1947. Т. 1. № 3–4. С. 1–3.

Са'ид Н.Р. Ал-Фалсафа ал-вуджудийя 'инд Никула Бирдйа'иф. Каир: Хасс, 1990. 255 с.

⁶⁰ Са'ид Н.Р. Ал-Фалсафа ал-вуджудийя 'инд Никула Бирдйа'иф. Каир, 1990.

⁶¹ Йусуф Х. Фалсафат ад-дин 'инд Бирдйа'иф. Бейрут, 2000.

“Philosophy of Disorder”: Reception of N.A. Berdyaev’s Works in the Arabic Press of the Mid-Twentieth Century

Faris O. Nofal – research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: faresnofal@mail.ru

The article is devoted to the Arabic reception of Nikolai Aleksandrovich Berdyaev works in the mid-twentieth century. The author demonstrates the influence of Berdyaev’s theories on a number of Arab intellectuals (e.g. ‘Abd al-Rahmān Badawī (1917–2002), ‘Abbās Maḥmūd al-‘Aqqād (1889–1964) and Anṭūn Sa‘ādah (1904–1949)), and also reveals the influence of the work “Slavery and Freedom” on the political press of the 1940s. The popularity of Berdyaev’s existentialism in the intellectual circles of Lebanon and Egypt is explained as a natural consequence of its manifestative nature and terminological simplicity. The study is preceded by a brief summary of the translations of Berdyaev’s works into Arabic, completed in 1960–2019.

Keywords: Berdyaev, Badawī, al-‘Aqqād, Ṣāḡ, Sa‘ādah, Existentialism, Modern Arab Philosophy

For citation: Nofal, F.O. “Filosofiya besporyadka”: retseptsiya rabot N.A. Berdyaeva v arabskoj pechati seredini XX v. [“Philosophy of Disorder”: Reception of N.A. Berdyaev’s Works in the Arabic Press of the Mid-Twentieth Century], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 1, pp. 5–18. (In Russian)

References

- Al-Afgānī, Ğamāl al-Dīn. *Otvét materialistam* [A Refutation of Materialists]. Moscow: “Medina” publ., 2021. 64 p. (Russian translation)
- Alimova, A.N. Antun Sa‘ade i ideologija pansirinizma [Antun Sa‘ade and the Ideology of Pansyri-anism], *Islam in the modern world*, 2018, 14 (1), pp. 209–222. (In Russian)
- Arabskij jekzistencializm. Antologija* [Arab Existentialism. Anthology of Texts]. Odessa: Feniks, 2017. 208 p. (Russian translation)
- Badawī, ‘A. *Dirāsāt fī al-falsafah al-wuḡūdīyyah* [Studies in Existential Philosophy]. Beirut: al-Mu‘assasah al-‘arabiyyah li-l-dirāsāt wa al-našr, 1980. 311 p. (In Arabic)
- Badawī, ‘A. *Al-Zamān al-wujūdī* [The Existential Time]. Beirut: Dār al-ṭaqāfah, 1973. 276 p.
- Berdyaev, N. *‘Aṣl al-šū‘ūriyyah al-rūsīyyah* [The Origin of Russian Communism]. Cairo: al-Hay’a al-‘āmmah li-quṣūr al-ṭaqāfah, 2019. 209 p. (Arabic translation)
- Berdyaev, N. *Falsafat al-lāmusāwāt* [The Philosophy of Inequality]. Beirut: al-Markaz al-‘arabi līl-abḥāṭ wa dirāsāt al-siyāsah, 2017. 339 p. (Arabic translation)
- Berdyaev, N. *Al-Hulm wa al-wāqi‘* [Dream and Reality]. Cairo: al-Hay’ah al-miṣrīyyah al-‘āmmah li-l-kitāb, 1984. 323 p. (Arabic translation)
- Berdyaev, N. Jekzistencial’naja dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo [Divine and the Human], in: *O Naznachenii cheloveka*. Moscow: “Respublica” publ., pp. 254–358. (In Russian)
- Berdyaev, N. O naznachenii cheloveka [The Destiny of Man], in: *O Naznachenii cheloveka*. Moscow: “Respublica” publ., pp. 19–252. (In Russian)
- Berdyaev, N. O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoy filosofii [Slavery and Freedom], in: *Carstvo duha i carstvo kesarja*. Moscow: “Respublica” publ., 1995, pp. 4–287. (In Russian)
- Berdyaev, N. *Ru’yat Dūstūyifskī li-l-‘ālam* [Dostoevsky: An Interpretation]. Beirut: Āfāq li-l-našr wa al-tawzī‘, 2017. 291 p. (Arabic translation)
- Berdyaev, N. *Al-Sarq wa al-ḡarb* [East and West]. Beirut: Dār al-Rāfidayn li-l-ṭibā‘ah wa al-našr, 2019. 107 p. (Arabic translation)
- Berdyaev N. *Slavery and Freedom*. London: C. Scribner’s Sons, 1944. 271 p. (English translation)
- Berdyaev, N. *Al-‘Uzlah wa al-muḡtama‘* [Solitude and Society]. Cairo: Maktabat al-naḥḍah al-miṣrīyyah, 1960. 288 p. (Arabic translation)
- Bšārah, ‘A. *Fāyiz Ṣāyig al-qawmī: taḡribatu-hu fī al-Hizb al-Sūrī al-Qawmī al-Iḡtimā‘ī. 1938–1947* [Fayiz Sayig the Nationalist: his Experience in Syrian Social Nationalist Party. 1938–1947]. Beirut: al-Furāt li-l-našr wa al-tawzī‘, 2018. 351 p. (In Arabic)

Frolova, E.A. *Diskurs arabskoj filosofii* [Arab Philosophy Discourse]. Moscow: “YaSK”: “Sadra” publ., 2016. 312 p. (In Russian)

Lossky, N. *Tārīḥ al-falsafah al-rūsīyyah* [The History of Russian Philosophy]. Cairo: Dār al-Ma‘ārif, 1984. 465 p. (Arabic translation)

Sa‘ādah, A. *Madrasat al-‘anānīyyah wa maḥabbat al-dāt: ta‘ālīmu-hā al-fawḍawīyyah al-ḡarībah* [Egoistic and Self-Loving Thought: Its Chaotic and Strange Teachings], *al-Naşrah al-rasmīyyah li-l-ḥarakah al-qawmīyyah al-iḡtimā‘īyyah*, 1947, Vol. 1, No. 3–4, pp. 1–3. (In Arabic)

Sa‘ādah, A. *Qaḍīyyah al-rafiq Fāyiz Şāyig* [Comrade Fayiz Sayig’s Case], *al-Naşrah al-rasmīyyah li-l-ḥarakah al-qawmīyyah al-iḡtimā‘īyyah*, 1947, Vol. 1, No. 2, pp. 1. (In Arabic)

Sa‘īd, N. *Al-Falsafah al-wuḡūdīyyah ‘ind Nīqūlā Birdiā’if* [Existential Philosophy of N. Berdyaev]. Cairo: Hāṣṣ, 1990. 255 p.

Yūsuf, Ḥ. *Falsafat al-dīn ‘ind Birdiā’if* [Berdyaev’s Philosophy of Religion]. Beirut: Dār al-Kalimah, 2000. 148 p. (In Arabic)

В.В. Петров

**«Здесь геометрия становится уже религией»:
метафорика неевклидовой геометрии
в теоретических построениях Д.С. Мережковского**

Памяти О.А. Коростелёва

Петров Валерий Валентинович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: camras.iph@gmail.com

В статье рассматривается ранее не отмеченная исследователями, но многообразно представленная у Д.С. Мережковского тенденция излагать свои теоретические построения посредством образов и понятий, отсылающих к неевклидовой геометрии, а также посредством концепций многомерных пространств, мистически истолкованных. Демонстрируется, что подобный подход является устойчивым образно-теоретическим методом Д.С. Мережковского, к которому он прибегает в большом количестве сочинений – от ранних до последних. Геометрическая и пространственная метафорика, восходящая к Ф.М. Достоевскому и Вл.С. Соловьёву, а также активно задействованная его современниками, является сущностной чертой его мирозерцания. Подчёркивается, что в противоположность авторам, которые использовали представления о «четвёртом измерении» и «неевклидовом пространстве» для иллюстрации оккультных, медиумических или астральных концепций, Мережковский прилагает их к христианской мистике, описывая феномены «чуда», «царства Божьего», «жизнь вечную» и пр. Прослеживается эволюция соответствующих взглядов Мережковского с 1907 по 1939 г., устанавливаются источники, влиявшие на их формирование, среди которых Ф.М. Достоевский, Н.В. Бугаев, А. Карташёв, Э. Ренан, христианские апокрифы. Отмечено, что в ряде случаев соответствующие рассуждения и образы Мережковского отразились в сочинениях Андрея Белого.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, Ф.М. Достоевский, Вл.С. Соловьёв, А.В. Карташёв, А. Бергсон, Э. Ренан, Н.В. Бугаев, Л.М. Лопатин, Андрей Белый, четвёртое измерение, неевклидово пространство, религиозная революция, непредвидимость, прерывность

Для цитирования: Петров В.В. «Здесь геометрия становится уже религией»: метафорика неевклидовой геометрии в теоретических построениях Д.С. Мережковского // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 1. С. 19–36.

В своих сочинениях Д.С. Мережковский (1865–1941) неоднократно рассуждает о действительности, которую в разных случаях именует чудесной, эсхатологической, божественной и пр. Однако особенностью его подхода и вообще мирозерцания является то, что он интерпретирует подобную реальность как пространство четырёх измерений и/или пространство, свойства которого описываются законами неевклидовой геометрии¹.

Рецепция и апроприация примеров, выработанных математиками для описания неевклидовых пространств и пространств различной мерности, составляли характерную черту подхода теоретиков-гуманитариев конца XIX – начала XX вв. Соответствующие концепции проникли также в популярную мифологию, где трансформировались в совокупность разнородных оккультных и спиритуалистических доктрин.

В России, как мне кажется, можно говорить о двух волнах интереса к этой тематике. Позднейшая группа авторов, рассуждавших о четвёртом измерении в период 1902–1920 гг., представлена именами Андрея Белого, Вяч. Иванова, М. Волошина, а также Н.А. Морозова, П.Д. Успенского, П.А. Флоренского, которые находились под влиянием теорий Чарльза Хинтона, Вильгельма Вундта, Карла Дюпреля, Рудольфа Штейнера². Для их теоретических построений характерен *энантиодромный* подход; геометризм их мысли не свойственен. А вот *ранняя* волна интереса, отмеченная *энантиоморфной*³ тенденцией в подборе иллюстрирующих примеров, поднялась на двадцать лет раньше и была порождена А.М. Бутлеровым, опубликовавшим в январе 1878 г. в «Русском вестнике» статью «Четвёртое измерение пространства и медиумизм»⁴. Этот пространственный текст является пересказом рассуждений немецкого астрофизика и философа Фридриха Цёлльнера (1834–1882)⁵. Особенностью изложения Цёлльнера, которую всячески подчёркивает в своём пересказе Бутлеров, была опора на философию Канта⁶ и соединение геометрических рассуждений с медиумизмом,

¹ Текст статьи представляет собой расширенный и доработанный доклад: *Петров В.В.* «Геометрия чуда» в работах Д.С. Мережковского», представленный на Международной научной конференции «*Emigrantica продолжается*: памяти Олега Анатольевича Коростелёва», 22 марта 2021 г., ИМЛИ РАН, Москва.

² См.: *Петров В.В.* Телеология, четвёртое измерение и обратный ход времени в работах А. Белого, Вячеслава Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М., 2018. С. 13–65; *Петров В.В.* Концептуальное и перцептуальное пространство в ранних работах Андрея Белого // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 3. М., 2016. С. 287–331; *Петров В.В.* Репрезентация пространства в «Возврате» Андрея Белого // Арабески Андрея Белого: жизненный путь, духовные искания, поэтика / Ред.-сост. Корнелия Ичин, Моника Спивак. Белград, 2017. С. 561–577.

³ В отношении рассуждений о пространствах разной мерности об «энантиодромной» (от греч. ἐναντίος + ὄρμος, «бег в противоположном направлении») тенденции можно говорить применительно к авторам, противопоставлявшим ряд «причин» (т.е. присущую материальному миру последовательность событий, направленных из прошлого в будущее) ряду «целей» (т.е. присущей духовному миру последовательности целевых причин, которая направлена из будущего в прошлое). «Энантиоморфная» (от греч. ἐναντίος + μορφή, «имеющая противоположную форму») традиция в этом случае представлена авторами, которые демонстрировали склонность к геометрическим построениям, обыгрывавшим явление хиральности – противоположности правосторонних и левосторонних объектов (см. пример с правой и левой перчаткой у Канта). Обе «традиции» рассуждений достаточно условны и не исключают друг друга.

⁴ *Бутлеров А.* Четвёртое измерение пространства и медиумизм // *Русский вестник*. 1878. Т. 133. С. 945–971.

⁵ *Zöllner F.* Über Wirkungen in die Ferne // *Zöllner F.* Wissenschaftliche Abhandlungen. Band 1. Leipzig, 1878. S. 16–288; *Zöllner F.* Transcendental Physics. An Account of Experimental Investigations from Scientific Treatises of Johann Carl Friedrich Zöllner / Transl. from German by C.C. Massey. London, 1880.

⁶ *Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука (1783) / Пер. В.С. Соловьёва // *Кант И.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М., 1994. С. 41–42: «Что может быть более подобно моей руке или моему уху и во всех отношениях равно им в большей мере, чем

поскольку Цёлльнер отождествлял пространство четырёх измерений с пространством духовным и полагал, что некоторые медиумы способны выходить в четвёртое измерение, осуществляя в нём операции, недоступные в трёхмерном мире.

Публикация Бутлерова имела широкий резонанс, оказав влияние на других авторов «Русского вестника», в частности, на Вл.С. Соловьёва и Ф.М. Достоевского⁷, которые в тот период тесно общались⁸. Проблема четвёртого измерения настолько заинтересовала Ф.М. Достоевского, что он даже опубликовал в журнале «Новое время» письмо «Вопрос о четвёртом измерении» (27 марта 1878 г.), а в создававшихся тогда главах романа «Братья Карамазовы» появилось противопоставление «эвклидовых» и «не-эвклидовых» пространств, причём «не-эвклидовой» Достоевский именовал реальность, в которой действует некая высшая логика, имеющая отношение к божественному бытию⁹.

Идея божественной, «четырёхмерной» и «неэвклидовой» реальности была заимствована Мережковским именно у Достоевского. В самом деле, первое противопоставление миров трёх и двух измерений появляется у Мережковского в работе «Лев Толстой и Достоевский. Религия. Ч. 1» (1900–1902). «Геометризм» соответствующих рассуждений Достоевского, являющийся их отчётливой характеристикой, отныне усваивается и Мережковским. С этого времени мотив геометрически истолкованного четвёртого измерения пронизывает его сочинения, вплоть до последних работ.

Заслуживает специального упоминания то обстоятельство, что Мережковский прилагает доктрину, ассоциировавшуюся с оккультизмом, к христианским реалиям, описывая с её помощью момент «чуда» и его переживания как реальность, которая одновременно природная и надприродная, она есть бытие царства Божьего, жизнь вечная и пр.

В статьях 1907–1908 гг. Мережковский говорит о выходе из трёхмерного пространства в четырёхмерную реальность, главной характеристикой которой является инаковость божественного бытия и большая свобода. Подобное перемещение есть переход от человеческого к божественному. В эссе «Последний святой» (1907) так сказано о Серафиме Саровском:

Св. Серафим – это мы, только в ином измерении; и мы можем проследить, как он отделяется от наших трёх измерений и входит в недоступное нам, «четвёртое», – как

их изображения в зеркале? И тем не менее я не могу такую руку, какую видно в зеркале, поставить на место её прообраза; действительно, если это была правая рука, то в зеркале будет левая, и изображение правого уха будет левым, и никогда оно не может его заместить... Несмотря на всё своё равенство и подобие, левая и правая руки не могут быть заключены между одинаковыми границами (не могут быть конгруэнтны); перчатка одной руки не годится для другой... Мы не можем объяснить различие подобных и равных, но тем не менее неконгруэнтных вещей (например, раковин улиток с противоположными по направлению извилинами) никаким одним понятием; это различие можно объяснить только с помощью отношения к правой и левой руке, которое непосредственно касается созерцания».

⁷ В том же номере «Русского вестника», где появилась статья Бутлерова, Вл.С. Соловьёв печатал главы «Критики отвлечённых начал». Годом позже (в № 141) все три автора снова встретились на страницах «Русского вестника»: Бутлеров опубликовал статью «Эмпиризм и догматизм в области медиумизма. Окончание» (с. 5–47), Достоевский печатал там же пятую книгу романа «Братья Карамазовы» (с. 369–409, 736–779), а Соловьёв продолжил публикацию своей «Критики» (с. 530–557).

⁸ В июне 1878 г. Достоевский и Вл. Соловьёв совершили недельное паломничество в Оптину пустынь. См.: *Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского*. Т. 3: 1875–1881. СПб., 1999. С. 278–279.

⁹ *Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полное собрание соч.: в 30 т. Т. 14. С. 211, 215, 222; Там же. Т. 15. С. 231. См. также: Губайловский В.А. Геометрия Достоевского. Тезисы к исследованию // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / Под. ред. Т.А. Касаткиной. М., 2007. С. 39–69.*

образ человеческий входит в образ Божий. Постараемся же найти себя в нём, три измерения нашего мира – в четвёртом, «не от мира сего»¹⁰.

А в эссе о Достоевском «Пророк русской революции» (1908) говорится о переходе «из одного бытия в другое, из низшего измерения в высшее, из плоскости исторической в глубину апокалипсическую»:

Выйти из истории, из государственности ещё не значит погибнуть, перейти в ничтожество, а может быть, значит перейти из одного бытия в другое, из низшего измерения в высшее, из плоскости исторической в глубину апокалипсическую. Мы и надеемся, что русская революция, сделавшись религиозной, будет началом этого выхода¹¹.

Ассоциация пространства большего числа измерений с пространством свободы может указывать на возможный, но неназванный источник мысли Мережковского – работы Митрофана Семёновича Аксёнова, первопроходца в философском осмыслении учения о четвёртом измерении и переводчика Карла Дюпреля¹². В своей последней работе «Нет смерти» (1918) Аксёнов доказывает, что свобода невозможна в трёхмерном мире, жёстко детерминированном законами причинности, но нельзя исключать свободы выбора для трансцендентального субъекта, трёхмерной проекцией которого каждый из нас является¹³.

Наряду с описанным движением в сторону большего числа измерений, возможно противоположное движение вниз, в сторону меньшей свободы, большей детерминированности. Такое уменьшение числа пространственных геометрических координат неявно трактуется Мережковским как ограничение сферы духовной свободы и усиление зависимости от материальных обстоятельств. Соответствующий трансфер также характеризуется в терминах «возрастания пошлости». Пейоративная характеристика мира двух измерений как «расплющенного» в сравнении с миром трёх измерений используется у Мережковского как минимум в четырёх работах¹⁴.

¹⁰ Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 13. М., 1914. С. 116–117.

¹¹ Там же. Т. 14. С. 238.

¹² Аксёнов М. Трансцендентально-кинетическая теория времени. Харьков, 1896; Аксёнов М. Опыт метагеометрической философии. М., 1912; Аксёнов М. Нет времени: Популярное изложение основных начал метагеометрической философии. М., 1913.

¹³ Ср.: Аксёнов М. Нет смерти. Новое учение о времени (1918) // Аксёнов М. Трансцендентально-кинетическая теория времени / Сост., вступ. ст., коммент. С.А. Жигалкина. М., 2011. С. 166–167: «Хотя вопрос о нашей трансцендентальной свободе и выходит из пределов компетенции метагеометрической философии... объяснить генезис, иллюзию нашей свободы я могу... только допущением свободы трансцендентального выбора нами такого-то, а не иного пути нашего временного движения... возникновение в нас сказанной иллюзии объясняется отображением нашего трансцендентального сознания нашей свободы в нашем эмпирическом, земном сознании».

¹⁴ См.: Мережковский Д.С. Лев Толстой и Достоевский. Религия. Ч. 1 (1900–1902) // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 11. М., 1914. С. 216–217; В обезьяньих лапах. О Леониде Андрееве (1908) // Там же. Т. 16. С. 14–15: «Недосыгаемые глубины мистического созерцания, перейдя из четвёртого измерения во второе, в общедоступную плоскость, как бы неизменно расплющились»; Гоголь. Творчество, жизнь и религия (1908) // Там же. Т. 15. С. 186: «Гоголь сделал для нравственных измерений то же, что Лейбниц для математики»; Там же. С. 213: «Всё, что имеет три измерения, <Хлестаков> приводит... к двум или к одному – к совершенной плоскости, пошлости... Всё... слишком глубокое и высокое... <Чичиков> сводит к двум измерениям, облегчает, сокращает, расплющивает до последней степени плоскости и краткости»; Франциск Ассизский (1935) // Мережковский Д.С. Иисус Неизвестный. Т. 2. Ч. 1. Белград, 1932. С. 190–191: «Если бы могли себе представить, что значило бы для нас сделаться из “трёхмерных”, высоких и глубоких существ существами абсолютно плоскими, двух-мерными; если бы мы могли себе представить ужас как бы расплющения под неизмеримою тяжестью и то, как, лишившись физической свободы движения вверх и вниз – символа бесконечной свободы метафизической (в выборе “добра” и “зла”...), мы обрекли бы себя на движение по абсолютной плоскости, гнусное

В этой связи примечательно рассуждение Мережковского о Лермонтове. Мережковский представляет поэта существом из «высших измерений», явившегося нам – трёхмерным и материальным. Но это падший ангел, который намеренно отбрасывает одну из своих степеней свободы, хочет «расплющиться» и «опошлиться» подобно чёрту у Достоевского:

В человеческом облике *не совсем человек*; существо иного порядка, иного измерения... Все пошлости Лермонтова – это безумное желание «воплотиться окончательно в семипудовую купчиху»¹⁵... И когда люди, наконец, решают: «да это вовсе не великий, а самый обыкновенный человек», – он рад, этого-то ему и нужно: слава Богу, поверили, что – как всё, точь-в-точь – как все! Удалось-таки втиснуть четвёртое измерение в третье, «забыть незабвенное», «попариться» и согреться хоть чуточку в «торговой бане» от ледяного холода межпланетных пространств!¹⁶

В этом отрывке особенно выпукло проявляется влияние Достоевского: «семипудовая купчиха», «попариться в торговой бане», «ледяной холод межпланетных пространств» – все это заимствовано Мережковским из монолога падшего ангела/сатаны/чёрта, который явился Ивану Карамазову. Заметим, однако, что Достоевский говорит только об евклидовых и неевклидовых геометрии и пространстве, речи о четвёртом измерении у него нет.

Непосредственно далее Мережковский переходит к теме пола. Он пишет, что любовь Лермонтова «в христианский брак не вмещается, как четвёртое измерение в третье. Христианский брак... можно сравнить с Евклидовой геометрией трёх измерений, а любовь Лермонтова – с геометрией Лобачевского, “геометрией четвёртого измерения”»¹⁷. Именно здесь впервые упомянута «геометрия Лобачевского», о которой Мережковский будет говорить и в других работах¹⁸.

В статье о Гоголе Мережковский заметил, что «...Гоголь сделал для нравственных измерений то же, что Лейбниц для математики, – открыл как бы *дифференциальное исчисление*, бесконечно великое значение бесконечно малых величин добра и зла». Так к семантическому полю «геометрии» добавляются понятия математического

пресмыкание, ползание, – символ рабства бесконечного... <И напротив> только по... ужасу оставленной нами позади “двух-мерности”, плоскости, – рабства – мы могли бы отчасти судить о том блаженстве свободы, какое мы испытали бы, если бы перешли из нашего мира, трёхмерного... в тот “четырёхмерный”, бесконечно-свободнейший мир окончательно побеждённых глубин и высот, где уже “ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь, не отлучат нас от любви... во Христе” (Рим 8:39)». Примечательно, что образ миров разных измерений в сочетании с ярким прилагательным «расплющенный» будет заимствован и творчески применён Андреем Белым в «“Я”. Эпопея», где прилагательное «сплюснутый/расплющенный» как характеристика выпавшего в пространство меньшего количества измерений субъекта встречается 7 раз. См. раздел «Метагеометрия Мережковского» в: *Петров В.В. Вихревой Лондон в «Записках чудака» Андрея Белого // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 6. 2022. С. 346–348.*

¹⁵ См.: *Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полное собрание соч.: в 30 т. Т. 15. Л., 1976. С. 73–74.*

¹⁶ *Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества (1908) // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 16. М., 1914. С. 177–178.* Андрей Белый перетолковывает в теософском ключе этот фрагмент из работы Мережковского. См.: *Андрей Белый. История становления самосознающей души. Кн. 2 / Подгот. изд., вступ. ст. и коммент. М.П. Одесского, М.Л. Спивака, Х. Шталь. М, 2020. С. 159–160.* Также см.: *Петров В.В. Концептуальное и перцептуальное пространство в ранних работах Андрея Белого // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 3. М., 2016. С. 306–307; Петров В.В. Репрезентация пространства в «Возврате» Андрея Белого // Арабески Андрея Белого: жизненный путь, духовные искания, поэтика / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград, 2017. С. 565.*

¹⁷ *Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 16. М., 1914. С. 191.*

¹⁸ Математик поправил бы его только в одном: геометрия Лобачевского была неевклидовой, но она не была «геометрией четвёртого измерения», как иногда считают неспециалисты.

анализа и дифференциала (а через них – понятие математической функции и интеграла). Упоминание о математических функциях применительно к Мережковскому не так странно, как могло бы показаться. Как уже указывала Е.А. Андрущенко, Мережковский не раз обращается к понятию «прерыва», понимая под ним феномен нарушения естественного порядка вещей, некое чудесное, неподвластное природным законам развитие событий, точку разрыва на кривой, иллюстрирующей плавное и заранее предсказанное течение событий. Андрущенко поясняет, что впервые «...Мережковский упомянул теорию прерывов в рецензии на сборник “Вехи” (1909), когда противопоставил революционное и эволюционное развитие событий. Прерыв для него был тождествен революционному пути. В пьесе “Будет радость” (1916) Мережковский трактует как “прерыв” христианское чудо. Здесь чудо – это точка разрыва на плоской алгебраической кривой, иллюстрирующей действие природных законов. Это “геометрия четвёртого измерения”»¹⁹. В “Маленькой Терезе”, своём последнем произведении (1941), он писал: «Переход из одного порядка бытия в другой, из сознательного, “дневного”, в бессознательный, “ночной”, внезапен, как молния. Между этими двумя порядками находится то, что в математике называется “прерывом”, а в религии – “чудом”»²⁰.

Как я полагаю, непосредственным источником представлений Мережковского о «прерывах» было учение о прерывных и непрерывных функциях, разработанное Николаем Васильевичем Бугаевым. Эта теория позиционировалась учёным не просто как математическая гипотеза, но как часть его философской системы, названной «монадологией». Сутью этой теории было отвержение исключительно эволюционного развития в природе и постулирование наличия скачков и «разрывов». Как вспоминает Андрей Белый, его отец Н.В. Бугаев и Д.С. Мережковский встречались на диспутах в помещении Психологического общества на Моховой в 1899 г.²¹ Суть учения Бугаева о прерывных и непрерывных функциях Мережковский мог уловить, например, из статьи Льва Лопатина «Философское мировоззрение Н.В. Бугаева», в которой о различии прерывного и непрерывного говорится пространно и популярно. Статья была письменной версией речи, произнесённой 16 марта 1904 г. на заседании Математического общества, посвящённом памяти Н.В. Бугаева²². Кроме того, проводником «монадологии» своего отца был сам Андрей Белый, тесно общавшийся с Мережковскими.

Яркое рассуждение о *прерывном* мы находим у Мережковского в статье о Гёте (1914):

Постепенности, непрерывности недостаточно для того, чтобы объяснить закон эволюции; нужно допустить и другой, смежный закон – *прерывности, внезапности, катастрофичности*, – то «непредвидимое» (imprévisible Бергсона), что в стихии общественной называется революцией... Религия Гёте не совпадает с христианством. В христианстве не понимает он чего-то главного, – не того ли прерывного, катастрофичного, внезапного, *непредвидимого*, что в религии называется Апокалипсисом, а в общественности – революцией?²³

¹⁹ См.: Мережковский Д. Будет радость. Петроград: Огни, 1916. С. 76: «Иван Сергеевич: “...Геометрия четвёртого измерения? Да ведь это... что-то вроде спиритизма”. Гриша: “И теорию ‘прерывов’ не знаете?... Математическое понятие ‘прерыва’ и есть понятие ‘чуда’”» (воспроизведено в изд.: Мережковский Д.С. Тайна Трёх: Египет и Вавилон. Тайна Запада: Атлантида – Европа / Сост., подгот. текста, послесл., коммент. О.А. Коростелёва и Е.А. Андрущенко при участии А.В. Журбиной. М., 2017. С. 354).

²⁰ Мережковский Д. Драматургия / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Е.А. Андрущенко. Томск, 2000. С. 506–507.

²¹ Андрей Белый. Начало века / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 1990. С. 197–203.

²² Лопатин Л. Философское мировоззрение Н.В. Бугаева // Вопросы философии и психологии. 1904. № 72. С. 172–195.

²³ Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 17. М., 1914. С. 145, 151.

Важность рассмотренного отрывка состоит в том, что Мережковский ссылается на понятие «непредвидимого» из философии Бергсона. Этот примечательный, хотя и курьёзный пример обращения русской мысли к бергсонизму ранее не был замечен исследователями²⁴. Мережковский ссылается на рассуждения из «Творческой эволюции» (1907, рус. пер. 1913)²⁵, в которой Бергсон критикует картину мира, конструируемую естественными и точными науками: понятийная сетка науки огрубляет мир, разлагает его на отдельные статичные моменты, ложно усматривает в череде уникальных событий наличие повторяющихся состояний. Науки полагают, что, зная набор граничных условий, математик может просчитать будущие состояния системы. Напротив, Бергсон рассматривает жизнь как эволюционное и органическое развитие. Для него это процесс *творчества*, т.е. *творения* (сообразно двойному значению греческого слова ποιησις), при котором создаётся новое, а не перегруппировываются старые элементы. То, что впервые создано, невозможно заранее предвидеть. Поэтому Бергсон спорит с оппонентами, утверждавшими, что наука может разложить любые процессы на дискретные, атомарные состояния механической системы, которые доступны просчитыванию, считавшими, что «непредвидимость и непрерывность» отражают лишь недостаточность нашего знания²⁶. Бергсон является апологетом *непредвидимости*, которая следует из *непрерывности*. Таким образом, в теоретическом плане Бергсон – антагонист Н.В. Бугаева, монадология которого есть учение о прерывных функциях. Бугаев тоже проповедует *непредвидимость*, но исходя из предположения о *прерывности* и *атомарности* линии развития, предшествующей какому-либо событию. Таким образом, когда Мережковский полагает, что *непредвидимость* Бергсона следует из закона прерывности, он толкует учение последнего с точностью до наоборот, по сути являясь в этом вопросе продолжателем Н.В. Бугаева. Соответственно, Бергсон отвергает и любезный сердцу Мережковского *геометризм*, ассоциируя его с учением механицизма, не допускающим никакой непредвидимости²⁷.

В статье «Исполнение Церкви» (1917) Мережковский говорит, что «для современных среднекультурных людей идея церкви, как свободного и любовного соединения людей в Боге, непредставима, как четвёртое измерение непредставимо для обитателя трёх измерений»²⁸.

Чуть ниже в «Исполнении Церкви» мы встречаем пример обращения к теме последовательного добавления пространственных измерений для иллюстрации социальных и богословских построений. Как представляется, этот пример завершает

²⁴ В книге Фрэнсис Незеркотт (Frances Nethercott) «Бергсон в России» Мережковский несколько раз мимоходом упоминается, но не по существу. См.: *Нэтеркотт Ф.* Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917) / Пер. и предисл. И. Блауберг. М., 2008. 432 с.

²⁵ В «Творческой эволюции» Бергсона прилагательное *imprévisible* встречается 7 раз. Его дополняют ещё 8 случаев употребления прилагательного *imprévu* (elle n'aurait pu être prévue), которое используется в более размытых контекстах. Однако лишь единожды Бергсон говорит о «непредвидимости» в сочетании с «непрерывностью».

²⁶ *Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с фр. М. Булгакова, перераб. Б. Бычковским. 2-е изд. СПб., 1913. (Собр. соч. Т. 1). С. 31.

²⁷ В «Творческой эволюции» Бергсон неоднократно указывает, что «творчество» состоит в том, что «одни и те же основания могут привести различных людей или даже одного и того же человека в различные моменты к совершенно различным поступкам», а потому «с ними нельзя оперировать абстрактно и со стороны, как в геометрии», «здесь не так, как в геометрии». См.: *Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с фр. М. Булгакова, переработано Б. Бычковским. 2-е изд. СПб., 1913. (Собр. соч. Т. 1). С. 12. Бергсон также пишет, что содержанием «механического учения» является «закрывающаяся в нём геометрия», и «поскольку мы являемся геометрами, постольку мы и отбрасываем то, что нельзя предвидеть (En tant que nous sommes géomètres, nous repoussons donc l'imprévisible)». См.: Там же. С. 44.

²⁸ *Мережковский Д.С.* Невоенный дневник 1914–1916. Петроград, 1917. С. 213.

цепочку заимствований, восходящую к Вл. Соловьёву. В самом деле, в работе «Идея человечества у Августа Конта» (1898) имеется место, где Соловьёв рассуждает следующим образом: «Социологическая точка – единичное лицо, линия – семейство, площадь – народ, трёхмерная фигура или геометрическое тело – раса, но вполне действительное, физическое тело – только человечество»²⁹.

Особенностью рассуждения Соловьёва является то, что последовательное наращивание числа пространственных измерений иллюстрируется геометрически и истолковывается социологически. Через 18 лет этот семантический комплекс будет повторен Антоном Карташёвым в речи, произнесённой 28 февраля 1916 г. на собрании петроградского Религиозно-философского общества. При этом «человечество», о котором размышлял Огюст Конт, заменяется Карташёвым на «вселенность Церкви».

Карташёв начинает с того, что «богатство церковных потенций можно уподобить полноте трёхмерного пространства». Если пара человек – Бог образует вертикаль, т.е. «одно религиозное измерение в глубину, лишь одну бедную линию от Бога к одинокой душе», то люди, соединённые в Церковь, добавляют к вертикали горизонталь, обогащая «эту скудость вторым измерением в ширину» – это «два измерения... плоскость». Но только понимание Церкви как мистической полноты бытия позволяет «постигнуть, что́ есть широта, и долгота, и глубина, и высота во Христе и в Церкви» (Еф 3:18), «превращает плоскость религиозно-моральных отношений верующих субъектов в трёхмерное живое тело бытия, планиметрию в стереометрию». «Только космическая мистика Церкви вмещает в себя» реальность «стереометрии вселенской жизни», заключает Карташёв³⁰.

В уже упомянутой статье «Исполнение Церкви» (1917) Мережковский, который слушал речь Карташёва, а потом и читал соответствующую брошюру, ссылается на это геометрическое рассуждение, чтобы далее перейти к его обсуждению: «Реформация знает “лишь одно религиозное измерение – в глубину, лишь одну бедную линию – от Бога к человеческой душе”. Продолжим эту мысль Карташёва, чтобы выяснить её до конца»³¹.

В последующие годы – в «Тайне Трёх: Египет и Вавилон» (1925) и «Тайне Запада: Атлантида – Европа» (1930) – Мережковский трактует в терминах четвёртого измерения также и метафизику пола.

В философско-богословском трактате «Иисус Неизвестный» (1932) Мережковский соединяет своё «неэвклидовое богословие» с восходящей к Платону метафизикой «опрокидывания» человека и мира³². При этом он обращается к апокрифическим «Мученичеству ап. Петра» и «Мученичеству ап. Павла»³³. Здесь, отмеченная влиянием бергсонизма концепция *прерывов* и революций, которую Мережковский

²⁹ Соловьёв В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / Под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. 2-е изд. Т. 9. СПб., 1913. С. 180–181.

³⁰ Карташёв А.В. Реформа, Реформация и исполнение церкви. Петроград, 1916. С. 49–50.

³¹ Мережковский Д.С. Невоенный дневник 1914–1916. Петроград, 1917. С. 217.

³² См.: Мережковский Д.С. Иисус Неизвестный. Т. 2. Ч. 1. Белград, 1932. С. 52–54; Петров В.В. Опрокинутый человек «Тимея» Платона в апокрифических «Мученичестве Петра» и «Мученичестве Филиппа» // СХОЛН (Scholē). 2020. № 14 (2). С. 535–566; Петров В.В. Проповедь безмолвия и возобновления из «Мученичества апостола Петра»: её источники и контексты // Платоновские исследования. 2021. № 14 (1). С. 54–77; Петров В.В. Перевернутый человек, опрокинутый мир: трансмиграции одного мотива // Историко-философский ежегодник 2021. Т. 36. М., 2021. С. 109–141.

³³ Ср.: Мережковский Д. Лица святых от Иисуса к нам. М., 2000. С. 92. Августин (1936): «Понять подвигов святых нам очень трудно, потому что движение Духа в них – от веры – “безумия Креста” – к разуму противоположно-обратно движению того же Духа в нас, – от разума к вере. Мы и они, как бы на одном и том же кресте мысли, но по двум противоположным линиям распяты, как Иисус и Пётр: если они – “вверх головой”, то мы – “вниз”, или наоборот».

в статье о Гёте (1914) прилагал к развитию христианства, обогащается концепцией христианской революции и переворота, заимствованной у Эрнеста Ренана³⁴.

По мысли Мережковского, «прямо стоящий мир будет опрокинут Иисусом, или опрокинутый – поставлен прямо»³⁵. Подобный переворот, осуществлённый христианством, и есть подлинная, духовная революция. Поэтому настоящими, радикальными революционерами являются христиане, а не политические деятели:

Кто ученики Господни? «Всесветные возмутители», οἱ τῆν οἰκουμένην ἀναστὰς ὄσαντες (Деян 17:6), «революционеры всемирные», по-нашему: ἀναστὰς ὄσας значит «восстание»; ἀνάστασις – «воскресение», «восстание из мёртвых». Все христиане – «возмутители все-светные», опрокидывающие – или восстанавливающие мир. Первый же из них и величайший – Христос. Кто бы ни был Он, – Губитель или Спаситель, Он Первый Двигатель, *Primo Motore*, опрокидывающий – или восстанавливающий мир³⁶.

В «Иоахиме и Франциске» (1936) геометрический зачин служит у Мережковского введением к пространному рассуждению, сводящему воедино то, что он говорил о неевклидовой геометрии и пространствах разных измерений в других своих работах:

В первом понятии геометрической точки заключено всё будущее трёхмерно-пространственное познание мира. Геометрия: движущаяся точка – линия; движущаяся линия – плоскость; движущаяся плоскость – тело...

Люди не могли бы объяснить двухмерным, абсолютно плоским существам, что значит геометрическое тело; или что такое высота и глубина; или как можно двигаться вверх и вниз. Точно так же и существа четырёхмерные не могли бы объяснить людям, что значит то «тело духовное», *pneumaticon*, о котором говорит Павел, и почему для этого тела «верх» и «низ» – одно и то же; или как в простейшем опыте «левая перчатка надевается на правую руку»; и почему в опыте нисходящего к Матерям Фауста, «опускаться» – значит «подыматься» и наоборот; и почему царство Божие наступит тогда, – по «не записанному» в Евангелии слову Господню, «аграфу», – когда «верхнее делается нижним, и нижнее – верхним».

В первом объяснении – трёхмерности – плоским существам, – вся Евклидова геометрия ни к чему не послужила бы, а во втором объяснении – четырёхмерности – людям вся метагеометрия Лобачевского тоже не послужила бы ни к чему, без предварительного, физически-метафизического опыта³⁷.

Пример с перчаткой восходит к Канту и пересказывающим его Цёлльнеру и Бутлерову; «схождение к Матерям» из гётевского «Фауста» имеет параллелью рассуждения П.А. Флоренского, иллюстрировавшего мнимое пространство обращением к тому моменту из «Ада» Данте, в котором герой, нисходивший в преисподнюю, проходит через центр земли (совпадающий с промежностью заточенного там Люцифера), что сопровождается «перекувырком», при котором прежний «низ» становится «верхом»; и, наконец, обращение к «аграфу» – отсылает к апокрифическому

³⁴ См.: *Осьминина Е.А.* Новозаветные образы в «Иисусе Неизвестном» (Д.С. Мережковский и Э. Ренан) // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма / Сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. М., 2018. С. 586–589. Ср.: *Ренан Э.* Жизнь Иисуса. Гл. VII: Развитие идей Иисуса о Царствии Божиим. СПб., 1906. С. 123: «Наступление царства добра совершится посредством внезапного переворота (*une grande révolution subite*). Мир окажется как бы перевёрнутым... Всё в мире делается противоположным существующему».

³⁵ *Мережковский Д.С.* Иисус Неизвестный. Т. 2. Ч. 1. Белград, 1932. С. 64.

³⁶ Там же. О схожей концепции «духовной революции» у Андрея Белого, на которую повлияли высказанные в начале XX в. рассуждения Мережковского о религиозной революции см.: *Петров В.В.* Революция 1917 г. в современной ей литературно-философской апокалиптике // Революция, эволюция и диалог культуры / Отв. ред. А.В. Черняев. М., 2018. С. 64.

³⁷ *Мережковский Д.* Лица святых от Иисуса к нам. М., 2000. С. 190.

«Мученичеству ап. Петра», распятого головой вниз и объясняющего это посредством метафизики «прокидывания».

В этом месте Мережковский добавляет к перечисленным выше мотивам уже известную нам оппозицию «расплющивание»/«освобождение», которую ассоциирует с уменьшением или увеличением числа пространственных измерений/степеней свободы:

Чувственное, прямое и положительное знание о том, что такое «четвёртое измерение», нам недоступно; но отрицательно и символически предчувственно мы кое-что о нём узнали бы, если бы <мы только> могли себе представить, что значило бы для нас сделаться из «трёхмерных», высоких и глубоких существ существами абсолютно плоскими, двух-мерными; если бы мы могли себе представить ужас как бы расплющивания под неимоверною тяжестью и то, как, лишившись физической свободы движения вверх и вниз – символа бесконечной свободы метафизической (в выборе «добра» и «зла», в том, что мы называем «свободой воли»), мы обрекли бы себя на движение по абсолютной плоскости, гнусное пресмыкание, ползание, – символ рабства бесконечного...

Только по этому ужасу оставленной нами позади «двух-мерности», плоскости, – рабства – мы могли бы отчасти судить о том блаженстве свободы, какое мы испытали бы, если бы перешли из нашего мира, трёхмерного... плоского, рабского, где и самый полёт – только побеждаемое, но не побеждённое падение³⁸, – в тот «четырёхмерный», бесконечно-свободнейший мир... где уже «ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь, не отлучат нас от любви... во Христе» (Рим 8:39)³⁹.

Метагеометрическая интерпретация феноменов духовного и социального «расплющивания» находит свою кульминацию в последней крупной публицистической работе Мережковского, озаглавленной «Тайна русской революции. Опыт социальной демонологии». Написанная в конце 1939 г., она увидела свет лишь в 1988 г.⁴⁰ В ней Мережковский исследует природу русской революции и, в частности, приходит к выводу, что она пророчески угадана в «Бесах» Ф.М. Достоевского. «Метагеометрии» посвящены главы 6 и 7, в которых писатель постулирует наличие двух «метафизически различных» типов людей, которых он именует Глубокими (трёхмерными) и Плоскими (двумерными). Противопоставляя Запад (Европу) и Восток (Россию), автор говорит:

«Обмеление»–оплощение происходит на европейском Западе медленно, а на русском Востоке произошло внезапно, как будто все глубокие воды русского духа сразу ушли... в какую-то вдруг бездонно зазявшую под ними щель. Это обмеление духа во всём некогда глубоком христианском человечестве можно бы выразить такой геометрической формулой: от трёх измерений – к двум, от стереометрии – к планиметрии, от глубины – к плоскости⁴¹.

³⁸ Ранее Мережковский уже высказывал эту мысль применительно ко Льву Толстому, см.: *Петров В.В.* «Две бездны» в русской литературной и философской традиции: Ф. Тютчев, Д. Мережковский и Вяч. Иванов // Д.С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель: Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелёв, А.А. Холиков. М., 2018. С. 252.

³⁹ *Мережковский Д.* Лица святых от Иисуса к нам. М., 2000. С. 190–191.

⁴⁰ *Мережковский Д.* Тайна русской революции: Опыт социальной демонологии / Предисл. и примеч. А.Н. Богословского. М., 1998. Выдержки из этой работы, в частности рассуждения о борьбе Плоских с Глубокими, о государстве-молоте и зеркалах, отражающих ложь, о прозрениях Ф.М. Достоевского в «Бесах», впоследствии составили статью (*Мережковский Д.С.* Большевизм и человечество // Парижский вестник. 1944. № 81. С. 5–6), произнесённую в виде речи на радио летом 1941 г. См.: *Коростелёв О.А.* Мережковский в эмиграции // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 3–17.

⁴¹ *Мережковский Д.* Тайна русской революции. Гл. 6. С. 36.

В этом месте Мережковский обращается к античной философской и христианской богословской традиции метафизически толковать прямостояние человека, позволяющее ему – единственному из всех животных – иметь лик, обращённый к небу. Здесь Мережковский цитирует строку соответствующего раздела «Божественных установлений» (II, 1, 14–19) Лактанция: «Os homini sublime dedit coelumque tueri / Поднял Бог лицо человека, чтобы видел он небо»⁴², а затем резюмирует:

Только тогда человек стал человеком, когда увидел над собою небо – одну глубину бесконечную, а в себе – другую, ещё бóльшую, – другое небо, – путь от себя к Богу. Чем ближе к Богу человек, тем глубже; чем дальше от Него, тем площе. Эти два возможных движения, две воли – к углублению и обмелению, оплощению, – в человеке всегда борются, потому что человек есть неустойчивое равновесие между небом и землёй, глубиной и плоскостью⁴³.

Вечная борьба этих двух возможностей – углубления и оплощения – происходит во всех настоящих людях, существах изначально и онтологически трёхмерных. Но, кроме настоящих людей, есть и мнимые – только по наружности люди, а на самом деле существа метафизически иного порядка... В этих существах никакой борьбы глубокого с плоским не происходит, потому что они... изначально-онтологически двумерные, плоские. Плоские всегда боролись с Глубокими, чтобы сделать их подобными себе или истребить. Говоря о борьбе «плоских» и «глубоких», Мережковский обращается к образу зеркала:

Главное же преимущество Плоских перед Глубокими – ложь... Плоскость может быть зеркальной и, отражая глубину, казаться глубокой. Этим-то обманом зрения и пользуются Плоские, отражая в зеркалах своих все глубины человеческого творчества – искусства, науки, философии и даже религии. Царство Плоских – ад на земле, но и в аду зеркала их отражают небо – рай⁴⁴.

Задействуя тему «зеркаления», инвертирующего реальность, и мотив борьбы с отражениями-двойниками Мережковский воскрешает широкий спектр контекстов из наследия метафизики и эстетики начала XX в. Эти сюжеты активно развивались в его окружении: у Зинаиды Гиппиус, Валерия Брюсова, Андрея Белого, Вячеслава Иванова и др. В пределе рассуждение о лживости зеркальных отражений восходит к Платону и Плотину⁴⁵ и было известно таким знатокам античности, как Вяч. Иванов и Мережковский.

⁴² В свою очередь, Лактанций отправляется здесь от схожего рассуждения из «Метаморфоз» Овидия (I, 84–86). О важности, которая придавалась прямостоянию человека в античной философии и христианской философии, см.: Петров В.В. «Тимей» Платона о видах движения, «небесном растении» и прямостоянии человека // СХОЛН. 2019. № 13 (2). С. 709–710.

⁴³ Мережковский Д. Тайна русской революции. Гл. 6. С. 37.

⁴⁴ Там же. С. 40.

⁴⁵ Ср.: Плотин. Эннеады III, 6, 7, 21–41: «Всё, что она [материя] возвещает, есть ложь... Её кажущееся (ἐν φαντάσει) существование – это не существование, но какая-то ускользающая игра (παίγνιον φεῖρον). Поэтому игры (παίγνια), которые, как кажется, возникают в ней, суть просто призраки внутри призрака (εἰδῶλα ἐν εἰδῶλι ἀτεχνῶς), как в зеркале нечто находится в одном месте, а воображается (φανταζόμενον) в другом. Материя кажется наполненной и, не обладая ничем, кажется всем. “Входящие и исходящие из неё суть подражания сущим” (Платон. Тимей 50с) и призраки внутри бесформенного призрака (εἰδῶλα εἰς εἰδῶλον ἄμορφον), видимые благодаря её бесформенности. Призраки кажутся творящими в материи, но не творят ничего, ибо они немощны, бессильны и нетвёрды, но и материя не сопротивляется им, и они проходят сквозь неё, не рассекая, как сквозь воду, или, как если бы кто-нибудь вбрасывал формы (μορφαί) в так называемую пустоту (ἐν τῷ κενῷ)... То, что усматривается в материи, есть ложь и никоим образом не подобно сотворившему это... Будучи лживым и бессильным, впадающим в ложь, как то, что во сне, на воде или в зеркале, оно с необходимостью никак не затрагивает материю», пер. Т.Г. Сидаша (с изм.).

Ещё одним примечательным маркером интеллектуальной атмосферы начала XX в. является образ светящейся планеты, к которому обращается Мережковский:

Если бы религия была физическим светом, то обитатели других планет могли бы видеть, как земля светилась с четвертичной эпохи⁴⁶ (потому что люди уже и тогда совершали похоронные тризны и, следовательно, имели начатки религии), – светилась земля и вдруг потухла... [Свечение прекратилось в] века «прогресса» – победоносно-го шествия Плоских, которыми люди наших дней особенно гордятся⁴⁷.

Тот же образ физического свечения Земли, различного с дальних планет и звёзд, однако порождённого чудесным, мистическим событием (распятием на Голгофе), использовал в своих антропософских лекциях Рудольф Штейнер⁴⁸.

На русском Востоке Плоские победили, заключает Мережковский:

В бывшей России, на шестой части земной суши, основано русскими коммунистами первое на земле Царство Плоских⁴⁹. Овладев Россией, они сначала разрушили в ней всё, сровняли с землёй, как поётся в Интернационале:

Сделаем из прошлого гладкую доску,
du passé faisons table rase⁵⁰, –

сначала сровняли всё до «гладкой доски», а потом начали строить... строить, конечно, мнимо, «зеркально-обманчиво», так как строить по-настоящему нельзя в двух измерениях – в плоскости, без глубин и высот. Русские коммунисты начали строить и построили то, что имеет лишь вид государства, а на самом деле есть исполинский плющильный молот, которым всё в человеке трёхмерное, глубокое и высокое, уничтожается или вдавливается, вплющивается в совершенную плоскость⁵¹.

Духовная катастрофа, претерпеваемая человеком в Советской России, превращает его из ангела в клопа: «Тысячной доли секунды достаточно, чтобы упавшая на человека огромная скала раздавила его, расплющила во что-то совершенно и невообразимо плоское... Человек, существо, в возможности равное Ангелам... превращается из Ангела в совершенно плоское насекомое, подобное клопу или мокрице»⁵².

⁴⁶ Через 40 лет после Мережковского над несоизмеримостью длительности духовных процессов и геологических периодов задумается Макс Фриш, чей вышедший в 1979 г. роман так и называется: «Человек появляется в эпоху Голоцена» (*Der Mensch erscheint im Holozän*).

⁴⁷ Мережковский Д. Тайна русской революции. Гл. 6. С. 40–41.

⁴⁸ Соответствующие отрывки см.: Петров В.В. Революция в физике и антропософское учение Андрея Белого о солнечном атоме // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2018. № 4. С. 370–371, примеч. 73.

⁴⁹ Изображение Советской России в виде двумерного мира отсылает нас к самому первому метагеометрическому повествованию – к социальной сатире Эдвина Эббота «Плоская страна: роман о множестве измерений» (*Abbott E. Flatland: A Romance of Many Dimensions*. London, 1884). Эббот представил современную ему викторианскую Британию в виде двумерного мира. Повествование ведётся от лица рядового жителя – скромного Квадрата. Хитросплетения сюжета приводят его к обсуждению условий жизни в пространствах других измерений: в нуль-мерном, одномерном, трёхмерном, а также пространствах большего числа измерений. Примечательно, что обитатели каждого конкретного измерения уверены, что их модус существования является единственным из возможных. В собственном двумерном мире Квадрата власти решают, что утверждения о возможности жизни в трёх измерениях должны караться смертью или заключением в тюрьму, откуда рассказчик и ведёт свою повесть.

⁵⁰ Имеется в виду следующее четверостишие: “Du passé faisons table rase, / Foule esclave, debout! debout! / Le monde va changer de base: / Nous ne sommes rien, soyons tout!” («Мы сотрём прошлое, как воск на табличке для письма, / Толпа рабов вставай! Вставай! / Мир изменится до основания: / Мы ничто, [но] мы станем всем!»).

⁵¹ Мережковский Д. Тайна русской революции. Гл. 7. С. 42–43.

⁵² Там же. С. 43.

Здесь в очередной раз сходятся воедино образы, с которыми Мережковский работал ранее: четырёхмерные ангелы и святые (Лермонтов, Серафим Саровский), падающие в мир трёх измерений, и насекомые из религиозных апорий Ф.М. Достоевского⁵³.

Выше (примеч. 14) уже говорилось о том, что метафору «расплющивания», как выпадения из большего количества измерений в меньшее, из свободы в рабство, у Мережковского заимствовал Андрей Белый. Видимо, не случайно в текстах этих авторов имеется ещё одна параллель: образ «раздавливания клопов» применительно к прессу тоталитарного государства в отношении людей творческих встречается в дневниковой записи Андрея Белого от 15 сентября 1930 г.:

Огромный ноготь раздавливает нас, как клопов, с наслаждением – щёлкая нашими жизнями, – с тем различием, что мы не клопы, мы – действительная соль земли, без которой народ – не народ... Только в подлом, тупом бессмыслии теперешних дней кто-то превратил соль земли в клопов, защёлкал нами: щёлк, щёлк – Гумилёв, Блок, Андрей Соболев, Сергей Есенин, Маяковский. Щёлкают револьверы, разрываются сердца, вешаются, просто захиревают от перманентных гонений и пощёлок... Не могу, не могу вынести тупого бессмыслия, раздавливающего лучших вокруг меня... Дышат на ладан [Сергей] Соловьёв, Иванов-Разумник, Волошин, [Пётр] Орешин, Пастернак – сколько, щёлк, щёлк – «клоп за клопом!» Скоро мы, аллегорические «клопы», будем все передавлены... Сквозь всё чувствую механическое раздавливание себя... Давит атмосфера. Давит воздух... До такой степени потерял вкус писать что-либо, ибо бездарное стало гениальным, а талантливое выкидывается за ненужностью, что уже и силы не позволяют⁵⁴.

Россией дело не ограничится, предупреждает Мережковский: «Царство Плоских в России может иметь для всего человечества необозримые последствия, потому что Россия для них не цель, а только средство к цели – завоеванию мира». Но если для большинства людей тайна русской революции – всё ещё семью замками замкнутая дверь, говорит Мережковский, то Достоевский в «Бесах» нашёл к ней единственно верный ключ:

«Бесами» Пушкина предсказаны «Бесы» Достоевского. В русской природе Пушкин увидел то же, что Достоевский – в русских людях. То же буйство разрушительных демонических сил – в русской метели и в русском мятеже, революции... В русской физике – равнина, а в русской метафизике – равенство. Плоская земля России, а над нею – снежная буря; плоская душа революции, а над нею – буря «бесов»... Достоевский первый понял, что неземные, из того мира в этот идущие силы зла – «Бесы» – могут овладевать не только отдельными людьми, но и целыми народами. Силы эти вошли в русский народ⁵⁵.

Таким образом в религиозной метафизике находят своё разрешение социальные и этические апории, а равно и проблемы, описываемые на языках науки, философии, художественного творчества. Противопоставление «трёхмерного» человеческого рабства и «четырёхмерной» божественной свободы Мережковский завершает выводом, в котором подводит итог своим многолетним рассуждениям: «Здесь геометрия становится уже религией, – может быть, тою геометрией Божественного зодчества, по которой строятся миры; и восходящая лестница наших измерений

⁵³ Ср.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы (II, 4): «Разве я не клоп, не злое насекомое? Сказано – Карамазов!», а также отрывок из «Преступления и наказания» (IV, 1), где вечность – это «комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки».

⁵⁴ Андрей Белый. Выдержки из дневника за 1930–1931 год // Белый А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад, науч. ред. М.Л. Спивак. М., 2016. С. 854–856. Подробнее см.: Петров В.В. В.Ф. Асмус и Андрей Белый в 1936 году // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2018. № 4. С. 432–433.

⁵⁵ Мережковский Д. Тайна русской революции. Гл. 8. С. 47–48.

геометрических становится лестницей всё больших и больших освобождений, до той последней Свободы, чьё имя – “Дух”»⁵⁶.

Мы можем заключить, что практика истолковывать свои теоретические построения посредством относящихся к неевклидовой геометрии образов и понятий, а также посредством мистически истолкованных концепций пространств разной размерности, является устойчивым образно-теоретическим методом Д.С. Мережковского, к которому он постоянно прибегает в большинстве работ – от ранних до последних. Геометрическая и пространственная метафорика, восходящая к Ф.М. Достоевскому и Вл.С. Соловьёву и активно задействованная его современниками, является существенной характеристикой его мирозерцания. При этом особенностью соответствующей практики Мережковского становится последовательное приспособление указанной комбинации математических представлений и оккультных воззрений для описания христианского религиозного опыта, пусть зачастую и неортодоксального.

Список литературы

Аксёнов М.С. Нет времени: Популярное изложение основных начал метагеометрической философии. М., 1913. 52 с.

Аксенов М. Нѣтъ смерти. Новое учение о времени (1918) // Аксенов М. Трансцендентально-кинетическая теория времени / Сост., вступ. ст., коммент. С.А. Жигалкина. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 127–180.

Аксёнов М.С. Опыт метагеометрической философии. М., 1912. 100 с.

Аксёнов М. Трансцендентально-кинетическая теория времени. Харьков, 1896. 37 с.

Белый А. Начало века / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. 687 с.

Белый А. История становления самосознающей души. Кн. 2 / Сост., подгот. изд., вступ. ст. М.П. Одесского, М.Л. Спивак, Х. Шталь; подгот. текста и коммент. М.П. Одесского, М.Л. Спивак, Х. Шталь, при участии коллектива авторов. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 800 с.

Белый А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад, науч. ред. М.Л. Спивак. М.: Наука, 2016. 1120 с.

Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. М. Булгакова, перераб. Б. Бычковским. 2-е изд. СПб., 1913. (Собр. соч. Т. 1). 332 с.

Бутлеров А. Четвёртое измерение пространства и медиумизм // Русский вестник. 1878. Т. 133. С. 945–971.

Губайловский В.А. Геометрия Достоевского. Тезисы к исследованию // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / Под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наука, 2007. С. 39–69.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полное собрание соч.: в 30 т. Т. 14–15. Л.: Наука, 1976. 512 + 624 с.

Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука (1783) / Пер. В.С. Соловьёва // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 5–152.

Карташёв А.В. Реформа, Реформация и исполнение церкви. Петроград: Корабль, 1916. 66 с.

Коростелёв О.А. Мережковский в эмиграции // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 3–17.

Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. Т. 3: 1875–1881. СПб.: Академический проект, 1999. 615 с.

Лопатин Л. Философское мировоззрение Н.В. Бугаева // Вопросы философии и психологии. 1904. № 72. С. 172–195.

Мережковский Д.С. Большевизм и человечество // Парижский вестник. 1944. № 81. С. 5–6.

Мережковский Д. Будет радость. Петроград: Огни, 1916. 136 с.

⁵⁶ Мережковский Д. Лица святых от Иисуса к нам. М., 2000. С. 190.

- Мережковский Д. Драматургия / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Е.А. Андрущенко. Томск: Водолей, 2000. 768 с.
- Мережковский Д.С. Иисус Неизвестный. Т. 2. Ч. 1. Белград, 1932. 330 с.
- Мережковский Д. Лица святых от Иисуса к нам. М.: АСТ: Фолио, 2000. 496 с.
- Мережковский Д. Маленькая Тереза // Мережковский Д. Собрание сочинений. Реформаторы. Испанские мистики / Сост. О.А. Коростелев, А.Н. Николокин. М.: Республика, 2002. С. 466–507. 543 с.
- Мережковский Д.С. Невоенный дневник 1914–1916. Петроград: Огни, 1917. 224 с.
- Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 1–24. М., 1914.
- Мережковский Д.С. Тайна русской революции: Опыт социальной демонологии / Предисл. и примеч. А.Н. Богословского. М.: Русский путь, 1998. 144 с.
- Мережковский Д.С. Тайна Трёх: Египет и Вавилон. Тайна Запада: Атлантида – Европа / Сост., подгот. текста, послесл., коммент. О.А. Коростелева и Е.А. Андрущенко при участии А.В. Журбиной. М.: Дмитрий Сечин, 2017. 807 с. (Собрание сочинений: в 20 т. Т. 14.)
- Нэттеркотт Ф. Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917) / Пер. и предисл. И. Блауберг. М.: Модест Колеров, 2008. 432 с.
- Осьминина Е.А. Новозаветные образы в «Иисусе Неизвестном» (Д.С. Мережковский и Э. Ренан) // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма / Сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. М.: Индрик, 2018. С. 580–595.
- Петров В.В. Вихревой Лондон в «Записках чудака» Андрея Белого // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 6. 2022. С. 306–368.
- Петров В.В. В.Ф. Асмус и Андрей Белый в 1936 году // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2018. № 4. С. 415–452.
- Петров В.В. «Две бездны» в русской литературной и философской традиции: Ф. Тютчев, Д. Мережковский и Вяч. Иванов // Д.С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель: Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелёв, А.А. Холиков. М.: Дмитрий Сечин: Литфакт, 2018. С. 240–268.
- Петров В.В. Концептуальное и перцептуальное пространство в ранних работах Андрея Белого // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 3. М.: Аквилон, 2016. С. 287–331.
- Петров В.В. Опрокинутый человек «Тимей» Платона в апокрифических «Мученичестве Петра» и «Мученичестве Филиппа» // ΣΧΟΛΗ (Scholē). 2020. № 14 (2). С. 535–566.
- Петров В.В. Перевернутый человек, опрокинутый мир: трансмиграции одного мотива // Историко-философский ежегодник 2021. Т. 36. С. 109–141.
- Петров В.В. Проповедь безмолвия и возобновления из «Мученичества апостола Петра»: её источники и контексты // Платоновские исследования. 2021. № 14 (1). С. 54–77.
- Петров В.В. Революция в физике и антропософское учение Андрея Белого о солнечном атоме // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2018. № 4. С. 349–390.
- Петров В.В. Революция 1917 г. в современной ей литературно-философской апокалиптике // Революция, эволюция и диалог культур / Отв. ред. А.В. Черняев. М.: Гнозис, 2018. С. 69–92.
- Петров В.В. Репрезентация пространства в «Возврате» Андрея Белого // Арабески Андрея Белого: жизненный путь, духовные искания, поэтаика / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград: Изд-во Филологического факультета Белградского университета, 2017. С. 561–577.
- Петров В.В. Телеология, четвёртое измерение и обратный ход времени в работах А. Белого, Вячеслава Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ, 2018. С. 13–65.
- Петров В.В. «Тимей» Платона о видах движения, «небесном растении» и прямостоянии человека // ΣΧΟΛΗ. 2019. № 13 (2). С. 705–716.
- Ренан Э. Жизнь Иисуса. Гл. VII. Развитие идей Иисуса о Царствии Божиим. СПб., 1906. 336 с.
- Соловьёв В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / Под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. 2-е изд. Т. 9. СПб.: Просвещение, 1913. 435 с.
- Agrippa. Aussercanonische Schriftfragmente / Hrsg. von A. Resch. Leipzig: Hinrichs, 1906. 426 S.
- Abbott E. Flatland: A Romance of Many Dimensions. London: Seely and Co., 1884. 100 p.
- Monnier H. La mission historique de Jesus. Paris: Fischbacher, 1906. xxxi + 378 p.
- Zöllner F. Über Wirkungen in die Ferne // Zöllner F. Wissenschaftliche Abhandlungen. Band 1. Leipzig: Staackmann, 1878. S. 16–288. 745 S.
- Zöllner F. Transcendental Physics. An Account of Experimental Investigations from Scientific Treatises of Johann Carl Friedrich Zöllner / Transl. from German by C.C. Massey. London: W. Harrison, 1880. 266 p.

“Here Geometry Becomes a Religion”: Metaphorics of non-Euclidean Geometry in Dmitry Merezhkovsky’s Theoretical Reasoning

Valery V. Petrov – DSc in Philosophy, Chief Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: campas.iph@gmail.com

The article examines Dmitry Merezhkovsky’s tendency – previously unnoticed, but variously shown – to present his theoretical reasoning through images and concepts referring to non-Euclidean geometry, as well as through the concepts of multidimensional spaces, mystically interpreted. It is shown that such an approach is a stable figurative-theoretical method of Dmitry Merezhkovsky, to which he resorts in a large number of works – from the earliest to the latest. Geometric and spatial metaphors dating back to Fyodor Dostoevsky and Vladimir Solovyov, and actively engaged by his contemporaries, is an essential feature of his worldview. It is emphasized that, in contrast to the authors who used the concepts of the “fourth dimension” and “non-Euclidean space” to illustrate occult, mediumistic or astral concepts, Merezhkovsky applies them to Christian mystics, describing the phenomena of “miracle”, “kingdom of God”, “eternal life” and so on. The evolution of the corresponding views of D. Merezhkovsky from 1907 to 1939 is traced, the sources that influenced their formation are established, among which are Fyodor Dostoevsky, Nikolai Bugaev, Anton Kartashev, Ernest Renan, Christian apocrypha. It is noted that in a number of cases the corresponding reasoning and images of Merezhkovsky were reflected in the works of Andrei Bely.

Keywords: Dmitry Merezhkovsky, Fyodor Dostoevsky, Vladimir Solovyov, Nikolai Bugaev, Anton Kartashev, Ernest Renan, Henri Bergson, Leo Lopatin, Andrei Bely, fourth dimension, non-Euclidean space, religious revolution, the unforeseeable, discontinuity

For citation: Petrov, V.V. “Zdes’ geometriya stanovitsya uzhe religiei”: metaforika neevklidovoi geometrii v teoreticheskikh postroeniyaх D.S. Merezhkovskogo [“Here Geometry Becomes a Religion”: Metaphorics of non-Euclidean Geometry in Dmitry Merezhkovsky’s Theoretical Reasoning], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 1, pp. 19–36. (In Russian)

References

Aksyonov, M.S. *Net Smerti: Novoe uchenie o vremeni* [There Is No Death: New Doctrine of Time], in: Aksyonov, M. *Transtsendental’no-kineticheskaya teoriya vremeni* [Transcendental-kinetic Theory of Time], sost., vstup. stat’ya, komment. S.A. Zhigalkina. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul’tur, 2011, pp. 127–180. (In Russian)

Aksyonov, M.S. *Net vremeni: Populiarnoe izlozhenie osnovnykh nachal metageometricheskoi filosofii* [There is No Time: A Popular Explanation of the Basic Principles of Metageometric Philosophy]. Moscow, 1913. 52 p. (In Russian)

Aksyonov, M.S. *Opyt metageometricheskoi filosofii* [An Essay concerning Metageometric Philosophy]. Moscow, 1912. 100 p. (In Russian)

Aksyonov, M.S. *Transtsendental’no-kineticheskaya teoriya vremeni* [Transcendental Kinetic Theory of Time]. Khar’kov, 1896. 37 p. (In Russian)

Abbott, E. *Flatland: A Romance of Many Dimensions*. London: Seely and Co., 1884. 100 p.

Bely, A. *Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevnik 1930-h godov* [Autobiographical Collections: Materials for the Biography. Approach to a diary. Registration records. Diaries of the 1930s], sost. A.B. Lavrov, Dzh. Malmstad, nauch. red. M.L. Spivak. Moscow: Nauka, 2016. 1120 p. (In Russian)

Bely, A. *Istoriya stanovleniia samosoznaiushchei dushi. Kn. 2* [The History of the Formation of a Self-conscious Soul. Book 2], sost., podgot. izd., vstup. st. M.P. Odesskogo, M.L. Spivak, H. Stahl. Moscow: IMLI RAN Publ., 2020. 800 p. (In Russian)

Bely, A. *Nachalo veka* [The Beginning of the Century], podgot. teksta i komment. A.V. Lavrova. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 687 p. (In Russian)

Bergson, H. *Tvorcheskaya evoliutsiya* [Creative Evolution], per. s fr. M. Bulgakova, pererabotano B. Bychkovskim. 2-e izd. St. Petersburg, 1913. (Sobr. soch. Vol. 1). 332 p. (In Russian)

Butlerov, A.M. Chetvertoe izmerenie prostranstva i mediumizm [The Fourth Dimension of Space and Mediumship], *Russkii vestnik*, 1878, Vol. 133, pp. 945–971. (In Russian)

Dostoevsky, F. Brat'ia Karamazovy [The Brothers Karamazov], *Dostoevsky, F. Polnoe sobranie sochinenii v 30 t.* [Complete Edition in 30 vols.], Vols. 14–15. Leningrad: Nauka Publ., 1976. 512 p. + 624 p. (In Russian)

Gubailovskii, V.A. Geometriia Dostoevskogo. Tezisy k issledovaniuu [Dostoevsky's Geometry. The Main Provisions for the Study], in: *Roman F.M. Dostoevskogo "Brat'ia Karamazovy": sovremennoe sostoianie izucheniiia* [Fyodor Dostoevsky's The Brothers Karamazov: Contemporary State of Research], podgot. red. T.A. Kasatkinoi. Moscow: Nauka Publ., 2007, pp. 39–69. (In Russian)

Kant, I. Prolegomeny ko vsyakoii budushchei metafizike, kotoraya mozhet poyavit'sya kak nauka [Prolegomena to Any Future Metaphysics that will be able to Present Itself as a Science], in: *Kant I. Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works in 8 vols.], Vol. 4. Moscow: Choro, 1994. S. 51–52. (In Russian)

Kartashev, A.V. *Reforma, Reformatsiia i ispolnenie tserkvi* [Reform, Reformation and the Fulfillment of the Church]. Petrograd: Korabl' Publ., 1916. 66 p. (In Russian)

Korostelev, O. Merezhkovskij v emigratsii [Merezhkovsky in Emigration], *Literaturovedcheskij zhurnal* [Journal of Literary Studies], 2001, Vol. 15, pp. 3–17. (In Russian)

Nethercott, F. *Filosofskaia vstrecha: Bergson v Rossii (1907–1917)* [A Philosophical Encounter: Bergson in Russia, 1907–1917], per. i predisl. I. Blauberg. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2008. 432 p. (In Russian)

Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo [Chronicle of Fyodor Dostoevsky's Life and Work]. Vol. 3: 1875–1881. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 1999. 615 p. (In Russian)

Lopatin, L.M. *Filosofskoe mirovozzrenie N.V. Bugaeva* [Philosophical Worldview of N.V. Bugaev], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1904, Vol. 72, pp. 172–195. (In Russian)

Merezhkovsky, D. Bol'shevizm i chelovechestvo [Bolshevism and Mankind], *Parizhskii vestnik* [Le Courier de Paris], 1944, Vol. 81, pp. 5–6. (In Russian)

Merezhkovsky, D. *Budet radost'* [There Will Be Joy]. Petrograd: Ogni Publ., 1916. 136 p. (In Russian)

Merezhkovsky, D. *Dramaturgiia* [Dramas], vstup. st., sost., podgot. teksta i komment. E.A. Andrushchenko. Tomsk: Vodolei Publ., 2000. 768 p. (In Russian)

Merezhkovsky, D. *Iisus Neizvestnyi* [Jesus the Unknown]. Vol. II. Part 1. Belgrade, 1932. 330 p. (In Russian)

Merezhkovsky, D. *Litsa sviatykh ot Iisusa k nam* [The Faces of the Saints from Jesus to Us]. Moscow: AST Publ., Folio Publ., 2000. 496 p. (In Russian)

Merezhkovsky, D. *Nevoenmyi dnevnik 1914–1916* [Non-military Diary 1914–1916]. Petrograd: Ogni Publ., 1917. 224 p. (In Russian)

Merezhkovsky, D. Malen'kaia Tereza [Little Thérèse], in: *Merezhkovsky, D. Sobranie sochinenii. Reformatory. Ispanskije mistiki* [Collected Works. Reformers. Spanish Mystics], sost. O.A. Korostelev, A.N. Nikoliukin. Moscow: Respublika Publ., 2002, pp. 466–507. (In Russian)

Merezhkovsky, D. *Polnoe sobranie sochinenii v 24 tomakh* [Complete Edition in 24 vols.], Vols. 1–24. Moscow, 1914. (In Russian)

Merezhkovsky, D. *Taina russkoi revoljucii: Opyt social'noi demonologii* [The Mystery of the Russian Revolution: An Experiment in Social Demonology], predisl. i primech. A.N. Bogoslovskogo. Moscow: Russkij put' Publ., 1998. 144 p. (In Russian)

Merezhkovsky, D. *Taina Trekh: Egipet i Vavilon. Taina Zapada: Atlantida – Evropa* [Mystery of the Three: Egypt and Babylon. Mystery of the West: Atlantis – Europe], sost., podgot. teksta, poslesl., komment. O.A. Korosteleva i E.A. Andrushchenko pri uchastii A.V. Zhurbinoi. Moscow: Dmitrii Sechin Publ., 2017. 807 p. (Sobranie sochinenii: v 20 t. Vol. 14.) (In Russian)

Monnier, H. *La mission historique de Jesus*. 2-ème éd. Paris: Fischbacher, 1914. xxxxi + 381 p.

Osmalina, E.A. Novozavetnye obrazy v 'Iisuse Neizvestnom' (Dmitry Merezhkovsky i Ernest Renan) [New Testament Images in 'Jesus the Unknown' (Dmitry Merezhkovsky and Ernest Renan)], in: *Novozavetnye obrazy i shizhety v kul'ture russkogo modernizma* [New Testament Imagery and Plots in the Culture of Russian Modernism], sost. i otv. red. O.A. Bogdanova, A.G. Gacheva. Moscow: Indrik Publ., 2018, pp. 580–595. (In Russian)

Petrov, V.V. Dve bezdny v russkoi literaturnoi i filosofskoi traditsii: F. Tiutchev, D. Merezhkovskii i Viach. Ivanov [Two Abysses in the Russian Literary and Philosophical Tradition: Fyodor Tyutchev, Dmitry Merezhkovsky, and Vyacheslav Ivanov], in: *Dmitry Merezhkovskii: pisatel' – kritik – myslitel': Sbornik statei* [Dmitry Merezhkovsky: Writer – Critic – Thinker: Collection of Essays], Red.-sost.

O.A. Korostelev, A.A. Kholikov. Moscow: Dmitrii Sechin Publ., Litfakt Publ., 2018, pp. 240–268. (In Russian)

Petrov, V.V. Kontseptual'noe i pertseptual'noe prostranstvo v rannih rabotah Andreya Belogo [Conceptual and Perceptual Space in the Earlier Writings of Andrei Bely], in: *Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoiashchem* [Intellectual Traditions in Past and Present], Vol. 3. Moscow: Aquilo Press, 2016, pp. 287–331. (In Russian)

Petrov, V.V. Oprokinutyi chelovek 'Timeia' Platona v apokrificheskikh 'Muchenichestve Petra' i 'Muchenichestve Filippa' [The Upside Down Man of Plato's 'Timaeus' in the Apocryphal 'Martyrdom of Peter' and 'Martyrdom of Philip'], *ΣΧΟΛΗ*, 2020, No. 14 (2), pp. 535–566. (In Russian)

Petrov, V.V. Perevernutyi chelovek, oprokinutyi mir: transmigratsii odnogo motiva [The Upside Down Man, the Overtaken World: Transmigrations of One Motive], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2021* [History of Philosophy Yearbook 2021], Vol. 36, pp. 109–141. (In Russian)

Petrov, V.V. Propoved' bezmolviia i vozobnovleniia iz 'Muchenichestva apostola Petra': ee istochniki i konteksty [Sermon on Silence and Regeneration from the Martyrdom of the Apostle Peter: Its Sources and Background], *Platonovskie issledovaniia*, 2021, No. 14 (1), pp. 54–77. (In Russian)

Petrov, V.V. Revoliutsiia 1917 g. v sovremennoi ei literaturno-filosofskoi apokaliptike [The Revolution of 1917 in its Contemporary Literary-Philosophical Apocalypics], in: *Revoliutsiia, evoliutsiia i dialog kul'tur* [Revolution, Evolution and Dialogue of Cultures], otv. red. A.V. Chernyaev. Moscow: Gnozis Publ., 2018, pp. 69–92. (In Russian)

Petrov, V.V. Reprezentatsiia prostranstva v 'Vozvrate' Andreia Belogo [Representation of Space in the 'Return' by Andrei Bely], in: *Arabeski Andreia Belogo: zhiznennyi put', dukhovnye iskaniia, poetika* [Arabesques of Andrei Bely: Biography, Spiritual Quest, Poetics], red.-sost. Korneliia Ichin, Monika Spivak. Belgrade: Filologicheski fakul'tet Belgradskogo universiteta Publ., 2017, pp. 561–577. (In Russian)

Petrov, V.V. Revoljucija v fizike i antroposofskoe uchenie Andreja Belogo o solnechnom atome [The Revolution in Physics and Andrei Bely's Anthroposophical Doctrine of the Solar Atom], in: *Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoiashchem* [Intellectual Traditions in Past and Present], 2018, Vol. 4, pp. 349–390. (In Russian)

Petrov, V.V. Teleologija, chetvertoe izmerenie i obratnyi khod vremeni v rabotakh A. Belogo, Vjachslava Ivanova i M. Voloshina [Teleology, the Fourth Dimension and Time Running Backwards in the Works of Andrei Bely, Vyacheslav Ivanov, and Maximilian Voloshin], in: *Vjachslav Ivanov: issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov: Studies and Texts], Vol. 3, sost. S.V. Fedotova, A.B. Shishkin. Moscow: IMLI RAN Publ., 2018, pp. 13–65. (In Russian)

Petrov, V.V. "Timej" Platona o vidah dvizhenija, "nebesnom rastenii" i prjamostojanii cheloveka [Plato's *Timaeus* on types of movements, *the heavenly plant* and the vertical posture of man], *ΣΧΟΛΗ*, 2019, No. 13 (2), pp. 705–716. (In Russian)

Petrov, V.V. V.F. Asmus i Andrej Belyj v 1936 godu [Valentin Asmus and Andrei Bely in 1936], in: *Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoiashchem* [Intellectual Traditions in Past and Present], 2018, Vol. 4, pp. 415–452. (In Russian)

Petrov, V.V. Vihrevoj London v "Zapiskah chudaka" Andreja Belogo [The London Vortex in Andrei Bely's "Diaries of an Idiot"], in: *Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoiashchem* [Intellectual Traditions in Past and Present], 2022, Vol. 6, pp. 306–368. (In Russian)

Renan, E. *Zhizn' Iisusa. Gl. VII: "Razvitie idei Iisusa o Tsarstvii Bozhiem"* [The Life of Jesus. Ch. VII: "Development of the Ideas of Jesus relative to the Kingdom of God"]. St. Petersburg, 1906. 336 p. (In Russian)

Resch, A. (Hrsg.). *Agrapha. Aussercanonische Schriftfragmente. Gesammelt und Untersucht*. Leipzig, 1906. 426 p.

Solov'ev, V. Ideya chelovechestva u Avgusta Konta [August Comte's Idea of Humanity], in: *Solov'ev, V. Sobranie sochinenii* [Collected Works], pod red. i s primech. S.M. Solov'eva i E.L. Radlova. 2-e izd. Vol. 9. St. Petersburg: Prosveshchenie Publ., 1913, pp. 173–193. (In Russian)

Zöllner, F. "Über Wirkungen in die Ferne" in *Wissenschaftliche Abhandlungen*. Band I. Leipzig, 1878. S. 16–288. 745 S.

Zöllner, F. *Transcendental Physics. An Account of Experimental Investigations from Scientific Treatises of Johann Carl Friedrich Zöllner*, transl. from German by C.C. Massey. London, 1880. 266 p.

MEMORIA

А.М. Жаров

Жизнь как поиск. Памяти Александра Леонидовича Никифорова (1940–2023)

Жаров Александр Михайлович – магистр философии, аспирант. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

В представленной статье приводится обзор творческого наследия Александра Леонидовича Никифорова, предпринимается попытка осмыслить его в некотором целостном виде. Основная цель автора данной статьи – экспозиция воззрений философа по ключевым теоретическим вопросам. Каждый раздел статьи основывается на опорном материале, наиболее удачно, по мнению автора, демонстрирующие позицию А.Л. Никифорова по разбираемому вопросу. В частности, представлены его взгляды на природу философского знания и проблему соотношения философии и науки. Разбирается его критика традиционной семантической теории, определяющей значение слова через единичный референт в физическом мире, а также предложенная им концепция имени собственного как общего знака, несущего информативную и коммуникативную функции: знак представляет из себя сложную структуру, состоящую из физического, культурного и личностного пластов. Раскрываются представления А.Л. Никифорова об историческом развитии науки и в целом о будущем развитии человечества. Очерчиваются контуры политических размышлений А.Л. Никифорова — его критики либеральной идеологии за редукцию человеческих потребностей и абстрактное представление об индивиду. Никифоров обращает особое внимание на важность сохранения исторической памяти и необходимость противодействия деструктивным тенденциям в этой области. Особое внимание уделяется его точке зрения на методологию гуманитарных наук, которые по самой своей природе отличаются ориентацией на вторичную интерпретацию и субъективность. Рассматриваются его критика «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна и размышления над проблемой смысла жизни, который он видит в творческой самореализации человека.

Ключевые слова: А.Л. Никифоров, научное знание, метафилософия, смысл жизни, семантическая теория

Для цитирования: Жаров А.М. Жизнь как поиск. Памяти Александра Леонидовича Никифорова (1940–2023) // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 1. С. 37–53.

Научная работа Александра Леонидовича Никифорова (1940–2023) была насыщена интенсивным общением с коллегами: его разнообразные интересы позволяли ему активно участвовать в самых разных панельных дискуссиях, круглых столах. Особо ценны его многочисленные работы, отличающиеся критическим духом, который особенно проявлялся при рассмотрении взглядов авторитетов (будь то

К. Поппер, Л. Витгенштейн, Э. Геттиер или В.С. Стёпин) предельной чёткостью изложения и аргументированностью. При этом он никогда не стыдился признавать ограниченность своей компетенции в анализе разбираемого им вопроса. Стиль А.Л. Никифорова отличается лаконичностью, отсутствием обильных ссылок на авторитеты, сознательным «уклонением» от цитатного начётничества. Уже начиная с кандидатской диссертации, в его работах неизменно читалось желание заниматься самыми важными, серьёзными вещами – вопросами истины, творчества, смысла жизни, природы знания, добра и зла. Своим мировоззренческим взглядам А.Л. Никифоров был верен на протяжении всей жизни. Заметно, что в своих работах он регулярно возвращался к основным волнующим его вопросам, на протяжении всей своей творческой карьеры продолжая искать и уточнять ответы на них.

В данной работе мы попытаемся реконструировать ключевые элементы творческого наследия А.Л. Никифорова, концентрируясь именно на его исследовательских работах, наиболее явно, с нашей точки зрения, выражающих основные аспекты его мировоззрения и философской позиции. Вне нашего внимания, таким образом, остались многочисленные переводы, сами по себе заслуживающие отдельного обзора. Также не затрагиваются работы по логике, обзоры и рецензии. Последние занимают значительную долю работ А.Л. Никифорова, поскольку в его философствовании всегда было много диалогичности – попыток откликнуться (в том числе критически) как на идеи философов прошлого, так и на современную ему мысль. Здесь, однако, критика представлена лишь одной статьёй о «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна, наиболее ярко, по нашему мнению, передающей специфику аргументации и критической позиции Александра Леонидовича.

С нашей точки зрения, основными областями теоретических интересов А.Л. Никифорова были: метафилософия; эпистемология; проблематика, связанная с научно-техническим прогрессом и общественным развитием; проблема исторической памяти и тема смысла жизни – им и будут посвящены основные разделы данной статьи, не претендующей на то, чтобы быть исчерпывающим аналитическим обзором творческого наследия Александра Леонидовича, но представляющей собой первую попытку осмысления этого наследия в некотором целостном виде. При этом в каждом подразделе статьи мы будем основываться на некотором опорном материале, который кажется нам наиболее репрезентативным для демонстрации позиции А.Л. Никифорова по разбираемому вопросу.

1. Метафилософия¹

Прежде чем погрузиться в различные рассуждения по философской проблематике, было бы логично обозначить отношение мыслителя к самой философии, к специфике и природе философского знания, к его значению для человека и культуры.

Ещё в советские годы А.Л. Никифоров критиковал марксистскую философию за то, что она выдаёт себя за науку, подобную физике или химии, отмечая при этом, что великие философы, оставившие след в истории, не стеснялись подчёркивать именно личный, субъективный момент в своих взглядах. Он подмечал, что марксистско-ленинская философия, основанная на понимании природы философского знания как сугубо объективного, совсем не развивается, поскольку все основные законы уже «открыты», а в таком случае философам остается заниматься только их популяризацией.

Сам же А.Л. Никифоров полагал, что философия никогда не была наукой, и выражал надежду, что никогда ею и не станет. Некоторые свойства науки, по его

¹ Никифоров А.Л. Является ли философия наукой? // Философские науки. 1989. № 6. С. 52–62.

мнению, отсутствуют у философии, а это значит, что философия и наука не тождественны. К таким различиям, в частности, можно отнести следующие:

(1) научные данные можно экспериментально как верифицировать, так и фальсифицировать, чего нельзя сказать о философских концепциях;

(2) в науке существует парадигма – господствующая в научном сообществе система концепций. В философии же не может быть парадигмы, так как нет единого философского сообщества;

(3) философия и наука характеризуются несовпадением методологии;

(4) наука стремится к поиску объективного решения общезначимых проблем, в философии же решения этих проблем получают субъективное преломление;

(5) в научных дисциплинах существуют свои фиксированные описательные языки, в то время как каждый философ вкладывает в используемые им понятия свой смысл;

(6) наука развивается, отбрасывая опровергнутые концепции прошлого; философия же никогда ни от чего не отказывается – идеи мыслителей прошлого сохраняют актуальность;

(7) научное понимание истины неприменимо к верификации философского знания;

(8) как правило, философские учения и не претендуют на описание реальности, а представляют собой замкнутые системы, дедуцированные из набора аксиом.

Однако всё описанное выше не принижает, с точки зрения А.Л. Никифорова, роль философии. Он возлагает на неё фундаментальную миссию формирования мировоззрения, полагая, что философское знание тем самым выполняет важнейшую социальную функцию.

Философия как противоречивое единство²

По мнению А.Л. Никифорова, на протяжении всей своей истории философия стремится быть не только наукой, но и художественной литературой. Это позволяет ему выделить два типа философствования: рациональное и литературное.

Для рационального философа язык оказывается лишь средством, целью же является сама мысль и её адекватное выражение. В таком философствовании всегда можно найти то конкретное положение, которое автор пытается выразить и обосновать. При этом философ подобного типа убеждает, а не внушает, в силу чего его мысль легко подвергается критике.

Философу же литературного типа важен сам язык, форма текста, художественные образы. Он общается с читателем намёками. Отдельно взятые предложения и положения на первый взгляд могут быть лишены смысла, и только их связь в едином тексте что-то передаёт аудитории. Мыслитель подобного типа не обосновывает мысль, а как бы внушает её. Характерной чертой рецепции такого литературно-философского творчества является невозможность критики как таковой.

Однозначно склоняясь к рациональному философствованию, А.Л. Никифоров тем не менее признаёт право на существование за обоими типами философии, отмечая в каждом из них как позитивные, так и негативные стороны. Однако в последнее время, по его замечанию, всё большую популярность набирает то, что он сам называет «синтаксическим» типом философствования, представляющее собой не философствование как таковое, но «псевдолитературную болтовню», синтаксическое соединение слов, лишённое как смысла, так и литературного вкуса. Эта позиция приводила его к мрачным сетованиям о возможной в скором будущем смерти философии.

² Никифоров А.Л. Стили философского мышления // Личность. Культура. Общество. № 4. 2010. С. 265-276.

Аналитическое направление – философия, утратившая свои истоки³

Характерный для А.Л. Никифорова интерес к вопросу о судьбах философского знания и перспективах философии не мог не обратить его внимания на аналитическую философскую традицию, к которой, несмотря на её популярность, он был настроен достаточно критически и скептически. Хотя ранние аналитики старались свести философию к анализу языка, избегая мировоззренческих вопросов, они, по мнению А.Л. Никифорова, не смогли в итоге обойтись без мировоззренческих утверждений, которые при ближайшем рассмотрении оказываются, с его точки зрения, чрезвычайно скудными. Видя основания знания в чистом чувственном опыте, ранние аналитики не замечали, что сам опыт превращается в абстракцию, что действительный опыт конституируется языком, что чувственный опыт каждого субъекта специфичен и уникален.

В оценках судеб аналитической философии А.Л. Никифоров резко расходится с достаточно распространённым мнением, отдающим этой традиции приоритет: с его точки зрения, со смертью логического позитивизма в 1960-х гг. деградировала и аналитическая философия. Из анализа научного знания и языка она выродилась в лингвистику, изучающую обыденный язык, утратившую связь с философией и переставшую, строго говоря, быть таковой, превратившись в стиль рассмотрения тех или иных теоретических проблем, главной целью которого оказываются уже не сами проблемы, а изобретение всё новых аргументов в поддержку той или иной позиции. Это привело его к радикальному выводу об отсутствии в аналитической традиции действительно философского знания, поскольку для последнего необходимы те или иные онтологические допущения. Как следствие, аналитическая философия в его оценке превратилась в схоластическую критику, перестав быть собственно философствованием.

2. Эпистемология⁴

Работы А.Л. Никифорова, посвящённые проблеме формирования человеком представления об окружающем мире, изучению того, каким образом элементарные механизмы этого процесса проявляют себя в научной практике и что из себя представляет знание как таковое, позволяют, с нашей точки зрения, раскрыть развиваемую им своеобразную «феноменологию».

Примечательным и концептуально значимым для неё оказывается обращение к критике В.И. Лениным философии Э. Маха. Александр Леонидович не только защищал позицию последнего, но помимо прочего предпринимал и попытку несколько сблизить и примирить двух мыслителей, указывая, что действительная точка зрения В.И. Ленина заключалась в утверждении того, что мир дан нам в ощущениях, а не в констатации – как это часто ошибочно вычитывают – возможности непосредственного ощущения реальности.

Стремясь развить учение Маха, Никифоров разрабатывал структуру его «элементов мира», хотя сам австрийский физик и философ полагал их неразложимыми. Ощущение есть интерпретация воздействия на наши органы чувств. Это создание

³ Никифоров А.Л. Является ли «аналитическая философия» философией? // Философские науки. 2020. № 8. С. 7–21.

⁴ Никифоров А.Л. «Вечная» проблема философии // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин) / Под ред. А.В. Бузгалина, Б.И. Пружинина. М., 2013. С. 340–343; Никифоров А.Л. Философия науки: В.И. Ленин и Э. Мах // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 76–83. Никифоров А.Л. Язык и картина мира // Эпистемология и философия науки. 2015. № 4. С. 19–27.

чувственного образа, который не тождественен внешнему воздействию: так, ощущение горечи не подразумевает, что сам объект внешнего мира горький. Воображение и память дополняют этот чувственный образ различными связями, чертами, свойственными ему в других ситуациях и контекстах. Последним структурным компонентом «элемента мира» оказывается языковая составляющая, также выступающая формой интерпретации, при которой за явлением закрепляется определённое слово или высказывание. Таким образом, «элементы мира» состоят из внешнего воздействия, его интерпретации в ощущениях и вербальной интерпретации.

В дальнейшем на основе описанного выше развития махистских онтологии и эпистемологии А.Л. Никифоров сформулировал своё собственное представление о научном факте: он представляется сложной сущностью, состоящей из эмпирического базиса, теоретической нагрузки и языковой составляющей. Иными словами, факт есть комплексное явление, состоящее как из действительного положения дел, так и из его адекватного описания.

Критика семантики Г. Фреге⁵

Важное значение для позиции А.Л. Никифорова имеет критика семантической теории языка, заложенной ещё Г. Фреге, но с момента появления не продвинувшейся, по его мнению, в своём развитии. Данная теория видит функцию языка только в обозначении внешнего референта: каждая языковая единица, слово или предложение играют роль имени, ярлыка для какого-либо одного конкретного объекта внешней реальности.

Никифоров обращает внимание на ряд трудностей, возникающих при таком подходе. В естественном языке активно используются пустые имена, которые не имеют референта в физическом мире, однако законы логики при этом не нарушаются. Вследствие того, что мы, используя естественный язык, спокойно рассуждаем о несуществующих объектах, Никифоров допускает возможность дискуссий на метафизические темы об истине, красоте, благе и прочих подобных «пустых именах».

К тому же, даже реально существующие референты имён нередко чрезвычайно расплывчаты. Так, с понятием «Сталинградская битва» связана масса явлений, и разные историки склонны по-разному включать или не включать их в данное понятие. Даже простое имя, обозначающее один физический объект (например, конкретный человек) распадается на бесконечное множество временных контекстов и личных оптик разных наблюдателей.

Провозглашённый Р. Карнапом принцип взаимозаменяемости не работает, с точки зрения А.Л. Никифорова, в косвенном и модальном контекстах. Замена одного термина синонимом, обозначающим тот же предмет, меняет истинностное значение предложения. Точно так же и простые утверждения тождества вынуждают Фреге вносить в свою теорию понятие смысла, т.к. синонимичные слова не тождественны абсолютно и играют роль не только обозначения, но и выражения смысла о референте. Стоит учитывать, по мнению А.Л. Никифорова, и то обстоятельство, что предложения не обязательно выполняют лишь функцию имён, но также – функции описания и даже действия. Если заменить истинные составляющие предложения на совершенно другие, но тоже истинные, то предложение потеряет свой смысл даже при сохранении истинности, соответствия своему референту.

⁵ Никифоров А.Л. Онтологический статус референтов имен собственных // *Epistemology and philosophy of science / Эпистемология и философия науки*. 2012. № 2. С. 50–58; Никифоров А.Л. О некоторых проблемах логической семантики // *Эпистемология и философия науки*. № 2. 2011. С. 97–109; Никифоров А.Л. Можно ли говорить о трансцендентном? // *Эпистемология и философия науки*. 2016. № 4. С. 98–101.

Принцип взаимозаменяемости нашёл себе опору, как известно, в дефляционной теории истины. А.Л. Никифоров, однако, настаивает на её ошибочности. Если истинностная оценка ничего не добавляет к знанию, тогда почему же к ней всё равно прибегают (в том числе и сторонники данной теории)? Даже если истинностная оценка ничего не добавляет к содержанию предложения, а нравственная оценка ничего не добавляет к поступку, на практике мы всё равно предпочитаем утверждать, что «снег белый», а дурные поступки не одобряем.

Таким образом, смысл слова не исчерпывается одним указанием на объект: помимо обозначения, язык выполняет коммуникативную и когнитивную функции. Коммуникация возможна благодаря тому, что имена собственные имеют определённое смысловое ядро, предельно общее, бедное и абстрактное, но разделяемое всеми людьми. В реальной практике языка нет никаких единичных терминов или имён собственных, которым соответствует один конкретный предмет, – все слова являются общими или пустыми, т.е. естественный язык задаёт онтологию идеализированных абстрактных объектов. Имена не являются и чистыми ярлыками, т.к. несут информацию об объекте: то или иное имя сразу вызывает в мышлении конкретного человека ассоциации и определения объекта. В этом язык выполняет информативную, или когнитивную функцию.

А.Л. Никифоров предлагает трёхслойную структуру смысла слова. Первый слой задаётся повседневной практикой и содержит в себе знание, которое является общим для всех языков и народов мира, т.к. мы живём в одном мире. Например, пространственные, физические и биологические характеристики предмета. Второй слой образует коннотации, свойственные только конкретному культурному контексту – например, символы и мифы. Третий слой подразумевает личностный смысл, субъективное отношение к вещам, личные ассоциации. Именно такая модель семантики, по его мнению, способна решить проблемы с путанными именами и косвенными контекстами.

Знание как объект познания⁶

Важную для понимания общей позиции А.Л. Никифорова статью «Анализ понятия “знание”: подходы и проблемы» автор начинает с приведения наиболее признаваемого определения знания: знание есть то, что выражается обоснованным, общезначимым, интерсубъективным предложением или системой таких предложений.

Далее он критически обращается к знаменитой проблеме Э. Геттиера. Последний подверг критике распространённое представление о знании как об истинном и обоснованном мнении и привел примеры, когда такое мнение не может быть признано в качестве знания. Например, Смит узнал от главы компании, что Джонс займёт новую должность. Также он точно знает, что у Джона в кармане десять монет. Из данных посылок он выводит силлогизм: должность получит человек с десятью монетами в кармане. Однако должность получает сам Смит, и у него самого в кармане тоже неожиданно оказывается именно 10 монет. В итоге выведенный силлогизм кажется логически истинным и обоснованным, но не является знанием как таковым. А.Л. Никифоров обвиняет Геттиера в софистике и подмене понятия знания субъективной установкой. С его точки зрения, Геттиер исходит из ложных посылок, ошибочно отождествляя отношение логического следования и материальной импликации, путая строгую дизъюнкцию с нестрогой. Убеждённость в чём-либо (а именно из такого понимания знания исходит Геттиер, с точки зрения А.Л. Никифорова) есть состояние психики. Речь, таким образом, идёт не о знании в гносеологическом смысле, а об отношении к знанию. Иными словами, в данном случае

⁶ Никифоров А.Л. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. № 3. 2009. С. 61–63.

можно говорить о разнообразных словоупотреблениях глагола «знать», но то, в каком психическом состоянии субъект находится по отношению к знанию, не имеет никакого отношения к знанию как таковому.

Знание принципиально отлично от верований и мнений: верования не требуют обоснования, и никакие контраргументы не могут их поколебать; мнение же осознается как своё личное, субъективное предпочтение и никому не навязывается. Оно интерсубъективно, а потому требует обоснования и может быть обосновано. По причине своей интерсубъективности знание должно иметь соответствующую форму выражения, т.е. должно быть выражено в языке через повествовательные, описательные предложения. Знание отличается и тем, что оно есть результат целенаправленных усилий, который возможно проверить. Таким образом, А.Л. Никифоров утверждает, что знание – это результат познания, выраженный проверенным обоснованным предложением. Подобные предложения мы оцениваем как истинные в контексте отношения знания к внешнему миру, и именно в вопросе истинности, отношения ко внешнему миру, имеют смысл его обоснованность и проверка.

Новый вариант семантической концепции понимания⁷

Важной задачей А.Л. Никифоров считал разработку концепции понимания, одинаково применимой как в гуманитарных, так и в естественных науках, т.к. понимание используется только в контексте человеческой практики и всего, что произвел человек, и в этом смысле едино.

Понимание всегда подразумевает интерпретацию до этого не проинтерпретированного материала. «Понять» подразумевает два разных акта: усвоить вложенное смысловое содержание или же наделить смыслом материал, лишённый его. При этом данный процесс всегда сопровождается задачей согласования усваиваемого или вкладываемого смысла со всем остальным контекстом. Причём по крайней мере при интерпретации художественного произведения неважным оказывается её соответствие авторской интерпретации. Главное – её легитимность и соответствие с другими элементами произведения.

Одним из ключевых оказывается у А.Л. Никифорова здесь понятие «индивидуального смыслового контекста» – системы взаимосвязанных смысловых единиц, содержание которых зависит от их места в контексте, в связи с остальными единицами и непосредственно с индивидуальным Я, которое оценочно относится к каждой единице и определяет степень её значения. Само множество смысловых единиц составляется из языка, чувственных впечатлений, наглядных и абстрактных образов, формируя системы знаний, верований, морально-этических норм и т.д. Интерпретация явлений внешнего мира происходит путём встраивания их в этот контекст, через соотнесение с уже имеющимися смысловыми единицами.

Различие в интерпретациях обусловлено именно тем, что каждый человек обладает уникальным индивидуальным смысловым контекстом. Но это не делает межличностную коммуникацию невозможной: благодаря тому, что мы живём в одном материальном мире и наши жизненные феноменальные миры в общем и целом схожи, смысловые контексты отличаются не настолько значительно, чтобы коммуникация была неосуществима.

Помимо индивидуального, существует и социальный контекст. Каждое выражение языка или выражаемый предмет связаны со множеством других выражений и предметов. Это закреплено в учебниках, энциклопедиях, традициях, практиках, правилах, художественных произведениях и т.д. Социальный смысл какого-либо

⁷ Никифоров А.Л. Семантическая концепция понимания // Загадка человеческого понимания / Общ. ред. А.А. Яковлева М., 1991. С. 72–94.

слова есть совокупность его связей с другими единицами социального контекста, образующих набор его характеристик. Овладевая культурой, человек привносит в усвоенное своё личное отношение, индивидуальные характеристики, образуя индивидуальный смысловой контекст и создавая новую смысловую единицу.

Таким образом, взаимопонимание индивидов происходит на уровне их индивидуальных контекстов. Чем более они схожи друг с другом, тем больше индивиды друг друга понимают, однако это совпадение индивидуальных контекстов всегда только частично и не может быть полным.

Диалектика свободы и рациональности⁸

Другой немаловажной темой для А.Л. Никифорова была тема соотношения свободы и рациональности – точнее говоря, рациональной и свободной деятельности. Первая имеет чёткую цель, в соответствии с (не)достижением которой и определяется (не)рациональность деятельности. Иными словами, деятельность может быть рациональной относительно задачи достижения некоей цели, а также в зависимости от соответствия деятельности исходным условиям ситуации. Однако нет необходимости дожидаться окончания деятельности, чтобы оценить её рациональность. Последняя может оцениваться и по разумности деятельности, под которой Никифоров понимает её соответствие устоявшимся стандартам, правилам и нормам – законам разума, сформированным с опорой на прошлый опыт и образующим стандарт рациональности.

Рациональная деятельность объективно соответствует цели и ситуации, она непосредственно связана с объективной истиной. Следует отметить при этом, что Никифоров придерживается корреспондентской теории истины, которая для него по определению является объективной, в силу своей зависимости не от субъекта, а от окружающего мира. А значит, подобная деятельность не зависит от особенностей субъекта: его можно заменить, но направление деятельности останется тем же, поскольку рациональная деятельность детерминирована своей целью и условиями осуществления.

Свободная же деятельность определяется тем, что она детерминирована только волей и желанием действующего субъекта и предполагает творчество, самовыражение. Свобода определяется выбором цели, средств и условий деятельности. Соответственно, она не может быть ими детерминирована, а значит, она иррациональна. Но этот отход от установленных стандартов рациональности может быть вполне плодотворным: если свободная деятельность достигает своей цели, она может стать тем опытом, на основе которого будет установлен новый стандарт рациональности. С этого момента подобная деятельность осуществляется уже в соответствии с рациональными соображениями и не является свободной. Таким образом, свобода может быть рационализирована, а человек способен вновь и вновь ломать и раздвигать в своём творчестве рамки рациональности.

3. Общество и научно-технический прогресс⁹

Итак, знание оказывается у А.Л. Никифорова своего рода нейтральным явлением – результатом свободной деятельности субъекта, не зависящим от своих последствий и целей, но удовлетворяющим внутреннюю, ни от чего не зависящую потреб-

⁸ Никифоров А.Л. Рациональность и свобода // Рациональность как предмет философского исследования / Отв. ред. Б.И. Пружинин, В.С. Швырев. М., 1995. С. 171–186.

⁹ Никифоров А.Л. Трансформация науки в XX в.: от поиска истины к совершенствованию техники // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2019. № 3. С. 20–29.

ность. Однако динамика научного знания зависит от общества: как социум влияет на развитие научного знания, так и последнее во многом определяет и конституирует социальные отношения.

В серии поздних статей А.Л. Никифоров обращает внимание на современное состояние науки, которая, на его взгляд, заметно ушла от своего изначального призвания. Наука Нового времени двигалась благодаря любознательности отдельных энтузиастов, тративших свои собственные ресурсы на научное открытие. Их интересовало открытие истины об окружающем мире как таковом. Принципиально здесь то обстоятельство, что вопросы техники интересовали их лишь в силу необходимости – только тогда, когда условия эксперимента требовали нового оборудования.

Но в XIX в. наука начинает приносить всё большие практические плоды. Научные открытия помогают заметно улучшить жизнь людей и помочь в решении множества практических задач. С этого момента государство и крупный бизнес начинают особо интересоваться наукой – она активно включается в капиталистическую систему. Это приводит к целому ряду последствий: знание становится товаром, а учёные становятся всё более зависимы от внешнего финансирования, возрастает стоимость фундаментальных исследований, всё больше требуется узкая специализация научных кадров – учёный постепенно превращается в ремесленника, выполняющего механическую работу и не имеющего представления о соседних научных областях; прикладная ценность начинает определять направление научных исследований. В конце концов научное открытие замещается научным изобретением, а разделение на фундаментальную и прикладную науку превращается в гибридную технонауку.

Как результат, во второй половине XX в. мы практически не имеем крупных научных открытий, а общество деградирует, т.к. наука перестаёт быть фактором духовного развития, служа лишь обеспечением удовлетворения биологических потребностей человека. Но для позиции А.Л. Никифорова тем не менее была характерна надежда на то, что, осознав культурный кризис, порождаемый этой гонкой, человечество придёт к необходимости создания новой науки, в центре внимания которой будет человек. И философия в этой науке призвана, по его мнению, играть важнейшую роль.

Скрытая сложность понятия «прогресс»¹⁰

Зачастую прогресс воспринимают как понятие, обладающее предметным значением, просто фиксирующим положение дел. Но, с точки зрения А.Л. Никифорова, оно обладает и оценочной нагрузкой. Он утверждает, что прогрессом можно считать только изменения, затрагивающие самоидентификацию объекта, т.е. только те изменения, которые существенно меняют внутренние свойства объекта (к чему не относятся, например, циклические изменения вроде оледенения реки). При этом прогресс есть изменение к лучшему, более совершенному. Однако проблема заключается в том, что прогрессивность изменений устанавливается с точки зрения наблюдателя, а значит, соответственно, и оценка зависит от его предпочтений. Рассматривая различные попытки обнаружить единые для всех народов ценности, Никифоров приходит к выводу, что подобные проекты завершились провалом: единые ценности вывести невозможно, а значит, и единую точку зрения на прогресс – тоже.

С его точки зрения, в таком случае единственным и при этом оптимальным оказывается только максимально общее понимание прогресса. Возникновение жизни можно считать переходом Вселенной к более высокому состоянию,

¹⁰ Никифоров А.Л. О смысле и значении понятия «прогресс» // Цифровой учёный: лаборатория философа. № 2. 2021. С. 6–16.

а возникновение разума – её переходом на ещё более высшую ступень: разум преобразует окружающую материю, внося в неё мысль, и следующим этапом должно стать упорядочивание всей материи по законам разума, упорядочивание, направленное на достижение конечной цели – возникновение одухотворённого космоса, в котором материя соединена с жизнью и разумом.

Будущее человечества – между физическим вымиранием и утратой человечности¹¹

А.Л. Никифоров полагал, что практически все имеющиеся футурологические концепции, в сущности, пессимистичны. В концепции «конца истории» Ф. Фукуямы, идеализирующей либеральную демократию, он видит образ, лишённый каких-либо высоких стремлений: в случае тотальной победы либеральной демократии в нынешнем изводе человечество замкнётся лишь на потребительских проблемах, карьеризме и конкуренции. Наивным, с его точки зрения, выглядит и европоцентризм Фукуямы. В 47-м докладе Римского клуба звучало в свою очередь опровержение оптимизма Фукуямы, полагающего, что наступил конец истории. Члены клуба полагали, что именно капиталистическая идеология потребления привела планету к экологической катастрофе, грозящей человечеству вымиранием. Однако А.Л. Никифоров скептически воспринимал призывы к новому «просвещению» общества, полагая, что в нынешних обстоятельствах это уже невозможно.

Неоднозначно оценивается им и концепция трансгуманистов: с одной стороны, последние осознают моральную деградацию общества и предлагают объединить его новой возвышенной целью преодоления ограничений естественного биологического тела; с другой стороны, такая цель является для Никифорова неудовлетворительной, поскольку с утратой тела человек лишится значительной части всего того, что делает его таковым – дружбы, любви, переживаний и т.д.

Не менее мрачен, по мнению А.Л. Никифорова, и тот вариант будущего, который рисует Ю. Харари. Развивая идеи Д. Сасскинда и трансгуманистов, Харари полагал, что с вытеснением человека из сферы труда у него появится возможность заняться вопросами спасения от старости, болезней и смерти, достижения счастья. Первые три проблемы, по Харари, человек решит при помощи био- и киборг-инженерии, став неорганическим существом. Проблему же счастья мыслитель предлагает решить повсеместным использованием психотропных веществ. Однако А.Л. Никифоров крайне скептичен к подобной перспективе, полагая, что био- и киборг-индустрии будут доступны только малочисленным группам состоятельных людей.

Свой путь решения проблем человечества А.Л. Никифоров видит в следующем: нам необходимо отказаться от капитализма и либерализма, найти иные решения, создающие условия для реализации идеи социальной справедливости. Должны быть найдены коллективистские, или «системные» идеологические формулы, определяющие высшей ценностью общество, стоящее выше индивида, а также новый идеал, подобный коммунистическому или христианскому – новый образ утопии, который будет стимулировать людей к возвышению над своей животной природой.

¹¹ Никифоров А.Л. Какое будущее ждёт человечество? // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 3. С. 82–95; Никифоров А.Л. Какое будущее готовит человечеству научно-технический прогресс? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. № 1. С. 123–137.

Противоречия либерализма¹²

Признавая значение либеральной идеологии в борьбе с сословными ограничениями, за свободу совести, за становление рыночных отношений – А.Л. Никифоров уделял немало сил и времени критике либерализма, важнейшим представителем которого считал Дж. Ролза.

Анализируя концепцию последнего, он делает вывод, что субъект либерализма – предельно абстрактный индивид, не существующий в действительности, т.к. все люди являются носителями определённой национальности, культуры, религии, привычек и норм поведения. Индивид в понимании Ролза оказывается, по мнению Никифорова, атомом в пустом бесконтекстуальном пространстве, его единственная идентичность – биологическая природа. И здесь либерализм, с его точки зрения, подрывает самого себя: животный организм, определяясь лишь давлением биологических инстинктов, не свободен, т.к. свободу субъект обретает исключительно посредством разума и культуры.

Не менее критичен А.Л. Никифоров и в отношении доктрины экономического либерализма, утверждающего в качестве основополагающей ценности свободные рыночные отношения. Однако абсолютизация свободной конкуренции приводит, по его мнению, к тому, что в жертву приносится благосостояние неконкурентоспособных граждан и действительная эффективность использования ресурсов. Экономический либерализм существует, по мнению А.Л. Никифорова, с одной единственной целью – безусловной апологии капитализма.

Наиболее пагубен и противоречив либерализм в одной из самых главных декларируемых им ценностей – равенстве: либерализм признаёт не декларируемое равенство возможностей, а скорее равенство в возможности стремиться к своей цели, равенство права пользования предоставленными возможностями. Однако господство частной собственности и институт наследования создают условия непреодолимого различия стартовых условий, при котором всё остальное оказывается пустыми декларациями.

4. Битва за историческую память и роль в ней гуманитарных наук¹³

С точки зрения Никифорова, для любого человека жизненно важно творческое самовыражение, а одним из важных составляющих личности оказывается национальная идентичность, во многом связанная именно с исторической памятью. В расхожих подходах к определению нации его не устраивает ни положение о том, что она есть гражданская общность, в которой малозначима этническая составляющая, ни попытки заменить гражданский «критерий» национального объединения на идеологический – утверждение, что нация определяется единым преданием, религией, мифом. Для самого А.Л. Никифорова ключевой признак нации – язык и культура. Полагая, что в возникновении русской нации важнейшую роль сыграло государство и православное христианство, ключевым механизмом формирования национальной идентичности он считал историческую память.

Память сама по себе является основой личности человека, в случае потери которой человек лишается жизненной цели, приоритетов, ценностей и опыта. Историческая же память передаёт из поколения в поколение восприятие событий прошлого, а именно опыт переживания событий современниками, оценку тех событий,

¹² Никифоров А.Л. Индивид либерализма и его мораль // Личность. Культура. Общество. 2016. Т. XVIII. Вып. 1–2. С. 161–177.

¹³ Никифоров А.Л. Историческая память и наука история. М., 2021.

в том числе и эмоциональную. С другой стороны, необходимо учитывать, что историческая память формируется официальными историческими учебниками, художественной литературой, кинематографом, СМИ и мемориальными практиками. Она избирательно акцентирует внимание на наиболее значимых событиях, начинающих играть символическую роль, формирует и транслирует представления о нравственном, должном, героическом.

По мнению А.Л. Никифорова, сегодня наблюдается целенаправленная, идеологически и политически ангажированная работа по разрушению исторической памяти. Издаётся много книг и статей, развенчивающих величие исторического прошлого России, дискредитирующих выдающихся российских государственных деятелей, обесценивающих её исторические успехи. С одной стороны, это естественное следствие давления капитализма: СМИ в своих «ниспровержениях» гонятся за сенсацией. С другой стороны, искажение истории, с его точки зрения, происходит сознательно, в рамках идеологической борьбы, направленной на разрушение идентичности русского народа, лишение страны исторической самоадекватности, превознесение западных ценностей и достижений.

Разумеется, нет ничего необычного и не должного в том, что по поводу тех или иных исторических феноменов и событий существует разнообразие мнений – таково свойство гуманитарной науки. Но научным это разнообразие можно считать только тогда, когда эти мнения подкреплены беспристрастной аргументацией, чего зачастую принципиально не хватает современным идеологизированным позициям.

В силу этого чрезвычайно важной оказывается рефлексия над методологией исторического исследования. С одной стороны, историк действительно стремится достичь обоснованного истинного описания последовательности событий. С другой стороны, он должен отдавать себе отчёт в собственной ценностной перспективе, а также в том, что идеалы и ценности людей прошлого отличны от его собственных. Специфика не только исторического, но и гуманитарного знания в целом определяется тем, что факт в гуманитарном знании – это всегда интерпретация. Мотивы, цели агентов истории, а не «физическая», объективная реальность исторического процесса, заключающаяся в «перемещении» объектов (событий) во времени и пространстве, – вот что оказывается интересным историку. Эта специфика не может не влиять на процесс восприятия учёными исторического: если естественно-научные факты всегда теоретически нагружены, то исторические факты принимают на себя ещё и идеологическую нагрузку интерпретаций и оценок исследователя.

Сам отбор фактов происходит в несколько этапов. В первую очередь отсеиваются факты, не имеющие непосредственного значения для рассматриваемой проблемы, даже если они наличествовали в описываемых исторических обстоятельствах. Затем отбираются именно те факты, которые имели историческое значение. Историк прислушивается к оценкам события современниками, однако прежде всего он руководствуется своей перспективой – иными словами, на каждом этапе отбора и оценке фактов фундаментальное влияние оказывают идеологические предпочтения самого субъекта осуществляемого отбора.

Если для естественных наук первостепенное значение имеет объяснение природных явлений, то историческая наука останавливается на описании событий. Однако проблема, по мнению Никифорова, заключается в том, что в исторических и общественных науках на самом деле нет чёткой границы между описанием и объяснением: описание необходимо включает в себя интерпретацию, придание смысла.

По этой причине необходимо различать истину в естественных науках и истину в науках исторических, и сам А.Л. Никифоров предлагает именовать «гуманитарный»

вариант истины правдой, а одним из её ключевых свойств считает когерентность, т.е. согласованность и соответствие всем имеющимся историческим источникам. При этом он вполне допускает возможность формулирования нескольких правдивых концепций на одном и том же материале. При этом историческая наука здесь не уникальна: например, в литературоведении наличие нескольких интерпретаций художественного произведения, каждая из которых хорошо согласуется с имеющимися данными, совсем не редкость.

5. Критика¹⁴

Важную роль в наследии А.Л. Никифорова играет критика: полемика, рецензии, обзоры, выступления на круглых столах представляют значительную часть его творческого пути. Несмотря на некоторый, так сказать, служебный характер подобного рода сочинений, они обладали для автора самостоятельной ценностью, позволяя точнее определить свою собственную позицию. В качестве примера рассмотрим критику А.Л. Никифоровым «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна.

С его точки зрения, «Трактат» написан достаточно невнятным языком, что и стало причиной возникновения множества интерпретаций. Существенной проблемой работы Л. Витгенштейна является и то, что автор фактически не обосновывает свои тезисы, а лишь догматически их провозглашает. По мнению Никифорова, Витгенштейн создал метафизику, фактически онтологизировав пропозициональную логику. Таким образом, он учредил довольно примитивную онтологию, поскольку пропозициональная логика неприменима к сложному многообразию мира и требует существенного расширения.

Множество понятий Витгенштейна вызывают вопросы в силу их неясности и противоречивости – таковы, например: «логическое пространство»; «логическая форма» предмета; понимание знания как знания логической формы. Совершенно лишено смысла у него, по мнению А.Л. Никифорова, и понятие факта, т.к. в него можно вместить всё, что угодно. Не соответствует реальности и используемое Витгенштейном понятие образа: не все образы можно соотнести с реальностью, как того требует автор «Логико-философского трактата», что не лишает их истинности. Неясно и выражение «логика нашего языка», в котором все члены имеют множество коннотаций, не проясняемых австрийским философом. Сомнительно и принимаемое им без доказательств утверждение, будто классическая логика высказываний отражает мир как таковой.

Критикуется им и определение свойства «возможности» через мыслимость предмета, ибо эти области не совпадают, и одна шире другой. Отвержение Витгенштейном понятия как формы мысли, утверждение, что конфигурация элементов предложения повторяет конфигурацию элементов ситуации, – всё это, с точки зрения А.Л. Никифорова, легко опровергает наш непосредственный опыт. Не кажется ему обоснованным и объявление бессмысленными многообразия вопросов, на протяжении всей истории волнующих мыслителей самых различных культур и эпох.

При этом А.Л. Никифоров отрицает существенное влияние «Трактата» на развитие логики и философии: с его точки зрения, статус непререкаемого авторитета австрийский философ получил только в рамках одного «расплывчатого» направления философской мысли – аналитической философии, да и то на это повлияла скорее энергия личности автора, а не его мысль.

¹⁴ Никифоров А.Л. Не всё то золото, что блестит («Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна) // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 1. С. 160–172.

6. О том, что непосредственно касается каждого¹⁵

С годами А.Л. Никифорова всё больше начинает занимать проблема смысла жизни. Анализируя структуру человеческой активности, он выделяет два его аспекта – деятельность и поведение. Деятельность подразумевает целенаправленную активность, продуманность средств достижения цели, всегда состоит из более простых операций, безлична (т.е. независима от личностных качеств исполняющего) и имеет результат. Поведение целесообразно, но не целенаправленно, подвижно инстинктами, и им руководит не цель, как в сознательной деятельности, а ситуация. Но и поведение имеет личностный характер, оно уникально для каждого отдельного человека. При этом деятельность и поведение – два аспекта реальной активности. Именно поэтому активность является творчеством, т.к. любому своему акту – как деятельности, так и поведенческому – можно придать личностный, уникальный характер.

Смысл деятельности, по его мнению, подразделяется на три типа. Субъективный смысл деятельности определяется как набор интенций действующего субъекта, т.е. деятельность осмысленна в той мере, в какой она приближает субъекта к поставленной цели. Объективный же смысл является всей сетью причинно-следственных взаимосвязей, порождаемых деятельностью и потенциально способных быть её интенцией. Социальный смысл включает в себя всю совокупность её социальных следствий, разворачивающихся во времени.

Иными словами, деятельность человека состоит из элементарных атомарных интенций. Однако существует одна глубоко сокровенная цель, которая подчиняет себе всю жизнедеятельность человека в совокупности её противоречивых интенций. Её Никифоров называет «витальной интенцией», которая и есть субъективный смысл жизни человека. Правда, эта витальная интенция может сменять свой вектор в разные этапы жизни человека.

Вместе с тем А.Л. Никифоров полагает, что дать универсальный содержательный ответ на вопрос, в чём заключается смысл жизни, невозможно, т.к. в значительной степени это не теоретический, но эмпирический вопрос, и ответ на него зависит от конкретной эпохи и культурного контекста. Пытаясь, однако, обобщить возможные ответы, А.Л. Никифоров предполагает, что все они тяготеют к интенциям двух типов – потреблению или творчеству.

С его точки зрения, очевидно, что невозможно найти субъективный смысл, который подойдет всем индивидуальным жизням. Однако возможно установление наиболее общей надчеловеческой ценности. Он замечает, что смысл многолетней эволюции Вселенной можно увидеть в появлении жизни. Особым свойством жизни является преобразование окружающей среды и превращение её в одну из своих структур – преобразование всей косной материи в жизнь; включение всей материи в участие в жизнедеятельности можно понимать как смысл космической эволюции.

Эта надчеловеческая ценность позволяет иначе взглянуть и на проблему смерти. С одной стороны, Никифоров критикует мнение, согласно которому смысл лежит в достижении некой абсолютной цели вне самой жизни: по его мнению, такой тезис вступает в противоречие с принципом, запрещающим видеть в человеке средство, но только цель. Необходимо, чтобы цель человеческой жизни лежала в ней самой, и это позволяет согласовать жизнь как надчеловеческую ценность и жизнь как ценность конкретно-личностную. И высшим призванием человека оказывается творческое самовыражение: именно творчество способно превратить относительно короткую жизнь индивида в самодостаточную ценность, наполнить её смыслом.

¹⁵ Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. М., 2012.

Заключение

А.Л. Никифорова не интересовали второстепенные вопросы, касающиеся узких областей и частных проблем. Его усилия и таланты были направлены на решение самых фундаментальных вопросов: природа философского знания, его значение и функция, проблема истины, методология гуманитарного познания, цель науки, кризис человеческой цивилизации и пути его преодоления, смысл жизни.

Весь творческий путь Александра Леонидовича Никифорова был посвящён искреннему поиску истины. Ему были чужды академическое честолюбие и тщеславие, стремление произвести впечатление на читателя или слушателя, пиетет перед авторитетами или желание стать таковым. Все его произведения пронизаны только этим единым ориентиром, а его лекции, на которых выросло не одно поколение студентов, неизменно представляли собой честный и личный разговор о собственных поисках истины, о том, что его волновало на этом пути.

Список литературы

Никифоров А.Л. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. № 3. 2009. С. 61–63.

Никифоров А.Л. «Вечная» проблема философии // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин) / Под ред. А.В. Бузгалина, Б.И. Пружинина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 340–343.

Никифоров А.Л. Индивид либерализма и его мораль // Личность. Культура. Общество. 2016. Т. XVIII. Вып. 1–2 (89–90). С. 161–177.

Никифоров А.Л. Историческая память и наука история. М.: ГАУГН-Пресс, 2021. 132 с.

Никифоров А.Л. Какое будущее готовит человечеству научно-технический прогресс? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. № 1. С. 123–137.

Никифоров А.Л. Какое будущее ждёт человечество? // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 3. С. 82–95.

Никифоров А.Л. Можно ли говорить о трансцендентном? // Эпистемология и философия науки. 2016. № 4. С. 98–101.

Никифоров А.Л. Не всё то золото, что блестит («Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна) // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 1. С. 160–172.

Никифоров А.Л. О некоторых проблемах логической семантики // Эпистемология и философия науки. № 2. 2011. С. 97–109.

Никифоров А.Л. Онтологический статус референтов имён собственных // Epistemology and philosophy of science / Эпистемология и философия науки. 2012. № 2. С. 50–58.

Никифоров А.Л. О смысле и значении понятия «прогресс» // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2021. № 2. С. 6–16.

Никифоров А.Л. Рациональность и свобода // Рациональность как предмет философского исследования / Отв. ред. Б.И. Пружинин, В.С. Швырев. М.: ИФРАН, 1995. С. 171–186.

Никифоров А.Л. Семантическая концепция понимания // Загадка человеческого понимания / Общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1991. С. 72–94.

Никифоров А.Л. Стили философского мышления // Личность. Культура. Общество. № 4. 2010. С. 265–276.

Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. М.: Альфа-М, 2012. 169 с.

Никифоров А.Л. Трансформация науки в XX в.: от поиска истины к совершенствованию техники // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2019. № 3. С. 20–29.

Никифоров А.Л. Философия науки: В.И. Ленин и Э. Мах // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 76–83.

Никифоров А.Л. Что дала человечеству наука Нового времени? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 179–187.

Никифоров А.Л. Является ли философия наукой? // Философские науки. 1989. № 6. С. 52–62.

Никифоров А.Л. Является ли «аналитическая философия» философией? // Философские науки. 2020. № 8. С. 7–21.

Никифоров А.Л. Язык и картина мира // Эпистемология и философия науки. 2015. № 4. С. 19–27.

Life as a Search. In Memory of Alexander Leonidovich Nikiforov (1940–2023)

Alexander M. Zharov – postgraduate student. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

The article provides an overview of the creative heritage of Alexander Leonidovich Nikiforov, an attempt is made to comprehend it in an integral way. The main purpose of the author of this article is the exposition of the philosopher's views on key theoretical issues. Each section of the article is based on the reference material, which, in the author's opinion, most successfully demonstrates the position of A.L. Nikiforov on indicated issues. In particular, his views on the nature of philosophical knowledge and the problem of the relationship between philosophy and science are presented. His criticism of the traditional semantic theory that defines the meaning of a word through a single referent in the physical world is analyzed, as well as his proposed concept of a proper name as a common sign carrying informative and communicative functions: the sign is a complex structure consisting of physical, cultural and personal layers. A.L. Nikiforov's ideas about the historical development of science and, in general, about the future development of mankind are revealed. His political reflections are outlined as well – his critics of liberal ideology for the reduction of human needs and an abstract idea of the individual. Nikiforov pays special attention to the importance of preserving historical memory and the need to counter destructive trends in this area. Special attention is paid to his point of view on the methodology of the humanities, which by their very nature are characterized by an orientation towards secondary interpretation and subjectivity. His criticism of the L. Wittgenstein's "Logical and Philosophical Treatise" and reflections on the problem of the meaning of life, which he sees in the creative self-realization of a person, are outlined as well.

Keywords: A.L. Nikiforov, scientific knowledge, metaphilosophy, meaning of life, semantic theory

For citation: Zharov, A.M. Zhizn' kak poisk. Pamyati Aleksandra Leonidovicha Nikiforova (1940–2023) [Life as a Search. In Memory of Alexander Leonidovich Nikiforov (1940–2023)], *Otechestvennaya filosofiya [National Philosophy]*, 2024, Vol. 2, No. 1, pp. 37–53. (In Russian)

References

Nikiforov, A.L. Analiz ponyatiya "znanie": podhody i problemy [Analysis of the Concept of "Knowledge": Approaches and Problems], *Epistemology and philosophy of Science*, 2009, No. 3, pp. 61–63. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Chto dala chelovechestvu nauka Novogo vremeni? [What Has the Science of Modern Times Given to Mankind?], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2018, No. 42, pp. 179–187. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Filosofiya nauki: V.I. Lenin i Je. Mah [Philosophy of Science: V.I. Lenin and E. Mach], *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2010, No. 1, pp. 76–83. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Individ liberalizma i ego moral' [The Individual of Liberalism and its Morality], *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2016. Vol. XVIII. Issue. 1–2 (89–90), pp. 161–177. (In Russian)

Nikiforov, A.L. *Istoricheskaya pamjat' i nauka istoriya* [Historical Memory and the Science of History]. Moscow: GAUGN-Press, 2021. 132 p. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Kakoe budushchee gotovit chelovechestvu nauchno-tehnicheskii progress? [What Future is Scientific and Technological Progress Preparing for Humanity?], *Vestnik Rossiiskogo univer-*

siteta družby narodov. Seriya: *Filosofiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy], 2023, No. 1, pp. 123–137. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Kakoe budushchee zhdet chelovechestvo? [What Future Awaits Humanity?], *Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 3, pp. 82–95. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Mozhno li govorit' o transtsendentnom? [Is it Possible to Talk About the Transcendent?], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2016, No. 4, pp. 98–101. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Ne vse to zoloto, chto bleshit ("Logiko-filosofskij traktat L. Wittgensteina") [Not All that Glitters is Gold (L. Wittgenstein's "Logical and Philosophical Treatise")], *Philosophy Journal*, 2018, Vol. 11, No. 1, pp. 160–172. (In Russian)

Nikiforov, A.L. O nekotoryh problemah logicheskoi semantiki [On Some Problems of Logical Semantics], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2011, No. 2, pp. 97–109. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Ontologicheskii status referentov imen sobstvennykh [Ontological Status of Referents of Proper Names], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2012, No. 2, pp. 50–58. (In Russian)

Nikiforov, A.L. O smysle i znachenii ponyatiya "progress" [On the Meaning and Significance of the Concept of "Progress"], *Tsifrovoi uchenyi: laboratoriya filosofa* [Digital Scientist: the Philosopher's Laboratory], 2010, No. 2, pp. 6–16. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Racional'nost' i svoboda [Rationality and Freedom], in: *Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniya* [Rationality as a Subject of Philosophical Research], red. B.I. Pruzhinin, V.S. Shvyrev. Moscow: IPhRAN, 1995, pp. 171–186. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Semanticheskaya kontsepsiya ponimaniya [Semantic Concept of Understanding], in: *Zagadka chelovecheskogo ponimaniya* [The Riddle of Human Understanding], red. A.A. Jakovlev. Moscow: Politizdat, 1991, pp. 72–94. (In Russian)

Nikiforov, A.L. *Struktura i smysl zhiznennogo mira cheloveka* [The Structure and Meaning of the Human Life World]. Moscow: Al'fa-M, 2012. 169 p. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Stili filosofskogo myshleniya [Styles of Philosophical Thinking], *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2010, No. 4, pp. 265–276. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Transformatsiya nauki v XX v.: ot poiska istiny k sovershenstvovaniyu tehniki [Transformation of Science in the Twentieth Century: from the Search for Truth to the Improvement of Technology], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2019, No. 3, pp. 20–29. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Yavlyaetsya li filosofiya naukoj? [Is Philosophy a Science?], *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 1989, No. 6, pp. 52–62. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Yavljaetsya li "analiticheskaya filosofiya" filosofiej? [Is "Analytical Philosophy" a Philosophy?], *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2020, No. 8, pp. 7–21. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Yazyk i kartina mira [Language and the picture of the world], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2015, No. 4, pp. 19–27. (In Russian)

Nikiforov, A.L. "Vechnaja" problema filosofii ["Eternal" Problem of Philosophy], in: *Russkij marksizm: Georgii Valentinovich Plehanov, Vladimir Il'ich Ul'yanov (Lenin)* [Russian Marxism: Georgy Valentinovich Plekhanov, Vladimir Ilyich Ulyanov (Lenin)], pod red. A.V. Buzgalina, B.I. Pruzhinina. Moscow: ROSSPEN, 2013, pp. 340–343. (In Russian)

АРХИВ

А.И. Вакулинская

Иван Ильин и Алексей Боровой: история одной дружбы

Вакулинская Александра Ивановна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109420, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sashavakulinskaya@gmail.com

Публикация посвящена истории отношений, сложившихся между философом, социологом, анархистом А.А. Боровым и молодым философом И.А. Ильиным. Реконструируется идейная и политическая позиция, которую занимал Боровой будучи приват-доцентом юридического факультета Московского императорского университета, его отношение к другим коллегам, в частности к П.И. Новгородцеву, Б.А. Кистяковскому. Демонстрируется эволюция взглядов молодого Ильина, изначально симпатизировавшего радикальным политическим направлениям и анархистскому течению, а затем перешедшего на позиции либерального консерватизма. На основе мемуаров, писем, хранящихся в архиве А.А. Борового в РГАЛИ, воспоминаний и писем И.А. Ильина, а также исследований, посвященных Боровому и Ильину, детально реконструируется период их встреч в Париже в 1911–1912 гг. Раскрываются подробности изменений, произошедших на юридическом факультете Московского императорского университета в связи с «Делом Кассо», по-разному отразившихся на судьбах мыслителей. Упоминается о взаимоотношениях Борового и Ильина с Б.А. Кистяковским, который в 1911 г. также находился в Европе. Делается предположение о причинах прекращения общения между И.А. Ильиным и А.А. Боровым в годы Первой мировой войны, которое могло быть связано как с идейным расхождением между философами, так и деятельностью, которой каждый из них посвятил себя в эти годы. Встреча Борового и Ильина после февральской революции могла бы дать повод для возобновления общения, но расхождение в оценке октябрьского переворота (мнимое или реальное) стало камнем преткновения. На основе упоминаемого Боровым фрагмента из книги Г.И. Киша «Гитлер и другие» и архива И.А. Ильина воспроизводится эпизод выступления мыслителя на заседании «Клуба господ» в марте 1930 г. Воссоздается история взаимоотношений И.А. Ильина с представителями консервативного крыла немецких предпринимателей и не сложившегося сотрудничества с центристской партией, представленной немецкими католиками.

Ключевые слова: юридический факультет Московского императорского университета, «Дело Кассо», анархизм, А.А. Боровой, И.А. Ильин

Для цитирования: Вакулинская А.И. Иван Ильин и Алексей Боровой: история одной дружбы // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 1. С. 54–77.

На сегодняшний день в общественном сознании за И.А. Ильиным закрепилось достаточно много мифов, возникших в результате того, что внимание лиц, знаковавших широкую аудиторию с творчеством мыслителя, было приковано лишь к публицистическим работам философа, вышедшим в период эмиграции. Пресловутая популярность Ильина в политических кругах современной России довершила дело, в результате чего политический дискурс «вторгся» в пределы науки, где он, конечно же, неуместен.

Как среди современников, так и среди профессиональных исследователей Ильин получил известность в первую очередь благодаря своим философским трудам, большая часть которых была начата ещё до насильственной высылки философа за пределы Советской России. На московский период жизни естественным образом выпадает пора философского становления Ильина, и обращение к этому времени позволяет лучше понять, кем же был этот «замкнутый на семь поворотов» человек. Вызывающее поведение молодого мыслителя, будь то скандал с Андреем Белым¹ или же ожесточённая критика выступлений «коллег», имело определённую подоплёку, о которой зачастую мало что известно, т.к. образ Ильина обычно слагается из воспоминаний «пострадавшей» от эксцентричных выходок стороны. То же самое можно сказать и о том образе мыслителя, который продемонстрировал П.В. Рябов в статье «Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ»², приведший выдержку из воспоминаний философа, социолога, юриста-анархиста А.А. Борового.

Сама статья П.В. Рябова посвящена описанию фонда А.А. Борового, значимость которого до сих пор не оценена исследователями во всей полноте. По всей видимости, публикация попросту оказалась незамеченной научным сообществом: до сих пор мы практически не находим работ, раскрывающих взаимоотношения Борового с его многочисленными и важными корреспондентами, такими как, например, мыслители Г.Г. Шпет, Б.П. Вышеславцев, Б.А. Кистяковский.

В рамках данной статьи публикуются письма Ильина к Боровому, реконструируется в полном объёме история их взаимоотношений, а также даётся комментарий к приводимому Боровым фрагменту из книги, в которой излагается «характеристика» Ильина.

К сожалению, несмотря на серьёзные усилия исследователей и популяризаторов творчества Борового, фигура этого мыслителя до сих пор остаётся известной лишь среди узкого круга специалистов по теории анархизма и теории права. В силу данного обстоятельства существует необходимость осветить некоторые аспекты жизни и творчества Борового, в частности, касающиеся периода его дружбы с Ильиным (1906–1912), которому непосредственно посвящена данная публикация.

Алексей Алексеевич Боровой обучался на юридическом факультете Московского императорского университета в период 1894–1898 гг. и впоследствии был оставлен на кафедре полицейского права для написания магистерской диссертации. После публичного выступления с лекциями и сдачи магистерского экзамена в 1902 г.³ он был удостоен звания приват-доцента и активно включился в преподавательскую деятельность юридического факультета. Боровой вёл курсы по политической экономии

¹ См.: *Евлампицев И.И.* История одного скандала (И.А. Ильин – А. Белый – Э.К. Метнер) // Ступени: философский журнал. 1997. № 10. С. 143–147.

² *Рябов П.В.* Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ // Вестник культурологии. 2009. № 1 (48). С. 112–126.

³ По поводу года получения звания приват-доцента мнения исследователей расходятся. П.В. Рябов считает, что это был 1901 г., С.В. Шумихин указывает на 1902 г. Сам Боровой также упоминает 1902 г. (см.: *Боровой А.А.* Глава XI. «Революция 1905 г. и реакция» / *Моя жизнь. Воспоминания* // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 251).

и праву в Московском императорском университете, Практической Академии и Александровском Коммерческом училище. В период 1903–1905 гг. он находился в заграничной командировке по странам Западной Европы, где работал над завершением магистерской диссертации. Именно во время командировки в 1904 г. в Париже Боровой ощутил мистическое «перерождение» внутри себя: «Со скамьи Люксембургского сада – я встал просветлённым, страстным, непримиримым анархистом...»⁴. До этого момента философские взгляды мыслителя претерпевали эволюцию по траектории «от Маркса к Канту», хотя к какому-либо течению кантианства Боровой не примыкал. Впоследствии более подходящим для себя он находил такое течение мысли, как философия жизни (Зиммель, Бергсон)⁵. В апреле 1906 г. философ выступил с лекцией «Общественные идеалы современного человечества: либерализм, социализм, анархизм», в которой впервые изложил идеи анархо-индивидуализма. В этот год при активном участии Борового были созданы первые легально существовавшие в Российской империи анархистские издательства – «Заратустра» и «Логос». Активная защита «восстания» (неудавшейся революции 1905–1907 гг.), идущая вразрез с либеральной публицистикой, привела к «административным гонениям». В 1907 г. Боровой подвергся месячному аресту⁶ за брошюру «Революционное мировоззрение», вышедшую в «Логосе», в которой он уже открыто симпатизирует синдикализму. Исследователи творчества мыслителя⁷ указывают на то, что в 1908–1910 гг. происходит его окончательный переход на позиции революционного синдикализма.

Стоит упомянуть ещё об одном направлении интересов Борового – он принимал участие в работе музыкальных и литературных обществ. Первое время он даже посещал религиозно-философские собрания на квартире М.К. Морозовой, но вскоре прекратил свои визиты по причине идейных расхождений с участниками встреч⁸. В своих воспоминаниях Боровой описывал заседания Литературно-художественного кружка, который в начале XX столетия «делал “физиономию” страны»⁹; был завсегдаем на литературных пятницах, проходивших в особняке психиатра, профессора университета Н.Н. Баженова, председателя диспутов литературно-художественного кружка.

Мыслитель также упоминал о сотрудничестве и работе в издательстве «Гриф», объединявшем ранних символистов и декадентов, работе в редакции литературно-художественного журнала «Перевал», в деятельности которого принимали участие А.А. Блок, К.Д. Бальмонт, А. Белый, Ф. Сологуб, И.Ф. Анненский, А.М. Ремизов, Б.К. Зайцев, Н.М. Минский, В.Ф. Ходасевич, И.А. и Ю.А. Бунины и др. Боровой был приглашён к сотрудничеству с «анархистским» журналом «Факелы», но участие в деятельности журнала так и не принял, ссылаясь на своё идейное одиночество.

К 1910 г., как писал сам Боровой, «репутация моя как смутьяна, отщепенца, “нежелательного” элемента в университете – была установлена окончательно»¹⁰.

⁴ Боровой А.А. Моя жизнь. Фрагменты воспоминаний // Московский журнал. 2010. № 10. С. 20.

⁵ Рябов П.В. Романтический анархизм Алексея Борового // Историко-философский ежегодник. 2012. № 2011. С. 424–428.

⁶ На данный факт биографии Борового указывает П.И. Талеров (см.: Талеров П.И. О жизни и творчестве Алексея Борового – анархиста-гуманиста // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 3. С. 61).

⁷ Талеров П.И. О жизни и творчестве Алексея Борового – анархиста-гуманиста // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 3. С. 62; Рублев Д.И., Рябов П.В. Алексей Алексеевич Боровой: человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2 (71). С. 223.

⁸ Боровой А.А. Моя жизнь. Фрагменты воспоминаний. С. 28–29.

⁹ Там же. С. 26.

¹⁰ Боровой А.А. Глава XI. «Революция 1905 г. и реакция» / Моя жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 305.

Именно на это время пришлось завершение его работы над магистерской диссертацией «История личной свободы во Франции» (в 2 т.) – плод многолетних трудов и часов, проведённых в Национальной библиотеке Парижа. Описывая атмосферу, царящую в довоенном Московском императорском университете, Боровой замечал:

Давно университет перестал быть «святым местом». Я его таким не знал. Романтически-расслабленное чувство, с которым я перешагнул его порог, было потеряно уже в студенческие годы...¹¹ <...> Бесправие встречало молодого учёного с первых шагов его университетской работы. Его успехи являлись не столько премией его талантов, знаний, сколько наградой за угодливость, дипломатические увёртки, умение ладить со «старшими»¹².

Однако, судя по дальнейшему изложению, в понятие «уменье ладить со “старшими”» входило и банальное соответствие «научной школе», без которого первые шаги в академическом мире обречены на провал.

Даже в вышеприведённой цитате проявляется та черта, которая характеризует Борового как нигилиста, человека, не желающего признавать наличие «общественных устоев», давления общества на индивида, и та позиция, которую сам автор мемуаров именовал «индивидуалистическим анархизмом». Интересно, что при таком мировоззрении анархист-индивидуалист продолжал заниматься вопросами права, признание которого априори подразумевает осознание наличия некоего фактора, ограничивающего извне поведение индивида¹³. Пояснение этому странному сочетанию взглядов даёт исследователями П.В. Рябовым и Д.И. Рублёвым, отметившими, что «...если в своих ранних сочинениях мыслитель – в духе Штирнера – абсолютно противопоставлял личность и общество и считал задачей анархизма полное обособление и самообеспечение личности, то со временем... он скорректировал свою позицию, органично сочетая персонализм и социализм»¹⁴.

Защита магистерской диссертации, первый том которой был опубликован в типографии Императорского Московского университета к моменту представления на юридический факультет в 1910 г., не состоялась. Гибель своей академической карьеры Боровой связывал исключительно со своим «разрывом с “кадетами” – тогдашними хозяевами университета»¹⁵. В понимании Борового политические предпочтения стали водоразделом среди профессоров Московского императорского университета в годы первой русской революции и вообще определяли судьбы многих молодых преподавателей. При этом стоит отметить, что научным руководителем Борового был консерватор И.Т. Тарасов, заведующий кафедрой полицейского права, видевший Борового своим преемником на должности заведующего. Тарасов не воспринимал всерьёз анархистское увлечение «юноши». К представителям консервативного крыла преподавателей, враждебно относившимся к либералам, Боровой испытывал более «тёплые» чувства. В своих мемуарах он упоминает забавную историю, связанную с чтением открытой лекции «Общественные идеалы современного человечества: либерализм, социализм, анархизм». Эту лекцию посетил черносотенец, руководитель Русской монархической партии, А.С. Шмаков, по всей видимости, знавший о положении, которое занимал лектор на юридическом

¹¹ Там же. Л. 232.

¹² Там же. Л. 243.

¹³ См.: Быстров А.С. Проблема правопонимания в учении анархо-гуманизма // Право и современные государства. 2017. № 6. С. 24–31.

¹⁴ Рублёв Д.И., Рябов П.В. Алексей Алексеевич Боровой: человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2 (71). С. 236.

¹⁵ Боровой А.А. Глава XI. «Революция 1905 г. и реакция» / Моя жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 49.

факультете, но спутавший услышанный в названии термин «анархизм» с понятием «монархизм»¹⁶.

Либералам-кадетам в воспоминаниях Борового посвящена целая глава, в которой можно встретить следующую фразу:

Если комплекс чувств – гадливости, презрения, желания борьбы до развенчания, уничтожения именовать ненавистью, я ненавидел русских «либералов», в наиболее яркой форме известных мне в обличи «кадетов». В моих глазах – «кадет» был не только общественным деятелем, членом партии, политическим антагонистом, но своеобразным психическим укладом, системой моральных качеств, характером¹⁷.

К плеяде кадетов Боровой относил следующих профессоров юридического факультета: С.А. Муромцева, Г.Ф. Шершеневича, П.И. Новгородцева, С.А. Котляревского, Ф.Ф. Кокошкина, А.С. Алексеева, В.М. Хвостова, П.А. Минакова, частично Н.А. Каблукова. «Промежуточное положение между кадетской и консервативной группой занимал Евгений Николаевич Трубецкой, с явным перевесом симпатий в сторону первой»¹⁸. Из приват-доцентов либералами, по мнению Борового, были Б.А. и И.А. Кистяковские, Н.В. Давыдов, А.В. Горбунов, А.Э. Вормс, Б.И. Сыромятников, В.А. Савальский, В.М. Устинов, И.А. Ильин, В.А. Краснокутский, П.П. Гензель, Б.П. Вышеславцев.

В 1911 г. в знак протеста против полицейского вмешательства и посягательства на автономию Университета, прецедента, вошедшего в историю как «Дело Кассо», Боровой покидает стены alma mater. В это же время, после выпуска ряда политических брошюр и публичных выступлений, он был задержан, привлечён к суду и освобождён на поруки. В феврале 1911 г. при помощи друзей и жены, добывших поддельный документ, Боровой покидает Россию и направляется в Париж, где меняет ряд «профессий», начиная с гувернёра и заканчивая преподаванием в «Свободной высшей школе общественных наук».

В конце 1913 г. Боровой возвращается в Россию и до 1929 г. преподаёт в ряде учебных заведений, сотрудничает с московскими газетами¹⁹. В период «закручивания гаек» он становится жертвой большевистских репрессий; в одной из ссылок его жизнь обрывается. Свои жизненные перипетии Боровой зафиксировал на страницах мемуаров, которые ещё ждут своего издателя.

Что касается взаимоотношений Борового с Ильиным, то в мемуарах²⁰ мы находим следующее упоминание:

С Иваном Александровичем Ильиным я встретился впервые у моего друга – Булычёва²¹. Но настоящее знакомство началось уже по возвращении моём из заграницы в 1905 г.²² Он тогда кончил университет и получил предложение остаться при кафедре философии права у Новгородцева²³.

¹⁶ Боровой А.А. Глава XI. «Революция 1905 г. и реакция» / Моя жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 49. Л. 26–27.

¹⁷ Там же. Л. 199–200.

¹⁸ Там же. Л. 267.

¹⁹ Подробнее см.: Рублёв Д.И., Рябов П.В. Алексей Алексеевич Боровой: человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2 (71). С. 221–239.

²⁰ В силу того, что фрагменты воспоминаний о И.А. Ильине были уже введены в научный оборот, они будут публиковаться с ссылкой на упоминаемую нами статью П.В. Рябова «Хорошо забытое старое...».

²¹ Булычёв Вячеслав Александрович (1872–1959) – музыкант, дирижёр, в 1897 г. окончил юридический факультет Московского императорского университета. Сосед Борового по отелю во время командировки в Париж в 1903 г.

²² Боровой немного ошибся, упомянутые им события относились к 1906 г.

²³ Рябов П.В. Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ // Вестник культурологии. 2009. № 1 (48). С. 118.

На момент знакомства с Боровым Ильин увлекался как революционными идеями, господствовавшими среди студенческой молодёжи в годы первой русской революции (1905–1907), так и набиравшими популярность идеями анархизма.

В мемуарах под заглавием «Дань прошлому» однокурсник философа М. Вишняк (письма которого к Боровому также хранятся в архиве в РГАЛИ) упоминает об участии Ильина в митинге, организованном Студенческим исполнительным комитетом в конце 1904 г., а также о том, что в 1905 г. передал Ильину свою должность председателя от 4 курса юридического факультета (перед председателем стояла задача поддержки студенческого движения)²⁴. В сентябре прошла цензура работа Ильина «Из русской старины. Бунт Стеньки Разина», которая в 1906 г. вышла в издательстве «Труд и Воля» под псевдонимом Н. Иванов. Там же в 1906 г. вышли брошюры на политические темы: «Что такое политическая партия» и «Свобода собраний». Однако постепенно вовлечённость философа в студенческое движение сходит на нет. В дневнике, который был написан для будущей супруги Н.Н. Вокач, Ильин упоминает о событиях октября 1905 г.:

От 4–5 дня и от 7–9 веч.<ера> был в забаррикадированном университете, но увидев, что самозащита стихийно переходит в попытку произвести вооруженное восстание... я ушёл домой, хотя не без тяжёлых душевных колебаний. Одним из главных факторов состоявшегося ухода была мысль, – что ты сказала бы мне «уйди» и была бы права²⁵.

Неудивительно, что именно в это время было возможно знакомство между приват-доцентом кафедры полицейского права Боровым и магистрантом Ильиным.

Стоит упомянуть также, что, будучи студентом, Ильин увлекался темой фабричного движения, историей русской фабрики, но впоследствии поставил в приоритет историю философии права. Во многом такой переориентации способствовала личность П.И. Новгородцева, которого Боровой не очень-то любил и считал чуть ли не «совратителем юношества» (в философский идеализм), а упоминая о политической ориентации Новгородцева, просто «исходил пеной». Как было отмечено выше, кадетов и всех к ним причастных Боровой не переносил и относил к разряду «классовых врагов», поэтому столь значимы для него были политические предпочтения Ильина, оставленного на кафедре, среди преподавателей которой были практически одни «кадеты». В связи с этим в своих воспоминаниях об Ильине Боровой указывал:

Политические его настроения были мало уловимы. Он не высказывался до конца, любые позиции вызывали в нём лукавую усмешечку. Пародируя Герцена, он вышучивал «Истину» кадетов, обретшую себя в «Думе народного гнева», как будто интересовался партией с.<оциалистов> р.<еволюционеров>, манифестировал большой интерес и симпатии и к «анархизму». Плодом его занятий над последним были – статья о Штирнере, лучшая из имеющихся в русской литературе («Вопросы философии и психологии») и прекрасный перевод «Эльцбахера», вышедший в издании «Логос». Шёл разговор о переводе и «Единственного», но близилось время полного крушения издательства и перевод не состоялся²⁶.

Что касается политической ориентации Ильина, то и тогда, и значительно позже философ никогда не ограничивал себя партийными предпочтениями, не вступал в политические партии, оставляя себе «право на глупость». В 1906 г. совместно с женой Н.Н. Вокач Ильин действительно подготовил перевод книги П. Эльцбахера «Анархизм», предисловие к которому, по рекомендации издателя, должен был

²⁴ См.: Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 92–93, 100–101.

²⁵ Ильин И.А. Запись в дневнике от 20 октября 1905 года // Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М., 1999. С. 19.

²⁶ Рябов П.В. Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ. С. 118.

написать Л.Н. Толстой²⁷, но в итоге книга вышла с предисловием переводчиков. В письме от 2 марта 1907 г. Ильин демонстрирует свою осведомлённость о том, что Боровой собирался написать рецензию на перевод Ильиных для «Русских Ведомостей». В более раннем письме от 24 октября 1906 г. Ильин обращался к Боровому с просьбой не выдавать его В.Н. Пропперу (псевд. О. Виконт), одному из организаторов издательства «Индивид», искавшего переводчика для очередного выпуска книги Штирнера «Единственный и его собственность» на русском языке. Видимо, на тот момент уже имела место договорённость о переводе с издательством «Логос», а в редакцию журнала «Критическое обозрение» была отправлена рецензия на пять вышедших в 1906–1907 гг. переводов книги Штирнера «Единственный и его собственность», в число которых не был включён перевод издательства «Индивид». Впоследствии в 1909 г. в журнале «Юридическая библиография, издаваемая Демидовским Юридическим Лицеом», в разделе «Социология» появится ещё одна рецензия Ильина на книгу Штирнера, опубликованную в переводе Гиммельфана и Гохшиллера в издательской серии «Библиотека “Светоча”», вышедшую в 1907–1908 гг. с комментариями и приложением, в которой философ укажет на повышение уровня перевода по сравнению с тем, «что предложили читателю вместо книги Штирнера книгоиздательства “Мысль”, “Индивид” и “Саблина”»²⁸.

Теория анархизма была интересна молодому Ильину в аспекте соотношения индивидуального и общественного сознания в рамках философии права, столь значимого для разрешения вопроса о принятии в качестве нормы той или иной модели поведения, тех или иных ценностей и целей, но, вероятно, тогда могли иметь место и личные предпочтения. В 1908 г. в журнале «Юридическая библиография, издаваемая Демидовским Юридическим Лицеом» также в разделе «Социология» вышла рецензия на книгу Г. Цокколи «Анархизм». В 1910 г. в журнале «Московский еженедельник» была опубликована статья «Предпосылки анархизма», в которой Ильин вскрывает идеалистическую основу данного политического течения. В 1911 г. в статье «Идея личности в учении Штирнера. Опыт по истории индивидуализма», вышедшей в «Вопросах философии и психологии», философ делает весьма интересный вывод о том, что нигилист Штирнер является не только наследником стагнирующего немецкого идеализма, в частности гегелевского, но и основателем нового морального учения о должностовании «самобытности». Статья представляет собой оформленный текст публичной лекции «Идея личности в учении Штирнера», прочитанной на юридическом факультете, после чего Ильину было присвоено звание приват-доцента. 21 ноября 1909 г. Ильин отправляет Боровому письмо-приглашение на свои пробные лекции (помимо лекции о Штирнере было подготовлено выступление на тему «Вопрос об отношении права и силы как юридическая проблема»), назначенные на 25-е число. Философ начинает письмо со слов: «Мне были бы очень ценны и приятны Ваше присутствие на моих пробных лекциях и Ваш отзыв о них». По всей видимости, такой интерес Ильина к тематике анархизма, а также обращения к Боровому как авторитету по данному вопросу, позволили последнему надеяться на то, что в лице Ильина он найдёт своего сторонника или даже последователя. За период 1906–1907 гг. Боровой получил от Ильина три письма, но можно предположить, что имели место гостевые визиты, личные встречи на философских кружках, концертах, на юридическом факультете и т.д.

В мемуарах Боровой вспоминал следующий эпизод, скорее всего, относящийся к периоду 1907–1910 гг.:

²⁷ Подробнее см.: Лисица Ю.Т. Иван Ильин и Россия: Неопубл. фот. и арх. материалы / Авт. сост. Ю.Т. Лисица. М., 1999. С. 35.

²⁸ Ильин И.А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М., 2001. С. 39.

Кипучие и пёстрые пореволюционные годы мешали нашему сближению. Мы встречались редко. Но я был наслышан о больших успехах Ильина у Новгородцева и кадетской профессуры. Железная Новгородцевская школа сделала своё дело. Молодые философские светила должны были обращаться вокруг солнца. Ильин не избег общей участи. Мудрость учителя стала его мудростью. Вольнодумство, если о нём можно говорить в применении к Ильину, осталось позади. Уверенно он шёл к религиозно-философским вершинам идеализма, в частности московского. По адресу уважаемого Павла Ивановича всё чаще слышались лестные и льстивые характеристики, и случайным наблюдением в профессорской было мне дано познать меру моральной природы Ивана Александровича. В перерыве между лекциями несколько лекторов, в том числе и Новгородцев, сидели за общим столом. Не помню, – о чём был разговор. Вошёл Ильин. Лицо его – при взгляде на Новгородцева – буквально засияло, выразило преданность, восторг, словом, сильнейшее душевное движение. Длинными ногами он пролетел расстояние, отделявшее его от двери до нас и почтительно замер перед Новгородцевым, не обратив на всех остальных ни малейшего внимания. Начальствующих лиц среди нас не было. Новгородцев встал и отошёл с Ильиным. Точно ток пробежал по нас, у многих появилась ехидная усмешечка. О, если бы это «обожание», эта рабская угодливость хоть отвечала действительному чувству Ильина. Но я знал, как относился Ильин, за пределами официальных встреч, к обожаемому учителю, знал из непосредственных бесед с ним. Отношение было вполне корректным... но и вполне холодным. Насмешливый, язвительный ум Ильина художественно вскрывал юмористические моменты в генеральской природе принципала. – Как учёного он сравнивал его лукаво с Бенжаменом Констаном²⁹. Но... *les affaires sont les affaires*³⁰. Этот эпизод, как будто незначительный, запечатлелся прочно в моей памяти. Кому, кому, но не Ильину, мог бы я простить проявление этого душевного неряшества, трусости, угодничества³¹.

То, что Ильин мог язвительно отзываться о ком угодно, в том числе о самом себе, своих ближайших друзьях, отнюдь не означает, что он не испытывал к ним искренних чувств. Наиболее ярко эта черта характера проявилась в переписке Ильина с другом, композитором Н.К. Метнером, которому философ отправлял рукописный журнал под названием «Идиотика-Обормотика»³² с язвительными шутками как о себе, так и о композиторе. Безусловно, делиться своими юмористическими опусами философ мог далеко не со всеми. Если Боровой из личных бесед узнавал об остротах Ильина по поводу Новгородцева, то, значит, всё же их общение было теснее, чем описано выше, а следовательно, имеет место некая пристрастность, ревность к Новгородцеву как идейному «противнику» Борового.

В 1910 г., на который приходятся первые научные публикации Ильина, а также неудавшаяся защита диссертации Борового, писем к последнему не имеется. Последующая корреспонденция датируется 1911–1912 гг. – периодом эмиграции Борового во Францию и научной командировки Ильина в Европу. В конце 1911 – начале 1912 г. в Париже Ильин и Боровой неоднократно встречались, что подтверждается как письмами Ильина, так и мемуарами Борового.

Эмиграция Алексея Алексеевича была связана в первую очередь с административными преследованиями. На фоне университетского скандала в начале 1911 г.,

²⁹ Констан де Ребек Бенжамен Анри (1767–1830) – французский и швейцарский писатель, общественный деятель либерального толка. Сравнение с Новгородцевым, вероятно, проходило по линии поисков «третьего пути» между террором и идеологией реставрации Старого порядка.

³⁰ «Дела есть дела» (фр.) – название одноименной французской пьесы, которую также именуют как «Власть денег, или рабы наживы» (1903) драматурга Октава Мирбо на тему карьеризма, культа денег и прочих пороков общества.

³¹ *Рябов П.В.* Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ. С. 118–119.

³² Подробнее см.: *Ильин И.А.* Собр. соч.: О возрождении и обновлении России. Ч. 1–2. М., 2021. С. 385–419.

вошедшего в историю под названием «Дело Кассо», Боровой, бойкотируя министерские притеснения университетской автономии, покидает стены *alma mater*. Упомянутое посягательство на автономию университета впоследствии привело к тому, что часть либерально настроенных преподавателей подала в отставку, прошения были удовлетворены представителем университетского консервативного крыла, а по совместительству министром народного просвещения Л.А. Кассо. На увольнение среди прочих подал прошение научный руководитель Ильина П.И. Новгородцев.

Ильин, с середины 1910 г. находящийся в Германии, оказался в Париже лишь осенью 1911 г. и пробыл там до начала января 1912 г. В письме к сестре от 14 мая 1911 г. из Гёттингена он писал, упоминая о возможном прекращении командировки раньше нужного ему времени, а также давая оценку происходящему в Московском императорском университете:

А в сентябре – в Париж. Командировка моя кончается в декабре 1912 года³³; подал прошение о продолжении её на ½ года; боюсь не дадут, тогда придётся вернуться по-среди зимы, взять лекции и провести полугодие на бивуаках, ибо квартиры не найдёшь в январе. Было бы очень хорошо получить продолжение; тогда удалось бы проехать в конце апреля прямо в Воропаевку и до осени 1912 года сильно продвинуть диссертацию о Гегеле. Иначе, конечно, всё затормозится. Возвращаться в Москву тягостно из-за университета; могут забить его сволочью; ревизия, назначенная Кассо, – гнусность мелкого злобствующего хама. Хуже всего то, что за 10 лет своего московского профессорства он мог вышпионить какие-нибудь случайные упущения, – и теперь думает предать наших суду. Тягостно!.. Лекции мне обеспечены, во всяком случае, на женских юрид.<ических> курсах. Постараюсь в университете не вести, но могут заставить рано или поздно. Уход всеобщий был, кажется, всё-таки героической ошибкой...³⁴

В воспоминаниях Ильина, а также в его переписке с отцом, кузиной Л.Я. Гуревич встречаются сведения, касающиеся интриги Б.А. Кистяковского, который подготовил в адрес Новгородцева обвинения в партийности и создании «неэтичной атмосферы» на кафедре. К этому также были причастны Б.П. Вышеславцев и Н.Н. Алексеев. В упоминаемый период Кистяковский и Алексеев, как и Ильин, находились в заграничной командировке, но вернулись в Москву раньше. По воспоминаниям философа, его пытались склонить выступить против учителя, но он воздержался³⁵. Причины такого поведения «коллег» Ильин раскрывал в письме к сестре от 31 июля 1911 г.:

Вести из России не радуют. Цинизм последних и готовящихся мероприятий министерства народного просвещения производит впечатление какой-то жажды побить рекорд, выкинуть невиданное даже ещё и в России. И я не только боюсь, но отчасти знаю как факт, что атмосфера, создаваемая этими мерами, – деморализует многих... Горько чувствую отсутствие С.Н. Трубецкого; не знаю, кого бы можно было бы назвать ещё после него. Толстой... он далеко стоял от этих кругов. Тягостно возвращаться в Москву. Я даже не могу представить себе, сколь далеко зашла эта противоестественная дифференциация на «ушедших» и «оставшихся». Знаю только, что появились люди, ругающие ушедших за неэтическую атмосферу, созданную «ушедшими» в университете за то время, пока они были у дел. Как покажется тебе такое суждение: «правые (т.е. ликующие свиньи) профессора Моск.<овского> унив.<ерситета> могут ссылаться в оправдание своего поведения на партийность и недостаточную культурность-этичность левых в бытность их у власти»? Суждение это выдвигается

³³ 1911 года (опечатка).

³⁴ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич от 27/14 мая 1911 // Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 47.

³⁵ См.: Ильин И.А. Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). М., 1999. С. 333–334.

Б. Кистяковским, не могущим простить факультету, что на кафедру государственного права провели не его, а С.А. Котляровского³⁶.

С большой долей вероятности именно об этом игнорировании призывов Кистяковского как о «молчалинстве» шла речь в разговоре с Боровым, о котором последний упоминал отдельно:

Как-то в эмиграции, перебирая с Б.А. Кистяковским наших московских товарищей, я остановился на этом эпизоде (эпизод Ильин – Новгородцев, упомянутый выше) и говорил, что он поразил меня, изменил моё внутреннее отношение к Ильину. Кистяковский заметил, что он ничуть не удивлён, что он сам знает моральные провалы в природе Ильина, его молчалинство³⁷.

Знал ли Боровой об интриге Кистяковского – вопрос, который мы оставим на рассмотрение исследователям жизни и творчества мыслителя, но, скорее всего, Алексей Алексеевич остался непосвящённым. Об отношениях с Кистяковским в мемуарах Борового имеется следующий фрагмент: «Я сошёлся близко с ним в годы эмиграции, когда в течение нескольких месяцев мы работали с ним рядом в Национальной Библиотеке, а потом совершали долгие прогулки по Парижу»³⁸. А также:

Из Парижских связей, наиболее продолжительных и тесных, мне вспоминается приятельство с Богданом Александровичем Кистяковским. Что общего могло быть между нами? Только то, что я ещё недавно принадлежал к университету, в котором продолжал пребывать он. В Москве при редких встречах мы ограничивались рукопожатием... Кистяковский пробыл в Париже девять или десять месяцев, и мы ежедневно встречались с ним – вместе работали, завтракали, обедали, гуляли, встречались с приезжающими³⁹.

Из писем Кистяковского к Боровому можно понять, что в августе Богдан Александрович находился в Берлине, а, следовательно, часть лета провёл в Германии, где он лично встречался с Ильиным⁴⁰ и мог посвятить его в свои планы. Позже из Москвы 3 октября 1911 г. Кистяковский напишет Боровому:

Из университета я не ушёл и взял командировочные деньги (иначе я не мог бы устроить квартиру), но пока никакого отношения к университету не имел. Особых неудобств я пока не испытываю. Впрочем, я ведь перехожу в Ярославль; я избран там доцентом на кафедру Энциклопедии права и Истории философии права и жду, чтобы меня утвердили. Тогда я перейду в разряды гастролирующих профессоров, так как я только что устроил здесь квартиру. В Университете гнусное положение. Учреждение загублено из-за порыва совершенно бессмысленно. Студенты встретили Милюкова и Каблукова овацией, Бобина проводили овацией после первой лекции. Они прониклись тем взглядом [положением], который им внушался, что разгром университета им только полезен, так как ушли профессора, которые предъявляли к ним чересчур высокие требования. В личных отношениях неразбериха. П.И. Новгородцев мне говорил, что Вышеславцев устроился на его курс за его спиной, но он ему не препятствовал; по внешности между ними отношения <разъединения>⁴¹. Н.Н. Алексеев мне говорил,

³⁶ Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 53–54.

³⁷ Рябов П.В. Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ. С. 119.

³⁸ Боровой А.А. Глава XI. «Революция 1905 г. и реакция» / «Моя жизнь» Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 280.

³⁹ См.: Шумихин С.В. Алексей Боровой. Из воспоминаний «Моя жизнь» // Диаспора. 2004. № 6. С. 47, 48.

⁴⁰ В своих воспоминаниях Ильин упоминает, что за время заграничной командировки он встречался с Кистяковским два раза (подробнее см.: Ильин И.А. Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). С. 333).

⁴¹ В данном месте слово написано неразборчиво, указано подходящее по значению.

что Новг.<ородцев> не прав в этом случае, так как инициатива устройства Вышеславцева принадлежит Новгородцеву и только заключительный акт Вышеславцеву. Я перебил дорогу Н.Н. Алексееву, который тоже стремился в Ярославль. Так как Н.Н. Алексеев оказался без заработка, то я отказался от курса государственного права в Коммерческом Институте и теперь мы уже устроим Н.Н. Алексеева в Коммерческий Институт. Против людей, которые почему-либо неприятны, пускают нелепейшие слухи, вроде того, который был пущен об Игоре Александровиче.

Так «Гензель дурак». «И.А. Ильин сошёл с ума». Последнее строго между нами; против этого слуха я энергично боролся. Поводом к нему послужило обстоятельство, что Ильин прислал «неудачный» отчёт о командировке, недостаточно формальный и тупой.

Как видите, всё это не весело. <...>

Встречаетесь ли Вы с И.А. Ильиным? Я поссорился с ним, но питаю к нему прежнюю слабость и верю в него. Поэтому если Вы виделись с ним, то напишите мне о нём. Только на днях я узнал от Василия Бернгардовича, с которым встречался в редакции «Русской Мысли» у Петра Бернгардовича, что Эмилия Васильевна возвратилась в Москву. Постараюсь увидеться или поговорить по телефону⁴².

В воспоминаниях Ильина можно найти указание на то, что весной 1912 г. он получил от Кистьяковского длинное письмо, в котором тот вновь уговаривал его объединиться с Вышеславцевым и Алексеевым, «...устроить фронт против нашего учителя и “оставителя” П.И. Новгородцева и осадить этого последнего, показать ему его невысокое место и сломить его власть. Я тотчас ответил ему иронически-негодующим письмом, обличая его интригу и издеваясь над ней»⁴³.

Но вернёмся к встречам Ильина и Борового в Париже. Боровой оставил следующие воспоминания о данном периоде:

Я был эмигрантом, жил в Париже, он навестил меня. Он был в командировке с женой Н.Н. Вокач, также философом по специальному образованию, верным и деятельным его товарищем в его умственной работе. Я её почти не знал. Она была – маленькая, хрупкая, незаметная женщина. Но он однажды, в минуту откровенности, нарисовал мне идеальный её образ. И то, что я слышал от других, совпадало с его портретом. В эмиграции наши отношения стали теснее. Из разных концов Европы он слал мне ласковые открытки⁴⁴.

Действительно, среди писем к Боровому 1911–1912 гг. присутствуют открытки с парижского Монпарнаса и из Рима, но, безусловно, имели место и личные встречи. Среди адресов Борового в письмах фигурируют отель «Страсбург», в который он переехал после работы гувернёром при русском юноше из Ville-Juif, а также ателье, принадлежавшее художнику А.Г. Якимченко, на улочке Bellony. О последнем месте жительства, отапливаемом при помощи железной печи, Боровой вспоминал:

И не только я скоро привык к моему новому жилью, я страстно полюбил его. На моих друзей оно производило нередко удручающее впечатление. Мне передавали, что Иван Александрович Ильин, побывавший у меня, писал кому-то: «Боровой живёт в ужасной обстановке... в грязном и холодном сарае»⁴⁵.

Встречались Ильин с Боровым также в Национальной Библиотеке Парижа, которую последний именовал «постоянным и обильным резервуаром встреч». Судя по дальнейшим воспоминаниям Борового, отношения их с Ильиным в годы Первой мировой войны практически сошли на нет. Среди корреспонденции от Ильина в архиве Борового имеется записка, которую, скорее всего, можно отнести к маю 1914 г.,

⁴² Письма Кистьяковского Богдана Александровича А.А. Боровому // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 434. Л. 5–6.

⁴³ Ильин И.А. Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). С. 333.

⁴⁴ Рябов П.В. Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ. С. 120.

⁴⁵ Шумихин С.В. Алексей Боровой. Из воспоминаний «Моя жизнь». С. 31.

т.к. именно в этот период Боровой уже был в Москве, а Ильин собирался отправиться в повторную командировку в Европу, достаточно быстро оборвавшуюся. Находясь в Вене, Ильины узнали об объявлении войны и вернулись в Россию. В это непростое время Ильин продолжал преподавательскую деятельность, а также принимал активное участие в лекционном турне по городам России, организованном Е.Н. Трубецким и С.А. Рачинским в пользу раненых и пострадавших от войны. Боровой служил на эвакуационном пункте в Москве, сделав военную «карьеру» – от младшего писаря до зауряд-военного чиновника⁴⁶.

Следующее пересечение судеб Ильина и Борового произошло в первые месяцы после февральской революции. В 1917 г. преподаватели, покинувшие в 1911 г. Московский императорский университет, вернулись в него и, по всей видимости, Боровой не стал исключением. Ильин, как и многие представители интеллигенции, достаточно воодушевленно встретил весть о февральской революции. Однако к лету 1917 г. восторги философа сменились опасениями, а впоследствии антибольшевистской деятельностью (с ноября 1917 г. он вошёл в организационную «пятёрку»⁴⁷, среди членов которой был И.А. Кистяковский, брат Богдана Кистяковского). Подробно о том, чем был занят Боровой в период 1917–1918 гг., пока что известно немного.

Вероятно, кто-то мог дать неверную характеристику Борового Ильину, что и повлияло на изменение его отношения к Боровому. В любом случае, в своих воспоминаниях Боровой следующим образом описывает встречу с Ильиным:

В начале Революции мы встретились. Он мне сказал: «Вы – моральный максималист, вы должны вернуться в университет хотя бы в интересах его морального оздоровления». Эта фраза звенела ещё в моих ушах, когда мне сообщили, что – это было сейчас же за «Октябрём», в начале 1918 г., я был Военным Комиссаром Главного Военно-Санитарного Управления – что Ильин агитирует против меня на факультете, как приспешника «большевиков» и баллотировал против меня. О, низкая, фальшивая душонка. Тем не менее я был избран. Последний раз я его видел на каком-то профессорском заседании. Либеральные профессора хныкали. Ильин патетически иронически говорил о необходимости отпора претензиям большевиков, ибо никаким законодательным актом университет не отчуждён в их пользу. Это было в 1918 г. Они спорили о доме на Моховой, когда рухнула 300-летняя династия, когда самая буржуазия переставала существовать. Как они были противны!⁴⁸

Интересно, что в обозначенный период начала 1918 г. Боровой получил письмо от Б.П. Вышеславцева, завершающееся словами: «Было бы очень приятно Вас видеть... Теперь надо объединиться всеми старыми приятелями»⁴⁹.

В мемуарах Борового также присутствует указание и на последовавшую в 1922 г. высылку Ильина из России. К собственным воспоминаниям он также присовокупляет факт, встретившийся ему в книге, посвященной приходу Гитлера к власти, а именно:

И вдруг, в небольшой и слабой книжке Киша – «Гитлер и другие» (1934) неожиданно наткнулся на справку про Ильина, «белогвардейского профессора», державшего речь на съезде, собранном Папеном ещё в 1930 г. Ильин, якобы, кричал (на совесть Киша): «Большевики вырывают корень, последнюю надежду России. Они ликвидируют

⁴⁶ Категория военнотружущих Российской императорской армии, использовавшаяся для замещения в военное время классных должностей в частях войск, управлениях и заведениях при недостатке соответствующих чиновников Военного ведомства.

⁴⁷ Подробнее см.: *Ильин И.А.* Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). С. 330–331.

⁴⁸ *Рябов П.В.* Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ. С. 120–121.

⁴⁹ Письмо Вышеславцева Бориса Петровича А.А. Боровому от 5 февраля 1918 года // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 1.

куляка» (немецкий выговор). И так – Ильин и Папен! Вот – конец! Конечно, эмиграция – всегда трагедия, особенно нынешняя. Без поворота, без надежд. Но многие умели хранить достоинство в трагедии⁵⁰.

Данный фрагмент воспоминаний достоин более пристального внимания. В предисловии к книге «Гитлер и другие» К.Б. Радек подчёркивает, что работа Г.И. Киша является единственным, но не очень достоверным источником информации, касающейся описания феномена победы национал-социализма. Он пишет: «...она есть только исторический репортаж... Но некоторые дефекты структуры кишевского репортажа не выявляют достаточно ярко роли социал-демократии в подготовке прихода к власти фашистов...»⁵¹. Добавим, что не лишена работа духа «большевистского патриотизма», целью которого является всемирная революция и мировая победа коммунизма. Сам же Боровой подчёркивал, что книжка Киша «слабая».

Полностью фрагмент, о котором упоминает Боровой в книге, выглядит так:

Ещё в 1930 году Папен собрал в «Клубе господ» необычный съезд. За пышным обедом встретились, сверкая лысыми, барон фон-Гайль, старый граф Вестари – бывший вершитель судеб вильгельмовской Германии, генерал фон-Шлейхер и другие генералы и князья.

Представляет князь Левенштейн. Он даёт слово докладчику, который выделяется среди прусских юнкеров во фраках. На нём расейская поддёвка. Он говорит, шевеля седеющей славянской бородой.

Прусские юнкера услышали от белогвардейского профессора Ильина зловещую речь. Они увидели в судьбе русских помещиков призрак своей судьбы. Ильин говорил, как о варварстве, о поместьях, превращённых в совхозы и колхозы.

– Большевики вырывают корень, последнюю надежду России! Они ликвидируют куляка! – кричал профессор, подделываясь под немецкий выговор слова «кулак».

– Барбарай! – кричала публика.

В прениях участвовал епископ Шрейбер и Франц фон-Папен. Они кричали:

– Цивилизационные народы должны протянуть друг другу руки и двинуться крестовым походом на Восток! Мы не можем стесняться средствами, когда речь идёт о спасении культуры!

– Bravo! – кричала публика.

Папен стал душой чёрного интернационала. Он рассылал во все стороны письма и циркуляры. Он особенно нажимал на французских католиков и вёл среди них агитацию за франко-германский военный союз против СССР.

Заняв место канцлера, Папен пошёл по дороге «Клуба господ». Свою частную миссию он сделал государственной. Вот-вот фантазия охваченных страхом перед революцией юнкеров станет реальностью. Франц фон-Папен уничтожит очаг мировой революции⁵².

Стоит отметить, что Ф. фон Папен был ставленником правительства П. фон Гинденбурга, который, как верно подчёркивается даже в этом «памятнике истории», терпеть не мог «превосходного ефрейтора». Впоследствии Папен, относящийся к партии Центра, поддерживаемой католиками и консерваторами, благодаря влиятельному лоббированию К. фон Шлейхера, в 1932 г. был назначен рейхканцлером с целью формирования коалиции в Рейхстаге и, естественно, эту завидную должность он вряд ли бы кому-нибудь уступил добровольно. Смещение политических курсов Гитлера и Папена, которое производит Киш в своей книге, выглядит как нападка на консервативное крыло немецкого зажиточного класса.

⁵⁰ Рябов П.В. Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ. С. 121.

⁵¹ Киш Г.И. Гитлер и другие. М., 1934. С.4.

⁵² Там же. С. 89–90.

В работе Киша упоминается некий «Клуб господ»⁵³, о котором он ранее писал следующее:

В 1924 году лига убийц («Лига борьбы с большевизмом», организованная Вернером фон Альвенслебеном в 1919 г. – А.В.) реорганизовалась в «Клуб господ». Сначала туда входили только прусские помещики, а затем присоединились зубры индустрии. В «Клубе господ» обсуждали политику Брюнинга. Решили, что он мало грабит рабочий класс и мало бьёт его дубинкой. Нужна более твёрдая рука. Виднейший член «Клуба господ» – генерал Шлейхер подложил мину под правительство Брюнинга. Кто же его заменит? Шлейхер решил возвеличить глупого улана Франца фон Папена⁵⁴.

Естественно, после прочтения такого описания у Борового могли появиться соответствующие эмоции и выводы, учитывая, что его позиция относительно большевистского переворота была отлична от позиции Ильина, связавшего себя с Белым движением ещё в России.

В архиве Ильина имеется черновик доклада⁵⁵, прочитанного на заседании «Клуба господ» 14 марта 1930 г. Выступление было посвящено не только экономической составляющей политики большевиков, о чём упоминал Киш в своей книге, но также вопросам нового поколения революционеров, выросших на большевистской идее, подавления частной инициативы во всех сферах жизни общества, насильственного переселения, преследования церкви и веры. В приветственном слове Ильин выражал признательность за то, что судьба его Родины и её беспрецедентной трагедии стала также проблемой, значимой для мировой общественности и вопросом, обсуждаемым в европейских кругах.

Неудивительно, что именно в эту организацию был приглашён для выступления Ильин, по всей видимости, рекомендованный эмигрантскими кругами (вероятно, И.А. Кистяковским, в прошлом связанным с гетманом Скоропадским⁵⁶) Вернеру фон Альвенслебену. О связи Ильина и фон Альвенслебена упоминает И.Р. Петров⁵⁷, ссылающийся на архивный документ, в котором речь идёт о встречах философа и немецкого бизнесмена в доме Скоропадского. В это время под редакцией Ильина была подготовлена книга «Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве»⁵⁸ (1931), обличающая ужасы коммунистического режима в России. В архиве мыслителя сохранилось письмо от В. фон Альвенслебена⁵⁹, в котором тот сообщает, что отправил книгу «Мир перед пропастью» пастору Каасу, члену партии Центра, с целью продемонстрировать угрозы большевизма,

⁵³ На немецком данная организация носила название «Herrenklub» и может быть переведена как «Мужской клуб».

⁵⁴ Киш Г.И. Гитлер и другие. С. 88.

⁵⁵ См.: Ильин И.А. «Einleitender Vortrag zur Sitzung im Herrenklub» (Вступительная речь на заседании в мужском клубе) // НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 329.

⁵⁶ См.: Ильин И.А. Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). С. 333–334.

⁵⁷ Подробнее см.: Петров И.Р. Между антибольшевизмом и Гитлером. Уточняя биографию Ивана Ильина / Радио Свобода* (17 октября 2022) // URL: https://www.academia.edu/104561174/%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D0%BD_Julius_Schweichert_Alfred_Normann *По решению Минюста России включено в реестр иностранных агентов.

⁵⁸ «Welt vor dem Abgrund. Politik, Wirtschaft und Kultur im kommunistischen Staate». Eckart-Verlag, Berlin – Steglitz, 1931; Ильиным были написаны введение и заключение, а также 6 разделов из 30, остальной текст составлен его соавторами по книге, коими являлись проф. Н. фон Арсеньев, д-р Л. Аксёнов, А. фон Бунге, А. Демидов, д-р В. Гефдинг, М. Критский, проф. Н. Кульман, д-р А. Мелких, Б. Никольский, С. фон Ольденбург и проф. Н. Тимашев – половина из которых была также авторами статей для журнала Ильина «Русский Колокол» (подробнее см.: Ильин И.А. Собр. соч. Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве. Ч. 1–2. М., 2001. С. 509–511).

⁵⁹ Письмо Alvensleben, von Ильину И.А. На бланке «Deutsche Bund zum Schutz der abendlandischen Kultur» («Немецкий союз защиты европейской культуры») // НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 315.

риски осуществления которых нависли над Германией, что могло бы спровоцировать внешнеполитические шаги против СССР. Однако сотрудничества с католиками у Ильина не вышло.

Воспоминания Борового «Моя жизнь» содержат достаточно точные исторические сведения, искажённые лишь эмоциями их автора. Хочется верить в то, что в будущем они будут изданы в полном объёме и снабжены хорошим философским комментарием. Отношения молодого Ильина и Борового претерпевали определённую эволюцию, идущую параллельно с формированием собственных взглядов Ильина, его постепенной ориентацией на либеральный консерватизм, погружением в учение православной аскетики как образца истинной духовной жизни⁶⁰. Наиболее тесное взаимодействие мыслителей происходило в годы пребывания Ильина и Борового в Европе; кроме политико-правовой тематики, интереса к творчеству Штирнера, их объединяла любовь к искусству, связь по юридическому факультету Московского императорского университета. Помимо трансформации личных взглядов Ильина, на их отношения с Боровым могли повлиять и коллеги по юридическому факультету, преследующие свои цели путём заговоров и интриг. Годы революции, прошедшие отчётливую границу между желающими социалистической революции и видящими в ней угрозу для России, стали камнем преткновения в дружбе Ильина и Борового и развели их по разные стороны навсегда. К сожалению, письма Борового к Ильину могли быть уничтожены при подготовке последнего к высылке из России, но есть надежда, что они уцелели. Так, например, рукопись раннего реферата Ильина о Фихте каким-то образом оказалась в архиве С.Н. Шиль⁶¹. Возможно, подобная участь могла быть и у иных завершённых материалов, относящихся к московскому периоду жизни Ильина.

Ниже приведены письма И.А. Ильина из архивного фонда А.А. Борового, находящегося в РГАЛИ (Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 1–13). Данная единица хранения насчитывает 13 посланий Ильина к Боровому, номер листа соответствует номеру послания. Последовательность писем изменена согласно восстановленной хронологии событий. В квадратных скобках, предшествующих раскрытию содержания послания, даётся описание его формата: открытка, пневматическая карта, записка. Даты, заключённые в квадратные скобки, соответствуют тому, что было указано на штампе конверта или открытки. Текст, приведённый курсивом, в оригинале имеет авторское нижнее подчёркивание.

⁶⁰ Вакулинская А.И. Разумная вера и верующий разум. Православие и творчество Ивана Ильина // Ортодоксия. 2021. № 4. С. 212–237.

⁶¹ Подробнее см.: Овчинкина И.В. Об одном незаметном акте служения (О сохранении наследия И.А. Ильина в Московском университете в 1920-е годы) // Русский колокол. Журнал волевой идеи. 2013. № 2 (11). С. 119–127.

Приложение

Письма И.А. Ильина к А.А. Боровому¹

(5 октября 1906 – 20 апреля 1912)

1.

[Открытое письмо (изображение Иуды, худ. Шнайдер)]

Москва, [7.10.1906]²
Алексею Алексеевичу
Боровому
Мясницкие ворота
д. Александрова
кв. 12
Здесь

1906.10.5

Дорогой Алексей Алексеевич!

Всё собирался к вам и до сих пор не попал. Много было хлопот с устройством на новой квартире. Будьте добры черкнуть мне по прилагаемому моему, ныне уже постоянному адресу, когда (т.е. в какие дни и часы) Вас удобнее бывает застать дома.

Ваш Иван Ильин

Остоженка (возле Храма Христа) д. страх.<овое> общ.<ество> Якорь
кв. 48

2.

[Открытое письмо]

Москва, [24.10.1906]
Алексею Алексеевичу
Боровому
Мясн.<ицкие> ворота д. Александрова 12
Здесь

1906.10.23

Дорогой Алексей Алексеевич!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой и заранее извиняюсь, что беспокою Вас ею. М.Я.³ говорила мне, что к ней обращался некто Виконт⁴, желающий издать перевод Stirner'a Der Einzige⁵. Он, вероятно, обратился с этим и к Вам (я знаю, что

¹ Письма публикуются из архивного фонда А.А. Борового. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 1–13. Последовательность писем отличается от их нумерации в папке архива, т.к. была изменена в соответствии с хронологией излагаемых событий.

² Даты, указанные в квадратных скобках, воспроизведены по штампу на конверте или открытке.

³ С большой долей вероятности Мария Яковлевна Папер (?–1918) – переводчица, публицист, поэтесса Серебряного века, подруга Марии Цветаевой, издавала работы в издательстве Поплавского, который ранее работал в издательстве «Индивид».

⁴ Виконт О. – псевдоним Венеамина Николаевича Проппера, теоретика русского анархо-индивидуализма, организатора и главного автора издательства «Индивид», действовавшего в Москве с 1906 по 1907 г.

⁵ Имеется ввиду работа М. Штирнера «Единственный и его собственность».

он уже выпустил один перевод отдельными выпусками, но он ищет другой⁶) и я убедительно прошу Вас, если это только мало-мальски возможно, *не называть* *ему* *меня* и *не давать* *обо мне никаких сведений, даже адресных*. Если же он захочет непременно меня видеть, то будьте добры, устройте нам свидание на нейтральной территории, напр.<имер>, если бы можно было у Вас в Ваши приёмные часы... За исполнение этой просьбы был бы Вам очень, очень благодарен.

Сердечно Ваш Иван Ильин

3.

[Лист письма без конверта]

Остоженка,
Близ Хр.<иста> Сп.<асителя> д. Якорь
кв. 48.
1907.3.2

Дорогой Алексей Алексеевич!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. М.Я. Кр.⁷ сказала мне, что Вы согласились написать рецензию для Русских Ведомостей на перевод Эльцбахера в изд.<ательстве> Логоса (перевод жены моей Нат.<алии> Ник.<аевны> Вокач и мой⁸). Очень интересуюсь появлением этой рецензии в возможно непродолжительном времени, убедительно прошу Вас черкнуть мне словечко о том, в каком положении она находится в данное время и отбыла ли уже по назначению. Если она готова, но ещё не отправилась, то может быть Вам было бы удобно, если бы я пришёл за ней? Мы не виделись с Вами чудовищно давно, но, избегая Ваших приёмных часов по всем вероятностям весьма многолюдных, я, к сожалению, не имел другого определённого времени, в которое мог бы Вас застать. Занятость и дальность расстояния довершали дело... Что касается меня, то мы оба бываем всегда дома в среду вечером и были бы очень рады, если бы Вы улучили один вечер и побывали у нас.

Искренно преданный Вам Иван Ильин

4.

[Открытое письмо]

[21.11.09]
Алексею Алексеевичу
Боровому
Б. Пресня д. Катлама
кв. 22
Здесь

1909 ноября 21

Дорогой Алексей Алексеевич!

Мне были бы очень ценны и приятны Ваше присутствие на моих пробных лекциях и Ваш отзыв о них. Они назначены на 25 ноября, среду от 2–4 ч. дня в юридическом

⁶ В 1906 г. в издательстве «Индивид» вышел упомянутый перевод книги М. Штирнера «Единственный и его собственность», сделанный Л.И.Г.М. с предисловием О. Виконта.

⁷ Скорее всего, опечатка в фамилии. См. примеч. 3.

⁸ Перевод Ильиных вышел в издательстве «Логос» в 1906 г.

корпусе. Темы: «Идея личности в учении Штирнера» и «Вопрос об отношении права и силы как юридическая проблема» (методологический этюд).

Искренно Ваш

Иван Ильин

7.

Hotel de Strasbourg⁹
50 rue Richelieu, 5e
Paris 2 октября 1911
Telephone 144-95
ELECTRICITE

[На бланке отеля]

Дорогой Алексей Алексеевич!

Радуюсь, что наконец разыскал Вас. Вот уже скоро 2 недели мы живём совсем рядом и только сегодня мне удалось проникнуть в College¹⁰, где Вы читаете.

Завтра утром зайду к Вам, чтобы застать, хотя бы в постели. Все прочее лично.

Шлю Вам сердечный привет.

Ваш

Иван Ильин

8.

[Открытка]

Mr. A. Borowoi
50. Rue Richelieu
Hotel Strassbourg
Paris
1911. окт. 18/5

Дорогой Алексей Алексеевич!

Очень прошу Вас прийти к нам в эту субботу вечером часам к 8, если Вы свободны. Кроме Вас никого не будет, и мы побеседуем втроем. У меня тут были всё неприятности. Хозяин оказался настоящим проходимцем и первого ноября мы переезжаем на другую фатеру. Нужно было решиться, отыскать и прочее. Всё это утомляет и раздражает. Даже пиджаки не мерил, не до этого было. Побаиваюсь за их участь. Зато в остальном обзаведении всё наладилось и даже успел позаниматься. Очень надеюсь, что Вы соберётесь к нам в субботу; если же Вы случайно заняты – то бросьте открытку: мы свободны и в воскресенье. Если свободны – то не отвечайте. Возможно, что забегу ещё к Вам до того времени. Мы оба шлём Вам привет.

Ваш И.И.

Exp: Mr. Ioan Illyne. 4 rue Tournefort

⁹ Об этом периоде А.А. Боровой упоминал: «Богатый период жизни кончился. Из Ville-Juif я вновь перекочевал в Париж. Но устроился не на любимом левом берегу, а поближе к “Национальной библиотеке” на rue Richelieu в отеле “Страсбург”» (См.: Шумихин С.В. Алексей Боровой. Из воспоминаний «Моя жизнь» // Диаспора. 2004. № 6. С. 28).

¹⁰ В тот период А.А. Боровой по рекомендации М.М. Ковалевского читал лекции по курсу «Des principes fondamentaux du capitalism moderne» (Основные принципы современного капитализма) в Свободной школе социальных наук (College libre des sciences sociales).

6.

[Открытое письмо (изображение Abbaye du MONT SAINT – MICHEL. Le Cachots¹¹)]

Carte Postale

Mr. A. Borowoi
7. Rue Belloni
Atelier 37
Paris

[3 ноября 1911]

Дорогой Алексей Алексеевич!

Сегодня опоздал к Вам в библиотеку на $\frac{1}{4}$ часа и она оказалась заперта. Очень прошу Вас извинить меня за беспокойство, зря причинённое; утешаюсь только тем, что Вы использовали это время лучше, чем это вышло бы с моими примерками. Мы устроились на новой квартире и начали зябнуть. С последней примеркой думаю подождать несколько дней. Но по робости душевной и подлости духовной думаю всё же вымолить у Вас ещё последние $\frac{1}{2}$ часа. До скорого свидания!

Ваш И.И.

Обратите внимание на эту открытку!
Это из Вашей диссертации¹²!

Exp: Joan Illyne. Boul. Montparnasse. 144 bis.

9.

[Открытка]

Mr. A. Borowoi
Rue Belloni 7.
E.V.¹³

Дорогой Алексей Алексеевич!

Только вчера уехали наши друзья¹⁴, и я спешу известить Вас, что мы были бы очень рады, если бы Вы собирались к нам в эту субботу, часам к 8 вечера. Не забудьте, пожалуйста, захватить для меня «ответ критикам»¹⁵, который Вы мне обещали. Мы оба шлём Вам Наш искренний привет. Если придёте, то не отвечайте.

Ваш Ив.<ан> Ильин

Exp: Joan Illyne. 144 bis Bd. du Montparnasse

¹¹ Изображение темницы аббатства Мон-Сен-Мишель (фр.).

¹² Диссертация А.А. Борового, защита которой провалилась, была посвящена теме «История личной свободы во Франции».

¹³ Указаны инициалы Эмилии Васильевны Струве, второй супруги А.А. Борового.

¹⁴ К Ильину из Германии приезжала композитор Ю.Л. Вейсберг со своим мужем, о чём он сообщает в письме к Л.Я. Гуревич от 17 ноября / 1 декабря 1911 года (См.: *Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938)*. М., 1999. С. 58), гости уехали ближе к концу ноября.

¹⁵ Ответ критикам диссертации, отзывы на которую появлялись в различных журналах.

5.

[Carte pneumatique]

M.A. Borowoi
Rue Belloni, 7 Atelier
Paris

Дорогой Алексей Алексеевич!

Хозяйка моя, требуя с меня лишних денег, арестовала Вашу открытку. Платить ей не буду. Пожалуйста, повторите её пневматичной: Boul St. Michel Hotel des Americains Chambre 2, М. Шлыне

Шлю Вам привет и свидетельствую моё почтение Эмилии Васильевне¹⁶.

Ваш Ив. Ильин

1911¹⁷. 2 Janv.<ier> Дни мои заняты, но вечера все свободны...

12.

[визитка из картона, текст для Борового написан карандашом]

Dr. Iwan Iljin
Privatdocent an der Universität Moskau

Вчера вечером мне вдруг «вступила в голову» та бесцеремонность, с которой я до сих пор задерживаю билет в салон, данный мне Вами. Ведь он мог бы быть ещё многократно использован Вами, а я не знаю, соберусь ли я пойти ещё раз. Посему прибежал к Вам, чтобы отдать его. Не достучался; было 9.20 утра. Пошлю или принесу его сегодня же. Открытку Вашу получил.

Ваш И.И.

11.

[маленькая записка на клетчатом листке, написана карандашом]

Заходил проститься очень жалея, что не удалось. Спасибо Вам за много.
Вопросы Фил<ософии> вышлите в Берлин
бандеролью: Dr. Iwan Iljin.
Dernburg Platz. I bei Frau Kzeutzer
Berlin-Charlottenburg. Только не откладывайте.
Если понадоблюсь, вспомните меня: Ваш И.И.

¹⁶ На тот момент Эмилия Васильевна приехала, чтобы навестить мужа.

¹⁷ Рукой Ильина указан 1911 г., однако судя по штемпелю на карточке, письмо было отправлено 2 января 1912 г.

10.

[Открытка из Рима (изображение Veduta della Cita dalla cupola di S. Pietro¹⁸)]

Mr. A. Borowoi
Rue Belloni 7.
Francia Paris.
[20.IV.1912]

Рим 1912 17/4 апреля

Дорогой Алексей Алексеевич!

Шлю вам привет из Италии... Как видите, это путешествие состоялось. После трёхмесячной неопределённости министерство известило меня, что командировка продолжена на ½ года и назначено 500 р. «пособия»¹⁹. Этому «пособию» я был конечно рад, как унтер-офицерская «вдова», но сам себя всё же не высек. – Тысячелетняя сложность и дряхлость Рима в целом *не* эстетична и действует даже несколько угнетающе. Да и восприятие его идёт по необходимости начерно. Недели через две вернёмся в Россию²⁰, через Флоренцию и Вену. Лето проведу в полной тишине, над диссертацией. – Как Вы поживаете? Пожалуйста, ответьте мне о себе не открыткой, а *письмом*; очень хочется узнать о вас обстоятельнее. Нет ли поручений в Москве?

Адрес мой: Firenze. Via Cavour. 79. Pensione Wiskowatof.

Нат.<алия> Ник.<олаевна> шлёт Вам привет

Ваш Ив.<ан> Ильин

13.

[записка на бумаге в клетку чернилами²¹]

Дорогой Алексей Алексеевич!

Я проездом в Москве до четверга. Очень хотел бы повидаться с Вами. Не смущайтесь тем, что обстановка будет неустроенная и уделите мне полчаса.

Ваш Иван Ильин

Вызовите меня по телефону III.92

Я сегодня там от 3–6, завтра от

9–12 утра

¹⁸ Вид на город, купол собора Св. Петра (ит.).

¹⁹ И.А. Ильин подавал прошение на юридический факультет о продлении научной командировки на полгода; опасаясь отказа, он предпринял попытки обеспечить себе доход написанием рецензий и статей для «Русской мысли», «Вопросов философии и психологии» (Подробнее см.: *Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы. (1903–1938). С. 47, 56, 59–60.*)

²⁰ В мае 1912 г. Ильины вернулись в Москву.

²¹ Вероятнее всего, записка относится к 1914 г., когда Боровой уже вернулся в Москву, а Ильин собирался отправиться в повторную командировку в Европу. Но с такой же долей вероятности данная записка могла быть написана перед первой командировкой летом 1910 г.

Список литературы

- Боровой А.А. Моя жизнь. Фрагменты воспоминаний // Московский журнал. 2010. № 10. С. 20–40.
- Быстров А.С. Проблема правопонимания в учении анархо-гуманизма // Право и современные государства. 2017. № 6. С. 24–31.
- Вакулинская А.И. Разумная вера и верующий разум. Православие и творчество Ивана Ильина // Ортодоксия. 2021. № 4. С. 212–237.
- Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. А.П. Чехова, 1954. 409 с.
- Евлампиев И.И. История одного скандала (И.А. Ильин – А. Белый – Э.К. Метнер) // Ступени: философский журнал. 1997. № 10. С. 143–147.
- Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М.: Русская книга, 1999. 606 с.
- Ильин И.А. Собр. соч. Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве. Ч. 1–2. М.: Русская книга, 2001. 528 с.
- Ильин И.А. Собр. соч.: О возрождении и обновлении России. Ч. 1–2. М.: Институт Наследия, 2021. 730 с.
- Ильин И.А. Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). М.: Русская книга, 1999. 507 с.
- Ильин И.А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М.: Русская книга, 2001. 560 с.
- Киш Г.И. Гитлер и другие. М.: ОГИЗ. Молодая гвардия, 1934. 245 с.
- Лисица Ю.Т. Иван Ильин и Россия: Неопубл. фот. и арх. материалы. М.: Русская книга, 1999. 189 с.
- НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 329. Л. 1–10.
- НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 315. Л. 1.
- Овчинкина И.В. Об одном незаметном акте служения (О сохранении наследия И.А. Ильина в Московском университете в 1920-е годы) // Русский колокол. Журнал волевой идеи. 2013. № 2 (11). С. 119–127.
- Петров И.Р. Между антибольшевизмом и Гитлером. Уточняя биографию Ивана Ильина / Радио Свобода* (17 октября 2022) // URL: https://www.academia.edu/104561174/%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D0%BD_Julius_Schweichert_Alfred_Normann
- РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 26–27, 49, 199–200, 251, 257, 305.
- РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 1.
- РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 1–13.
- РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 434. Л. 5–6.
- Рублев Д.И., Рябов П.В. Алексей Алексеевич Боровой: человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2 (71). С. 221–239.
- Рябов П.В. Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ // Вестник культурологии. 2009. № 1 (48). С. 112–126.
- Талеров П.И. О жизни и творчестве Алексея Борового – анархиста-гуманиста // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 3. С. 61–63.
- Шумихин С.В. Алексей Боровой. Из воспоминаний «Моя жизнь» // Диаспора. 2004. № 6. С. 7–85.

Ivan Il'in and Aleksei Borovoi: the Story of One Friendship

Alexandra I. Vakulinskaya – Candidate of Sciences in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: sashavakulinskaya@gmail.com

The publication is devoted to the reconstruction of the relations that established between the philosopher, sociologist, anarchist A.A. Borovoi and the young philosopher I.A. Il'in. The ideological

* По решению Минюста России включено в реестр иностранных агентов.

and political position held by A.A. Borovoi as a Private Associate Professor of the Faculty of Law of the Moscow Imperial University is reconstructed, as well as his attitude to other colleagues, in particular to P.I. Novgorodtsev, B.A. Kistyakovskiy. The evolution of the views of the young Ilyin, who initially sympathized with radical political trends and the anarchist movement, and then switched to the positions of liberal conservatism, is demonstrated. Based on memoirs, letters stored in the archives of A.A. Borovoi in RSALA (Russian State Archive of Literature and Art), memoirs and letters of I.A. Il'in, as well as studies dedicated to Borovoi and Ilyin, the period of meetings of thinkers in Paris in 1911–1912 is reproduced in more detail. The details of the changes that occurred at the Faculty of Law of the Moscow Imperial University in connection with the “Casso Case”, which had a different impact on the fate of thinkers, are revealed. The relationship between Borovoi and Il'in with B.A. Kistyakovskiy, who was also in Europe in 1911, is mentioned. An assumption is made about the reasons for the cessation of communication between I.A. Il'in and A.A. Borovoi during the World War I, which could be associated both with the ideological differences between the philosophers and the activities to which each of them devoted himself during these years. The meeting between Borovoi and Il'in after the February revolution could have given rise to a resumption of communication, but the difference in assessment of the October revolution (imaginary or real) became a stumbling block. Based on the fragment mentioned by Borovoi from the book by G.I. Kish “Hitler and others” and the archive of I.A. Il'in there is reproduced an episode of the thinker's speech at a meeting of the “Men's Club” in March 1930. The article recreates the history of relations between I.A. Il'in and representatives of the conservative wing of German entrepreneurs and the failed cooperation with the centrist party represented by German Catholics.

Keywords: Faculty of Law of the Moscow Imperial University, “Casso Case”, anarchism, A.A. Borovoi, I.A. Il'in

For citation: Vakulinskaya, A.I. Ivan Il'in i Aleksei Borovoi: istoriya odnoi družby [Ivan Il'in and Aleksei Borovoi: the Story of One Friendship], *Otechestvennaya filosofiya [National Philosophy]*, 2024, Vol. 2, No. 1, pp. 54–77. (In Russian)

References

Borovoi, A.A. Moya zhizn'. Fragmenty vospominanii [My Life. Fragments of Memories], *Moskovskii zhurnal*, 2010, No. 10, pp. 20–40. (In Russian)

Bystrov, A.S. Problema pravoponimaniya v uchenii anarkho-gumanizma [The Problem of Legal Understanding on Doctrine of Anarcho-humanism], *Pravo i sovremennye gosudarstva*, 2017, No. 6, pp. 24–31. (In Russian)

Vakulinskaya, A.I. Razumnaya vera i verujushhii razum. Pravoslavie i tvorchestvo I.A. Il'ina [The Deliberate Belief and the Believing Mind. Orthodoxy and Work of I.A. Il'in], *Ortodoksiya*, 2021, No. 4, pp. 212–237. (In Russian)

Vishnyak, M.V. *Dan' proshlomu* [Tribute to the Past]. New York: publ. imeni A.P. Chekhova, 1954. 409 p. (In Russian)

Evlampiev, I.I. Istoriya odnogo skandala (I.A. Il'in – A. Belyi – E.K. Metner) [The Story of the One Scandal (I.A. Il'in – A. Belyi – E.K. Metner)], *Stupeni: filosofskii zhurnal*, 1997, No. 10, pp. 143–147. (In Russian)

Il'in, I.A. Dnevnik. Pis'ma. Dokumenty (1903–1938) [Diary. Letters. Documents (1903–1938)], in: Il'in I.A. *Sochineniya v 10 t.* [Works in 10 vols.]. Moscow: Russkaya kniga Publ., 1999. 606 p. (In Russian)

Il'in, I.A. Mir pered propast'yu. Politika, khozyaistvo i kul'tura v kommunisticheskom gosudarstve [The World in Front of the Abyss. Policy, Economy and Culture of Communistic State]. Part 1–2, in: Il'in I.A. *Sochineniya v 10 t.* [Works in 10 vols.]. Moscow: Russkaya kniga Publ., 2001. 528 p. (In Russian)

Il'in, I.A. *O vozrozhdenii i obnovlenii Rossii* [About the Revival and Renewal of Russia]. Part 1–2. Moscow: Institut naslediya Publ., 2021. 730 p. (In Russian)

Il'in, I.A. Pis'ma. Memuary (1939–1954) [Letters. Memories (1939–1954)], in: Il'in I.A. *Sochineniya v 10 t.* [Works in 10 vols.]. Moscow: Russkaya kniga Publ., 1999. 507 p. (In Russian)

Il'in, I.A. Stat'i. Lektsii. Vystupleniya. Retsenzii (1906–1954) [Articles. Lectures. Speeches. Reviews (1906–1954)], in: Il'in I.A. *Sochineniya v 10 t.* [Works in 10 vols.]. Moscow: Russkaya kniga Publ., 2001. 560 p. (In Russian)

Kish, G.I. *Gitler i drugie* [Hitler and Others]. Moscow: OGIZ. Molodaya gvardiya Publ., 1934. 245 p. (In Russian)

Lisitsa, Yu.T. *Ivan Il'in i Rossiya: Neopublikovannye fotografii i arkhivnye materialy* [Ivan Il'in and Russia: Unpublished Photographs and Archival Materials], Moscow: Russkaya kniga Publ., 1999. 189 p. (In Russian)

SB MSU, DRBM, fund 47, inventory 1, storage unit 329, sheets 1–10.

SB MSU, DRBM, fund 47, inventory 5, storage unit 315, sheet 1.

Ovchinkina, I.V. Ob odnom nezametnom akte sluzheniya (O sokhraneni naslediya I.A. Il'ina v Moskovskom universitete v 1920-e gody) [About One Subtle Act of Service (About Preserving Heritage of I.A. Il'in in Moscow University in 1920-s)], *Russkii kolokol*, 2013, No. 2, pp. 119–127. (In Russian)

Petrov, I.R. *Mezhd u antibol'shevizmom i Gitlerom. Utochnyaya biografiyu Ivana Il'ina* [Between Anti-Bolshevism and Hitler. Specifying in the Biography of Ivan Il'in], Radio Svoboda* (October, 17, 2022) // URL: https://www.academia.edu/104561174/%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D0%BD_Julius_Schweichert_Alfred_Normann (In Russian)

RSALA, fund 1023, inventory 1, storage unit 168, sheets 26–27, 49, 199–200, 251, 257, 305.

RSALA, fund 1023, inventory 1, storage unit 325, sheet 1.

RSALA, fund 1023, inventory 1, storage unit 409, sheets 1–13.

RSALA, fund 1023, inventory 1, storage unit 434, sheet 5–6.

Rublev, D.I., Ryabov, P.V. Aleksei Alekseevich Borovoi: chelovek, myslitel', anarchist [Aleksei Alekseevich Borovoi: Human, Thinker, Anarchist], *Rossiya i sovremenniy mir*, 2011, No. 2, pp. 221–239. (In Russian)

Ryabov, P.V. Khorosho zabytoe staroe: obzor arkhivnogo fonda A.A. Borovogo v RGALI [Well Forgotten Old: Review of the Archival Fund of A.A. Borovoi in RSALA], *Vestnik kul'turologii*, 2009, No. 1, pp. 112–126. (In Russian)

Talero, P.I. O zhizni i tvorchestve Aleksey Borovogo – anarkhista-gumanista [About Life and Creative Heritage of Aleksei Borovoi – Anarchist-Humanist], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 12, Politicheskie nauki*, 2008, No. 3, pp. 61–63. (In Russian)

Shumikhin, S.V. Aleksei Borovoi. Iz vospominanii “Moya zhizn'” [Aleksei Borovoi. From Memoires “My life”], *Diaspora*, 2004, No. 6, pp. 7–85. (In Russian)

* По решению Минюста России включено в реестр иностранных агентов.

М.Г. Талалай, В.В. Янцен

Письмо Д.И. Чижевского Л.Я. Ганчикову (1953)

Оторвавшись от работы для писания писем,
не очень легко собираю свои «автобиографические» мысли.

Талалай Михаил Григорьевич – кандидат исторических наук, независимый исследователь. Италия, Милан, via Modestino 1, 20144 Milano; e-mail: talalaym@mail.ru

Янцен Владимир Владимирович – кандидат философских наук, независимый исследователь. Германия, г. Галле на Заале. Silbertalerstrasse 12, D-06132 Halle (Saale); e-mail: dr.janzen@mail.ru

Публикуется письмо философа Д.И. Чижевского (1894–1977), жившего в Германии, к его коллеге и соотечественнику профессору Л.Я. Ганчикову (1893–1968), жившему в Италии и работавшему над историей русской религиозной мысли. В нём Чижевский, по всей видимости, отвечая на вопросы адресата, излагает, по сути дела, свой научный curriculum vitae, с краткой биографией и перечнем главных публикаций. Письмо представляет собой автоинтерпретацию творческого наследия Д.И. Чижевского, в которой мыслитель определяет свой главный интерес как попытку обосновать некоторые вопросы логики и этики путём разграничения тех сфер, в которых приложимы различные типы логических категорий, а также указывает на наиболее близких ему философов – Э. Гуссерля, Г.В.Ф. Гегеля, С.Л. Франка, Н.О. Лосского. Публикация письма сопровождается основательным академическим комментарием, вписывающим приведённые в нём сведения в контекст жизни и творческого пути Д.И. Чижевского.

Ключевые слова: эпистолярный, Д.И. Чижевский, Л.Я. Ганчиков, Ф.М. Достоевский, Г.В.Ф. Гегель, М. Хайдеггер, Э. Гуссерль, Н. Гоголь, логика, этика, славистика

Для цитирования: Талалай М.Г., Янцен В.В. Письмо Д.И. Чижевского Л.Я. Ганчикову (1953) // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 1. С. 78–92.

В творчестве философа, слависта и историка религиозных учений Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977) биографический жанр занимает одно из самых важных мест. Почти все его труды содержат автобиографические отступления и реминисценции. Но более всего их, конечно, в его переписке, до недавнего времени, к сожалению, остававшейся неизученной и неопубликованной. Лишь за последние три десятилетия этот существенный пробел чижевсковедения был несколько

преодолен усилиями исследователей разных стран. Активный поиск новых архивных и эпистолярных источников продолжается. Ведь без анализа запечатлённых зачастую только в переписке и в архивных набросках планов и замыслов учёного мы можем оказаться не в состоянии нарисовать более или менее полную картину развития его творчества, понять его как целое. При этом необходимо заняться исследованием не только его реализованных (скажем, в виде книг или статей), но и нереализованных или лишь отчасти осуществлённых замыслов (о которых известны хотя бы заглавие, план, реферат, тезисы содержания). Текстологически и герменевтически тема нереализованных замыслов гораздо лучше разработана историками и литературоведами, чем философами. То же самое можно сказать и о методе «персональных параллелей», или «личных аналогий», которым обычно осуществляется сравнение, анализ влияний и заимствований, сходств и различий между образами, идеями и учениями разных авторов. И крайне редкой удачей бывает находка источника с автоинтерпретацией собственного творчества.

Именно такую находку мы и представляем читателям. Речь идёт о письме Д.И. Чижевского к Леониду Яковлевичу Ганчикову (1893–1968), сохранившемся среди бумаг, оставшихся у его дочери – филолога и переводчика Анны Леонидовны Ганчиковой, известной в мире итальянской славистики как «Анюта». Её домашний архив имеет много пластов: в первую очередь это научные материалы профессора Л.Я. Ганчикова, затем – эпистолярный (очевидно, неполный, так как писем сохранилось немного¹) и разного рода личные и семейные документы.

Ганчиков родился в Твери в 1893 г., получать высшее образование отправился в Петербург, где поступил на исторический факультет университета. В Первую мировую ушёл на фронт, после его развала вернулся в Петроград. Отец семейства решил тогда переждать смуту в спокойном месте и увёз семью на Кавказ. Однако и там Ганчиковых застигла Гражданская война: в их город пришли белые и рекрутировали, угрожая расправой, Леонида в свою армию, которую называли «Добровольческой». После краха белого движения он оказался в Турции, в лагере в местечке Галлиполи, затем – во Франции. Леонид мечтал продолжить университетское образование, и почти чудом ему удалось это сделать – в Милане, в Католическом университете, причём для него, православного, сделали исключение, так как многие итальянцы приняли тогда близко к сердцу революционную трагедию в России. Свою дипломную работу он посвятил Владимиру Соловьёву, о котором много писал и позднее².

Став квалифицированным филологом, Ганчиков мечтал вернуться на Родину и поставить свои знания на службу отчизне. Этого не произошло. И тогда всю свою любовь к отечественной культуре и приобретённые знания он постарался отдать итальянцам, и не только студентам (в 1948 г. он возглавил вновь созданную кафедру славистики в Пизанском университете). Так, в 1950–1960 гг. он курировал издания переводов русских классиков – Гоголя, Толстого, Достоевского, Гончарова. На радио Ганчиков прочитал цикл передач о духовных традициях в русской литературе и затем издал сборник этих интересных текстов под названием “*Orientamenti dello spirito russo*”³.

¹ Особую ценность имеет его переписка с Вячеславом Ивановым; см.: Переписка В.И. Иванова и Л.Я. Ганчикова / Публ. С. Гардзонио // Русско-итальянский архив. Х. Салерно, 2015. С. 113–134.

² Ганчикова А.Л. Леонид Ганчиков – исследователь и распространитель философии Вл. Соловьёва в Италии в первой половине XX века // Владимир Соловьёв и культура Серебряного века. М., 2005. С. 402–406.

³ Gancikov L. *Orientamenti dello spirito russo*. Torino: Edizioni Radio Italiana, 1958. М. Талалай подготовил сборник Ганчикова для русской публикации под названием «О путях русского духа» (М.: Индрик, 2019) на основе его итальянской книги, с добавлением переводов других статей. В наш сборник вошёл также биографический очерк Анны Леонидовны о её отце, который на итальянском языке

Видимо, для какой-то из своих передач на итальянском радио или печатных изданий Ганчиков обратился к Чижевскому с письменной просьбой о краткой творческой автобиографии Чижевского-философа. Поскольку адресат находился в это время в отпуске и ему пришлось составлять свою био-библиографию по памяти, в ответ невольно закрались немногочисленные ошибки (память у Чижевского была всё же поистине феноменальной). Лично корреспонденты друг с другом знакомы не были, и, очевидно, какого-либо продолжения эта переписка не получила. Но всё же из сборника Ганчикова «О путях русского духа» видно, что с работами Чижевского о Гоголе и Достоевском он был знаком и сумел точно уловить основную интуицию о связи этики и онтологии в незавершённой философской системе Чижевского⁴.

Д.И. Чижевский является автором более тридцати статей о Достоевском. Замысел учёного написать специальную монографию о Достоевском остался нереализованным. Тем не менее его статьи – «К проблеме двойника (Из книги о формализме в этике)», «Достоевский-психолог», «Шиллер и “Братья Карамазовы”», «Достоевский и Просвещение» – вошли в сокровищницу мирового достоевсковедения и постепенно возвращаются на родину учёного. В современных комментариях к переизданиям ранних работ Чижевского о Достоевском, как кажется, недостаточно учитывается или совершенно игнорируется тот факт, что написаны они не литературоведом и славистом (каковым Чижевский стал только в начале 30-х гг. прошлого столетия), а философом – учеником Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и Р. Кронера. Более того – указанные статьи о Достоевском имеют непосредственное или косвенное отношение к утраченной философской магистерской диссертации Чижевского. Во время работы над этими статьями Чижевский под научным руководством С.Л. Франка писал свою магистерскую диссертацию «О формализме в этике», в которой, перерабатывая традиции немецкой и русской этической мысли, намеревался изложить собственную философскую систему, завершавшуюся анализом этических категорий в произведениях Достоевского. В этой системе предполагался синтез теоретико-познавательных, онтологических и этических проблем, который Чижевским был отмечен и в произведениях Достоевского. Не случайно статья Чижевского «К проблеме двойника» имела подзаголовок «Из книги о формализме в этике», т.е. из книги по материалам его философской магистерской диссертации (в немецкой версии статья имела ещё более прозрачный подзаголовок: «Опыт философской интерпретации»), а в кратком автореферате диссертации «Проблема формальной этики», зачитанном на заседании Русского философского общества в Праге 14 декабря 1927 г., Чижевский упоминает как её часть не только работу о двойнике, но и статью «Шиллер и Достоевский» (название которой впоследствии было изменено на «Шиллер и “Братья Карамазовы”»):

Всякая рационалистическая формальная этика с неизбежностью ведет стоящего на её почве субъекта этического действия к потере чувства ценности индивидуального бытия, да и к потере подлинной онтологической устойчивости самосознания. Отсюда такое замечательное психологическое явление, как образ *двойника*

существует в виде самиздата. Во время работы над сборником нам довелось заниматься в архиве профессора, в доме у Анны Леонидовны, где и было обретено письмо Чижевского, ждавшее «своего часа».

⁴ «Как это часто встречается в русской литературе, проблема человеческого существования ставится в этико-онтологическом плане, т.е. в стремлении достичь наиболее глубокого разъяснения жизни в её существенных структурах и в её истинном предназначении. Гоголь, ещё ранее Достоевского, это отчётливо чувствовал, как и другие, лучшие представители русского реализма (см. об этом: *Чижевский Д.* К проблеме двойника в сборнике под ред. А.Л. Бема, Прага, 1929)». Цит. по: *Ганчиков Л.* О путях русского духа... С. 90.

в литературе XIX века (анализ идеи двойника у Достоевского – в моих статьях «Шиллер и Достоевский» – печатается – и «Проблема двойника у Достоевского» – готовится к печати)⁵.

Освоение личного архива и ранней переписки Д.И. Чижевского позволяет точнее определить как специфику его подхода к творчеству Достоевского, так и философский полемический контекст его ранних статей о Достоевском: в частности, скрытую полемику в этих работах с «Бытием и временем» М. Хайдеггера и «О симпатии» и «Формализмом в этике» М. Шелера. Работа Чижевского «К проблеме двойника» в её немецкой редакции и немецкая статья «Шиллер и “Братья Карамазовы”» имелись в библиотеке Э. Гуссерля и, вероятно, были известны и М. Хайдеггеру. Поэтому интересен тот факт, что в немецкой редакции статьи «К проблеме двойника» сняты все полемические выпады против Хайдеггера, имевшиеся в русском оригинале статьи. Хотя работа над собственной философской системой Чижевским и не была завершена, огромная его заслуга состояла в том, что в своих статьях 20–30-х гг. он сумел вскрыть не лежавшую на поверхности связь между творчеством Достоевского и основными проблемами западноевропейской этической мысли XIX – начала XX в. (Ф. Шиллер, Ф. Ницше, С. Кьеркегор, Э. Гуссерль, М. Шелер, М. Хайдеггер).

Важно также, что в публикуемом письме Д.И. Чижевский прямо указывает на теоретические источники своего творчества: учения Э. Гуссерля, Г.В.Ф. Гегеля, С.Л. Франка и Н.О. Лосского, а также учение об «идеальных типах» М. Вебера и символизм. Заметим, что А.Н. Гиляров, В.В. Зеньковский, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Г. Риккерт и Р. Кронер, будучи формально его учителями, в список учений, к которым он идейно примыкает, не включены.

⁵ См.: Янцен В. Русское философское общество в Праге по материалам архивов Д.И. Чижевского. Приложение: *Чижевский Д.И. Философское общество в Праге [1924–1927]* // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2004–2005 / Под ред. М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. М., 2007. С. 190. Подробнее о магистерской диссертации и достоевсковедческих работах Чижевского см.: Янцен В. *Неизвестный Чижевский: обзор неопубликованных трудов*. СПб., 2008. С. 69–78, 93–95; Магидова М. *Пражские сборники «О Достоевском»* // О Достоевском. Сборник статей под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929/1933/1936. М., 2007. С. 43–46; Магидова М. *Комментарии* // Там же. С. 163–171, 378–386.

HARVARD UNIVERSITY

Slavic Languages
and literatures
Дм. Чижевский

Holyoke 29
Cambridge 38. Massachusetts
5 сент[ября] 1953

Многоуважаемый коллега!

Я слышал о Вас когда-то от одного из парижских коллег (кажется, от покойного Саханева⁶) и очень жалею, что до сих пор никогда не пришлось ни встретиться с Вами[,] ни вступить в обмен работами.

С удовольствием отвечаю на Ваш запрос⁷. Отвечу подробно, ненужное зачеркните!

Я родился в Александрии Херс[онской] губ[ернии] в 1894 г. Учился в Петербурге (1911–3) на математ[ическом] факультете (имею печатные работы по астрономии⁸), Киеве (1913–1918), где и окончил университет (учился у Гилярова⁹ и Зеньковского¹⁰), затем в Гейдельберге (Ясперс¹¹, Риккерт¹², 1921–2) и Фрей-

⁶ Всеволод Васильевич Саханев (1885–1940) – историк, этнограф, археолог, исследователь русской истории XVIII и XIX вв., специалист по истории и искусству Подкарпатской Руси, член Русского заграничного исторического архива и Русского исторического общества в Праге, где сотрудничал и Д.И. Чижевский. Иногда дни их докладов в историческом обществе совпадали: так, 23 мая 1927 г. Чижевский выступил с докладом «Тютчев и немецкая романтика», а затем Саханев с докладом «Академия истории материальной культуры, её организация и труды». См.: Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике / Под общ. ред. Л. Белошевой. Прага, 2000. С. 269.

⁷ К сожалению, письма Л.Я. Ганчикова в личном архиве Д.И. Чижевского в Гейдельберге пока не обнаружены. Но с достаточной степенью вероятности можно предположить, что обращался он к Чижевскому с просьбой предоставить краткую био-библиографическую справку о себе и своём философском творчестве.

⁸ *Чижевский Д.* О наблюдениях переменных звёзд с психологической точки зрения // Известия русского общества любителей мироведения. Декабрь 1912. № 4. С. 10–15. В тех же «Известиях» за 1914 и 1915 гг. были опубликованы ещё три статьи Д.И. Чижевского по астрономии.

⁹ Алексей Никитич Гиляров (1856–1938) – историк западноевропейской философии, специалист по теории философского знания, литературовед, сын Н.П. Гилярова-Платонова. С 1891 г. – профессор философии Киевского университета. Учитель Д.И. Чижевского.

¹⁰ Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962) – философ, богослов, историк и литературовед, учитель Чижевского по философии в Киевском университете, автор краткого биографического очерка о Чижевском, профессор Православного богословского института в Париже (1926–1962), где преподавал историю философии и религии, психологию и апологетику. В 1942 г. принял сан священника под именем о. Василий. Председатель Русского студенческого христианского движения, декан Богословского института (1944–1947, 1949–1962), доктор церковных наук (1948). В гейдельбергском архиве Чижевского сохранилось несколько десятков послевоенных писем В.В. Зеньковского. См.: Письма прот. В.В. Зеньковского к Д.И. Чижевскому (1948–1962) / Предисловие и подготовка текста В.В. Янцена, комментарии В.В. Янцена и О.Т. Ермишина // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына 2012. М., 2012. С. 335–424.

¹¹ Карл Ясперс (Jaspers; 1883–1969) – немецкий философ-экзистенциалист, профессор философии Гейдельбергского университета во время обучения там Д.И. Чижевского в 1921 и 1922 гг., не имевший на последнего значительного идейного влияния.

¹² Генрих Риккерт (Rickert, 1863–1936) – немецкий философ, один из основателей баденской школы неокантианства, профессор философии Гейдельбергского университета во время обучения там Д.И. Чижевского в 1921 и 1922 гг., не оказавший на него значительного идейного влияния.

бурге (Гуссерль¹³, Кронер¹⁴, Гайдеггер¹⁵, 1922–4), имею немецкий докторат философии¹⁶.

Был преподавателем (проф[ессором]) в Праге в Украинском Педаг[огическом] Институт[е]¹⁷ и Укр[аинском] Университете¹⁸ (1924–29), с 1932–49 гг. преподавал

¹³ Эдмунд Гуссерль (Husserl; 1859–1938) – немецкий философ, основатель феноменологического направления в современной философии. С 1922 по 1924 г. Д.И. Чижевский был его учеником во Фрейбург-им-Брейсгау. Перед переездом Чижевского в Прагу Гуссерль снабдил его рекомендательным письмом к ординарису философии Немецкого университета О. Краузу. При устройстве Чижевского в 1932 г. внеплановым лектором русского языка в Галле на Заале Гуссерль, сам прежде преподававший философию в этом городе и сохранивший там ещё широкий круг знакомых, снова написал для него рекомендательное письмо.

¹⁴ Рихард Кронер (Kroner; 1884–1974) – ученик Г. Риккерта, профессор философии во Фрейбургском, Дрезденском, Кильском, Франкфуртском и Берлинском университетах, неогегельянец, в течение многих лет председатель Немецкого Гегелевского союза. После прихода к власти национал-социалистов эмигрировал сначала в Англию, затем в Америку. Был дружен с русскими философами Н.Н. Бубновым, Б.В. Яковенко, С.И. Гессеном и Ф.А. Степуном. Соавтор культурно-критического сборника «О мессии» (1909), соредактор, а затем главный редактор немецкого варианта журнала «Логос». Автор фундаментального труда «От Канта к Гегелю», первый том которого вышел в 1921 г., второй – в 1924 г. Один из преподавателей Чижевского во Фрейбургском университете, инициировавший его диссертацию «Гегель в России» и написавший в юбилейном сборнике к его 70-летию статью «О проблеме сверхисторического»: *Kroner R. (Philadelphia). Zum Problem des Übergeschichtlichen. In: Orbis Scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. Gerhardt D., Weintraub W., zum Winkel H.-J. (Hrsg.). München, 1966. S. 439–443.*

¹⁵ Мартин Хайдеггер (Heidegger; 1889–1976) – ученик Э. Гуссерля, автор классической работы экзистенциалистского направления в немецкой философии «Бытие и время» (1927), лекции которого Чижевский посещал во Фрейбурге в Брейсгау и за трудами которого внимательно следил. В архиве Чижевского в Галле сохранились машинописные тексты лекций Хайдеггера «Феноменологическая интерпретация Аристотеля» (зимний семестр 1921–1922 гг.), «Введение в феноменологическое исследование» (зимний семестр 1923–1924 гг.). См.: Личный фонд Д.И. Чижевского в архиве Галльского университета, ед. хр. 48/1, 2. Кроме того, Чижевский мог быть слушателем его лекций «Феноменологическая интерпретация избранных статей Аристотеля по онтологии и логике» (летний семестр 1922 г.) и «Онтология. Герменевтика фактичности» (летний семестр 1923 г.). В довоенный период Чижевский состоял в переписке с Хайдеггером, который в 1932 г. поздравил его с занятием должности лектора русского языка в Галле.

¹⁶ В немецком докторском дипломе Д.И. Чижевского было записано: «Университет им. Мартина Лютера городов Галле и Виттенберга под ректорством ординарного профессора сельскохозяйственной экономики, доктора естественных наук Эмиля Вёрмана, философский факультет университета им. Мартина Лютера городов Галле и Виттенберга в лице своего декана, ординарного профессора музыковедения доктора философии Макса Шнайдера на основании выдающегося, значительного в историко-философском отношении исследования “Гегель в России” и выдержанного с отличием 5 июля 1933 года экзамена присваивает кандидату Дмитрию Чижевскому из Александрии (Украина) титул доктора философии. Осуществлено в Галле 10 января 1935 года». См.: *Чижевский Д.И. Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977) / Сост., вступ. ст. В. Янцена. Комментар. В. Янцена и др. М., 2007. С. 41.*

¹⁷ Точное название: Украинский высший педагогический институт им. М. Драгоманова в Праге (1923–1933).

¹⁸ Точное название: Украинский свободный университет в Праге (1921–1945).

славистику в Германии (Галле, Йена, Марбург)¹⁹, с осени 1949 г. – в Гарвардском университете²⁰.

Напечатал около 200 статей, и около 350 рецензий и обзоров, 25 книг и брошюр. К философии имеют отношение прежде всего:

1. Известная Вам книга о Гегеле (нем[ецкое] изд[ание] 1934²¹, переработанное русское в 1939 г.²²),
2. ряд работ о Г.С. Сковороде (по[-]русски, немецки и украински; украинская книга: «Філософія Г.С. Сковороди»[.] Варшава, 1934²³),
3. ряд статей о Коменском (по[-]чешски, словацки, немецки, русски и английски, в частности[.] о найденной мною рукописи главного философского сочинения Коменского “De rerum humanarum emendatio[ne] consultatio catholica” и “Lexicon Reale-pan-sophicum”²⁴, около 1666 г., которые, надеюсь[.] удастся издать в оригинальном латинском тексте²⁵,
4. статьи о Гоголе в «Совр[еменных] записках»²⁶, «Новом журнале» (1951)²⁷ и других изданиях, по[-]русски, английски и немецки²⁸.

¹⁹ С летнего семестра 1932 г. по летний семестр 1945 г. Чижевский был внеплановым лектором русского языка в Галльском университете с правом ношения своего пражского профессорского титула и правом руководства подготовкой кандидатских диссертаций его учениками. С зимнего семестра 1934–1935 гг. по летний семестр 1939 г. он по совместительству занимал ту же самую должность при Йенском университете. В Марбургском университете Чижевский стал создателем института славистики, проработав там в различных должностях с зимнего семестра 1945–1946 гг. по летний семестр 1949 г.

²⁰ В Гарвардском университете Чижевский стал одним из создателей кафедры славянских языков и литератур, проработав там в скромной должности гостевого преподавателя с осени 1949 г. по зиму 1955–1956 гг.

²¹ Hegel bei den Slaven. Hrsg. v. D. Čiževskýj. Reichenberg, 1934; darin: D. Čiževskýj: Hegel in Russland. S. 145–396.

²² Чижевский Д.И. Гегель в России. Париж, 1939.

²³ Чижевський Д. Філософія Г.С. Сковороди. Варшава, 1934.

²⁴ «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих» и «Реально-пансофический словарь» (лат.). Эта находка была настоящей сенсацией. Судя по переписке Д.И. Чижевского с Ф. Либом и Д. Манке, а также по его воспоминаниям, в первой половине 1935 г. он обнаружил в Галле, в библиотеке Сиротского приюта имени А.Г. Франке, утерянную более двухсот лет назад рукопись основного философского сочинения Я.А. Коменского “De rerum humanarum emendatione consultatio catholica”, впоследствии получившую название «Пансофия». По договорённости с чешскими комениологами (Ярником, Хендрихом и Климой), он начал готовить рукопись к изданию в журнале «Архив исследования жизни и сочинений Я.А. Коменского» в Праге, но поскольку денег, выделенных на фотографирование рукописи, не хватило, принял решение перепечатать более двух тысяч страниц на машинке – в четырёх экземплярах, на случай если оригинал или какие-то из копий не сохранятся. Этот титанический труд, сопровождавшийся публикациями статей о находке рукописи, о творчестве Коменского и истории его влияния в Германии, Чижевский проделал с 1935 по 1943 г. См.: *Tschizewskij D. Wie ich die Handschriften der Pansophie fand. In: Tschizewskij D. Kleine Schriften II. Bohemica. München, 1972. S. 215–222.* В гейдельбергском архиве Чижевского сохранился оригинал воспоминаний, многими деталями существенно отличающийся от вышедшего в печати текста: Heid. Hs. 3881. В 15.

²⁵ У Д.И. Чижевского была договорённости с редакцией чешского журнала «Архив исследования жизни и сочинений Я.А. Коменского» об издании «Пансофии» Коменского, но из-за закрытия журнала эти планы не осуществились. «Пансофия» вышла только в 1966 г. в Праге без упоминания имени её первооткрывателя.

²⁶ Чижевский Д. О «Шинели» Гоголя // Современные записки. 1938. № 67. С. 172–195.

²⁷ Чижевский Д. Неизвестный Гоголь // Новый журнал. 1951. № 27. С. 126–158.

²⁸ Čiževskýj D. Gogol'-Studien. Zur Komposition von Gogol's "Mantel" // Zeitschrift für slavische Philologie. 1937. Bd. 14. H. 1–2. S. 63–94; Cizevsky D. Gogol': Artist and Thinker // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S. New York, 1952. Vol. 4/2. P. 261–278; *Chizhevsky D. The unknown Gogol' // Slavonic review. 1952. Vol. 30/75. P. 476–493.* Гоголь был любимым писателем Чижевского, но, к сожалению, его книга о Гоголе, над которой он с перерывами работал более сорока лет, принадлежит к незавершённым и лишь отчасти реализованным творческим замыслам. Известен

5. статьи о Достоевском по[-]русски и немецки²⁹.
6. Ряд статей по истории русской религиозной мысли в разных изданиях по[-]немецки (напр[имер,] Wiener Slavistisches Jahrbuch. I-II³⁰).
7. Логика (универс[итетский] курс). По[-]украински в Праге. 1924³¹. 2 сокращённое изд[ание]. Мюнхен. 1949³².
8. Хрестоматия по истории античной философии (Грецька філософія до Платона. Прага. 1926)³³.
9. Філософія на Україні (Історіографія). Прага. 1926³⁴, 2[-]ое издание. Прага. 1929³⁵.
10. Нариси (очерки) історії філософії на Україні. Прага. 1931³⁶.
11. Брошюра «Гегель и Ницше» по[-]немецки. Бонн. 1947³⁷.
12. Стаття Гегель и Ницше (по[-]франц[узски] в “Revue de l’Histoire de la philosophie” 1929³⁸).

Кроме того[.], в работах по истории литературы содержится много материала философского[.], главное [-] книги:

13. Russische Literaturgeschichte im 11[.], 12[.] und 13. Jht. Frankfurt. 1948³⁹.
14. Outline of Comparative slavic literatures. Boston. 1952⁴⁰.
- 15–16. Две книги по истории укр[аинской] барочной литературы. Прага 1940 и 41⁴¹.
17. Phonologie und Psychologie. “Travaux du Cercle linguistique de Prague”. 4 (1929)⁴².

неопубликованный немецкоязычный вариант этой книги, сохранившийся у ученицы Чижевского, кельнской славистки А. Лаухуз; сейчас он находится в библиотеке Дома А.Ф. Лосева в Москве.

- 29 *Чижевский Д.* К проблеме двойника (Из книги о формализме в этике) // О Достоевском. Сб. ст. под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929. С. 9–38. Dostojevskij-Studien. Gesammelt und herausgegeben von D. Čyževskýj. Reichenberg, 1931; *Čyževskýj D.* Zum Doppelgängerproblem bei Dostojevskij. Versuch einer philosophischen Interpretation // Ibid. S. 19–50. Ders. Folkloristisches zu Dostojevskij. S. 113–116.
- 30 *Čyževskýj D.* Anklänge an die Gumpoldlegende des hl. Václav in der altrussischen Legende des hl. Feodosij und das Problem der “Originalität” der slavischen mittelalterlichen Werke. In: Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1950. Bd. 1. S. 71–86; Ders. Studien zur russischen Hagiographie. Die Erzählung vom hl. Isaakij. In: Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1952. Bd. 2. S. 22–49.
- 31 *Чижевський Дм.* ЛЬОГІКА. Конспект лекцій, прочитаних у Вищому Педагогічному Інституті ім. М. Драгоманова у Празі в літньому семестрі 1924 року. Прага, 1924.
- 32 *Чижевський Д.* Логіка. Мюнхен, 1949.
- 33 *Чижевський Д.* Доцент Українського Педагогічного Інституту ім. М. Драгоманова в Празі. Грецька філософія до Плятона. Хрестоматія. Прага, 1926.
- 34 *Чижевський Д.* Доцент Українського Педагогічного Інституту у Празі. Філософія на Україні. (Спроба історіографії). Прага, 1926.
- 35 *Чижевський Д.* Проф. Українського Педагог. Інституту в Празі. Філософія на Україні (спроба історіографії). Видання друге, виправлене и доповнене. Частина I. Прага, 1929.
- 36 *Чижевський Д.* Проф. Українського Педагогічного Інституту в Празі. Прив.-доц. Українського Університету в Празі. Нариси з історії філософії на Україні. Прага, 1931.
- 37 В названии брошюры допущена ошибка, в действительности она называлась «Достоевский и Ницше. Учение о вечном возвращении»: *Tschizewskij D.* Dostojewskij und Nietzsche. Die Lehre von der ewigen Wiederkunft. (Kleine Schriften aus der Sammlung “Deus et anima”, 1. Schriftenreihe. Bd. 6). Bonn, 1947.
- 38 *Tschjevsky D.* Hegel et Nietzsche. Revue d’Histoire de la Philosophie. Paris, Juillet-septembre 1929. 3-e Année. Fasc. 3. S. 321–347.
- 39 *Tschizewskij D.* Geschichte der altrussischen Literatur im 11., 12. und 13. Jahrhundert. Kiever Epoche. Frankfurt am Main, 1948.
- 40 *Cizevsky D.* Outline of Comparative Slavic Literatures. Survey of Slavic Civilization. Vol. I. Boston, Mass., 1952.
- 41 На самом деле этой теме было посвящено 3 выпуска книги Д.И. Чижевского: *Чижевський Д.* Український літературний барок. Нариси. Частина перша. Прага, 1941; *Он же.* Український літературний барок. Нариси. Частина друга. Прага, 1941; *Он же.* Український літературний барок. Нариси. Частина третя. Прага, 1944.
- 42 *Čyževskýj D.* Phonologie und Psychologie. In: Travaux du Cercle Linguistique de Prague. Prag, 1931. Bd. 4, S. 3–21.

Это главное. Были ещё статьи по истории чешской и словацкой и польской философии. Да, забыл ещё книгу:

18. Философия жизни Людовита Штура (L. Štúr. † 1856) по[-]словацки, Братислава. 1941⁴⁵.

В прошлом году я выпустил свою библиографию (сокращённую)⁴⁴, которую, если напомните (я сейчас в деревне), я вышлю Вам в октябре из Кембриджа, она, впрочем[,] продана, но[,] м. б., мне удастся достать экземпляр.

Ещё забыл:
статьи:

19. О формализме в этике. Прага. 1929⁴⁵,

20. Понятие Представитель – понятие – символ. Прага. 1931⁴⁶

(обе в известиях – «Трудах» Народного русского университета в Праге), и статью 21. Платон в древней Руси (вместе с М. Шахматовым) в «Записках Русского исторического общества в Праге», том II. 1930⁴⁷.

Здесь пишу на память.

Философски я примыкаю к Гуссерлю и Гегелю (соединение возможное). Из русских [- к] С. Франку и Лосскому. Мой главный интерес – попытки обосновать некоторые вопросы логики и этики, путём разграничения тех сфер, в которых приложимы различные типы логических категорий (представитель, проблема репрезентации; понятия различного типа; «идеальные типы» – Макс Вебер; символы).

В истории философии меня интересует прежде всего проблема культурно-исторических типов (ей посвящена книга о сравнительной истории литературы, а также брошюра:

⁴⁵ Čiževskij D. Štúrova filozofia života. Kapitola z dejin slovenskéj filozofie. Bratislava, 1941.

⁴⁴ A Bibliography of the Publications of Dr. Dmitry Cizevsky in the Fields of Literature, Language, Philosophy and Culture [Cambridge, Mass.], 1952. Гектографированная библиография избранных печатных трудов Д.И. Чижевского была подготовлена им в 1952 г., во время его работы в Гарвардском университете. Даже в этом сокращённом варианте она насчитывала 291 работу. Составленная, вероятно, по заказу администрации кафедры славянских языков и литератур Гарвардского университета, она выгодно отличается от всех предшествующих и последующих библиографий: во-первых, потому, что Чижевский включил в неё только те работы, которые сам считал наиболее важными в своём творчестве (в ней отсутствуют, например, все ранние естественнонаучные и чисто политические его публикации и переводы), во-вторых, потому, что в ней имеется статистическое приложение именного, предметного и языкового указателей ко всем его публикациям до 1952 г. (из которых становится очевидным, что – по количеству публикаций – история церкви, наряду с философией и славистикой, занимала в его творчестве равно важное место), и, в-третьих, потому, что в ней названы диссертации и публикации всех его учеников до 1952 г.

⁴⁵ Чижевский Д. О формализме в этике (Заметки о современном кризисе этической теории). Русский народный университет в Праге. Научные труды. Прага. Т. I. 1928. С. 195–209.

⁴⁶ В названии статьи допущена ошибка, в действительности она называлась: Доклад Д.И. Чижевского: Представитель, знак, понятие, символ (Из книги о формальной этике) // Отчёт Д.И. Чижевского: Философское Общество в Праге 1927–8. Прага, 1928. С. 20–24.

⁴⁷ Шахматов М.В. Платон в древней Руси // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская, 1930. Кн. 2. С. 49–69; М.В.Ш. Приложение. Заметка о значении политических идей Платона в древней Руси // Там же. С. 69–70; Чижевский Д. Платон в древней Руси // Там же. С. 71–81.

22. Культурно-історичні типи. Мюнхен. 1949; (по[-]українски)⁴⁸.
 23. Кроме того[,] в Мюнхене в 1949 г. я издал «Лекції по історії філософії». I. (антична філософія), по[-]українски⁴⁹.
 24. Ряд статей о влияниях преимущественно немецких на русскую филос[офскую] мысль.

Сейчас кончил историю русской литературы с 11–18 в., которая выйдет по[-]английски⁵⁰. Там также будет много «мировоззрительного» материала.

Простите за бессвязное письмо. Оторвавшись от работы для писания писем, не очень легко собираю свои «автобиографические» мысли.

С искренним уважением и приветом,
 Ваш Дмитрий Чижевский
 (Дмитрий Иванович Чижевский).

Свою библиографию я послал в Италию: 1. Маверу⁵¹, 2. г-же А. Вилла⁵², преподающей русский язык в Милане в университете (адрес: Dr. A. Villa, Via Cola di Reince, 7, Milano).

Простите и за внешний вид письма: с собой имею только дорожные машинки, не очень безупречные. По[-]итальянски я читаю, так что за присылку или рекомендацию⁵³ книг, своих и чужих[,] буду Вам очень признателен.

Список литературы

Ганчикова А.Л. Леонид Ганчиков – исследователь и распространитель философии Вл. Соловьёва в Италии в первой половине XX века // Владимир Соловьёв и культура Серебряного века. М.: Наука, 2005. С. 402–406.

Ганчиков Л.Я. О путях русского духа / Пер. и науч. ред. М.Г. Талалая. М.: Индрик, 2019. 264 с.
 Магидова М. Пражские сборники «О Достоевском» // О Достоевском. Сборник статей под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929 / 1933 / 1936. М., 2007. С. 43–46.

Магидова М. Комментарии // О Достоевском. Сборник статей под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929 / 1933 / 1936. М., 2007. С. 163–171, 378–386.

Письма прот. В.В. Зеньковского к Д.И. Чижевскому (1948–1962) / Предисл. и подгот. текста В.В. Янцена, коммент. В.В. Янцена и О.Т. Ермишина // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына 2012. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2012. С. 335–424.

Переписка В.И. Иванова и Л.Я. Ганчикова / Публ. С. Гардзонио // Русско-итальянский архив, Х. Салерно, 2015. С. 113–134.

⁴⁸ Чижевський Д. Культурно-історичні епохи. Авгсбург, 1948.

⁴⁹ Чижевський Д. Проф. Др. Історія філософії. Частина I. Антична філософія. Лекції читані в Богословсько-Педагогічній Академії УАПЦ в Мюнхені. Мюнхен, 1947.

⁵⁰ History of Russian Literature from the Eleventh Century to the End of the Baroque. By D. Čiževskij (Slavistische Drukken en Herdrukken uitgegeven door C.H. van Schooneveld, Bd. 12). 's-Gravenhage 1960.

⁵¹ Джованни Мавер (Maver, 1891–1970) – итальянский славист и полонист, профессор Падуанского и Римского университетов, почётный доктор Варшавского университета и действительный член Польской Академии наук, основатель журнала славянских исследований “Ricerche Slavistiche” при Римском университете. Д.И. Чижевский состоял с ним в переписке.

⁵² Александра Вилла (урожд. Клинкмюллер; Klinkmuller, Villa; 19??–19??) – итальянская славистка, преподаватель русского языка в Миланском университете «Боккони». Д.И. Чижевский состоял с ней и её мужем в послевоенной переписке, но знакомы они были ещё во время жизни в Праге и в Галле.

⁵³ Слова, подчёркнутые автором письма двойной линией, на полях отмечены получателем письма крестиком: «+».

- Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике / Под общ. ред. Л. Белошевой. Прага, 2000. 368 с.
- Чижевский Д.И. Гегель в России. Париж: Дом книги: Современные записки, 1939. 355 с.
- Чижевский Д.И. Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977) / Сост., вступ. ст. В. Янцена, коммент. В. Янцена и др. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье» – Русский путь, 2007. 848 с.
- Чижевский Д. К проблеме двойника / Под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929.
- Чижевский Д. Неизвестный Гоголь // Новый журнал. 1951. № 27. С. 126–158.
- Чижевский Д. О наблюдениях переменных звёзд с психологической точки зрения // Известия русского общества любителей мироведения. 2012. № 4. С. 10–15.
- Чижевский Д. О формализме в этике (Заметки о современном кризисе этической теории). Русский народный университет в Праге. Научные труды. Прага. Т. I. 1928. С. 195–209.
- Чижевский Д. О «Шинели» Гоголя // Современные записки. 1938. № 67. С. 172–195.
- Чижевский Д. Платон в древней Руси // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская, 1930. С. 71–81.
- Чижевский Д.И. Представитель, знак, понятие, символ (Из книги о формальной этике) // Отчёт Д.И. Чижевского: Философское Общество в Праге 1927–8. Прага, 1928. С. 20–24.
- Чижевський Д. Доцент Українського Педагогічного Інституту ім. М. Драгоманова в Празі. Грецька філософія до Плятона. Хрестоматія. Прага: Сіяч, 1926.
- Чижевський Д. Проф. Др. Історія філософії. Частина I. Антична філософія. Лекції читані в Богословсько-Педагогічній Академії УАПЦ в Мюнхені. Мюнхен: Накладом Т-ва Студентів Богословсько-Педагогічної Академії УАПЦ, 1947.
- Чижевський Д. Культурно-історичні епохи. Авгсбург: УВАН, 1948.
- Чижевський Д. Льогіка. Мюнхен, 1949.
- Чижевський Дм. ЛЬОГІКА. Конспект лекцій, прочитаних у Вищому Педагогічному Інституті ім. М. Драгоманова у Празі в літньому семестрі 1924 року. Прага: Видавниче Товариство «Сіяч» при Українському Педагогічному Інституті ім. М. Драгоманова, 1924.
- Чижевський Д. Проф. Українського Педагогічного Інституту в Празі. Прив.-доц. Українського Університету в Празі. Нариси з історії філософії на Україні. Прага: Український Громадський Видавничий Фонд, 1931.
- Чижевський Д. Філософія Г.С. Сковороди. Варшава, 1934.
- Чижевський Д. Доцент Українського Педагогічного Інституту у Празі. Філософія на Україні. (Спроба історіографії). Прага, 1926.
- Чижевський Д. Проф. Українського Педагог. Інституту в Празі. Філософія на Україні (спроба історіографії). Видання друге, виправлене и доповнене. Частина I. Прага: Сіяч, 1929.
- Чижевський Д. Український літературний барок. Нариси. Частина перша. Прага: Видання Українського Історично-філологічного товариства в Празі, 1941.
- Чижевський Д. Український літературний барок. Нариси. Частина друга. Прага: Видання Українського Історично-філологічного товариства в Празі, 1941.
- Чижевський Д. Український літературний барок. Нариси. Частина третя. Прага: Видання Українського Історично-філологічного товариства в Празі, 1944.
- Шахматов М.В. Платон в древней Руси // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская, 1930. Кн. 2. С. 49–70.
- Янцен В. Русское философское общество в Праге по материалам архивов Д.И. Чижевского. Приложение: Чижевский Д.И. Философское общество в Праге [1924–1927] // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2004–2005 [7]. М., 2007.
- Янцен В. Неизвестный Чижевский: обзор неопубликованных трудов. СПб., 2008. 162 с.
- A Bibliography of the Publication of Dr. Dmitry Cizevsky in the Fields of Literature, Language, Philosophy and Culture. [Cambridge, Mass.], 1952.
- Čyževskýj D. Anklänge an die Gumpoldlegende des hl. Václav in der altrussischen Legende des hl. Feodosij und das Problem der „Originalität“ der slavischen mittelalterlichen Werke. In: Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1950. Bd. 1. S. 71–86; Ders. Studien zur russischen Hagiographie. Die Erzählung vom hl. Isaakij. In: Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1952. Bd. 2. S. 22–49.
- Čyževskýj D. Gogol'-Studien. Zur Komposition von Gogol's "Mantel" // Zeitschrift für slavische Philologie. 1937. Bd. 14. H. 1–2. S. 63–94.
- Cizevsky D. Gogol': Artist and Thinker // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S. New York 1952. Vol. 4/2. P. 261–278.

Cizevsky D. Outline of Comparative Slavic Literatures. Survey of Slavic Civilization, Vol. I. Boston, Mass.: American Academy of Arts and Sciences, 1952. VIII + 143 pp.

Čyževskij D. Phonologie und Psychologie. In: Travaux du Cercle Linguistique de Prague. Prag 1931. Bd. 4. S. 3–21.

Čiževskij D. Štúrova filozofia života. Kapitola z dejin slovenskéj filozofie. Bratislava: SUS, 1941.

Chizhevsky D. The unknown Gogol' // Slavonic review. London 1952. Vol. 30/75. P. 476–493.

Dostojevskij-Studien. Gesammelt und herausgegeben von D. Čyževskýj. Reichenberg: Verlag Gebrüder Stiepel Ges. m. b. H., 1931.

Gancikov L. Orientamenti dello spirito russo. Torino: Edizioni Radio Italiana, 1958.

History of Russian Literature from the Eleventh Century to the End of the Baroque. By D. Čiževskij (Slavistische Drukken en Herdrukken uitgegeven door C.H. van Schooneveld, Bd. 12). 's-Gravenhage, 1960.

Čyževskij D. Hegel in Russland // Hegel bei den Slaven. Hrsg. von D. Čyževskýj. Reichenberg: Verlag Gebrüder Stiepel Ges. m. b. H. 1934. S. 145–396.

Kroner R. Zum Problem des Übergeschichtlichen. In: Orbis Scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. Gerhardt D., Weintraub W., zum Winkel H.-J. (Hrsg.). München: Wilhelm Fink Verlag, 1966. S. 439–443.

Tschizewskij D. Dostojewskij und Nietzsche. Die Lehre von der ewigen Wiederkunft. (Kleine Schriften aus der Sammlung "Deus et anima", 1. Schriftenreihe. Bd. 6). Bonn, 1947.

Tschizewskij D. Geschichte der altrussischen Literatur im 11., 12. und 13. Jahrhundert. Kiever Epoche. Frankfurt am Main: Wittorio Klostermann, 1948. 465 S.

Tschjevsky D. Hegel et Nietzsche. Revue d'Histoire de la Philosophie. Paris, Juillet-septembre 1929. 3-e Année. Fasc. 3. S. 321–347.

Tschizewskij D. Wie ich die Handschriften der Pansophie fand // *Tschizewskij D.* Kleine Schriften II. Bohemica. München, 1972. S. 215–222.

Dmitry Chizhevsky's Letter to Leonid Ganchikov (1953)

Mikhail G. Talalai – Candidate of Sciences in History, independent researcher. Italy, Milan, via Modestino 1, 20144 Milano; e-mail: talalaym@mail.ru

Wladimir W. Janzen – Dr. phil., independent researcher. Germany, Halle an der Saale. Silbertalerstrasse 12, D-06132 Halle (Saale); e-mail: dr.janzen@mail.ru

We publish the letter from the philosopher D.I. Chizhevsky (1894–1977), who lived in Germany, to his colleague and compatriot professor L.Ya. Ganchikov (1893–1968), who lived in Italy and worked on the history of Russian religious thought. Chizhevsky, apparently answering the addressee's questions, essentially sets out his scientific curriculum vitae, with a brief biography and a list of main publications. The letter is an auto-interpretation of the creative heritage of D.I. Chizhevsky, in which the thinker defines his main interest as an attempt to substantiate some issues of logic and ethics by distinguishing those areas in which different types of logical categories are applicable, and also points to the philosophers closest to him – E. Husserl, H.W.F. Hegel, S.L. Frank, N.O. Lossky. The publication of the letter is accompanied by a thorough academic commentary, which fits the information given in it into the context of the life and creative path of D.I. Chizhevsky.

Keywords: epistolary, correspondence, Dmitry Chizhevsky, Leonid Ganchikov, Fyodor Dostoevsky, H.W.F. Hegel, M. Heidegger, E. Husserl, logic, ethics, Slavic studies

For citation: Talalai, M.G., Janzen, W.W. Pis'mo D.I. Chizhevskogo L.Ya. Ganchikovu (1953) [Dmitry Chizhevsky's Letter to Leonid Ganchikov (1953)], *Otechestvennaya filosofiya [National Philosophy]*, 2024, Vol. 1, No. 1, pp. 78–92. (In Russian)

References

- A Bibliography of the Publication of Dr. Dmitry Cizevsky in the Fields of Literature, Language, Philosophy and Culture. [Cambridge, Mass.], 1952.
- Chizhevsky, D. *Filosofiya G.S. Skovorody* [The philosophy of G.S. Skovoroda]. Warsaw, 1934. (In Ukrainian)
- Chizhevsky, D. *Filosofiya na Ukraine (popytka istoriografii)* [Philosophy in Ukraine (an Attempt at Historiography)]. Prague, 1926. (In Ukrainian)
- Chizhevsky, D. *Filosofiya na Ukraine (popytka istoriografii). Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. Chast' I* [Philosophy in Ukraine (an Attempt at Historiography). Second Edition, corrected and expanded. Part I]. Prague, Siyach Publ., 1929. (In Ukrainian)
- Chizhevsky, D. *Gegel' v Rossii* [Hegel in Russia]. Paris: Dom knigi i Sovremennyye zapiski Publ., 1939. 355 p. (In Russian)
- Cizevsky, D. Gogol': Artist and Thinker, in: *The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S.* New York, 1952, Vol. 4/2. P. 261–278.
- Chizhevsky, D. *Grecheskaya filosofiya do Platona. Khrestomatiya* [Greek Philosophy before Plato. Anthology]. Prague: Siyach Publ., 1926. (In Ukrainian)
- Chizhevsky, D. *Izbrannoe: V 3 t. T. 1: Materialy k biografii (1894–1977)* [Collected Works In 3 vols. Vol. 1: Materials for a Biography (1894–1977)]. Moscow: Russkii put' Publ., 2007. 848 p. (In Russian)
- Chizhevsky, D. *Istoriya filosofii. Chast' I. drevnyaya filosofiya. Lektsii chitany v bogoslovsko-pedagogicheskoi akademii UAPT's v Myunkhene* [History of Philosophy. Part I. Ancient Philosophy. Lectures were given at the UAOC Theological and Pedagogical Academy in Munich]. Munich: Publishing House of the Association of Students of the Theological and Pedagogical Academy of the UAOC, 1947. (In Ukrainian)
- Chizhevsky, D. *K probleme dvoynika* [To the Doppelganger Problem]. Prague, 1929. (In Russian)
- Chizhevsky, D. *Kul'turno-istoricheskie epohi* [Cultural-Historical Epochs]. Augsburg: UVAN Publ., 1948. (In Ukrainian)
- Chizhevsky, D. *Logika* [Logic]. Munich, 1949. (In Ukrainian)
- Chizhevsky, D. *Logika. Konspekt lektsii, pročitannykh v vysshem pedagogicheskom institute im. M. Dragomanova v Prage v letnem semestre 1924 goda* [Logic. Summary of Lectures Delivered at the Dragomanov Higher Pedagogical Institute in Prague in the Summer Semester of 1924]. Prague: Siyach Publ., 1924. (In Ukrainian)
- Chizhevsky, D. Neizvestnyi Gogol' [Unknown Gogol], *Novyi zhurnal*, 1951, No. 27, pp. 126–158. (In Russian)
- Chizhevsky, D. O nablyudeniakh peremennykh zvezd s psikhologicheskoi tochki zreniya [Observations of Variable Stars from a Psychological Point of View], *Izvestiya russkogo obshchestva lyubiteli mirovedeniya*, 2012, No. 4, pp. 10–15. (In Russian)
- Chizhevsky, D. *Ocherki po istorii filosofii v Ukraine* [Essays on the History of Philosophy in Ukraine]. Prague: Ukrainian Public Publishing Foundation, 1931. (In Ukrainian)
- Chizhevsky, D. O formalizme v etike. (Zametki o sovremennom krizise eticheskoi teorii) [On Formalism in Ethics. (Notes on the Current Crisis of Ethical Theory)], in: *Russkii narodnyi universitet v Prage. Nauchnye trudy. T. 1*. Prague, 1928, pp. 195–209. (In Russian)
- Chizhevsky, D. O "Shineli" Gogolya [About Gogol's "Overcoat"], *Sovremennyye zapiski*, 1938, No. 67, pp. 172–195. (In Russian)
- Cizevsky, D. *Outline of Comparative Slavic Literatures. Survey of Slavic Civilization*, Vol. I, Boston, Mass.: American Academy of Arts and Sciences, 1952. VIII + 143 p.
- Chizhevsky, D. Platon v drevnei Rusi [Plato in Ancient Russia], *Zapiski Russkogo istoricheskogo obshchestva v Prage*. Prague, 1930, pp. 71–81. (In Russian)
- Chizhevsky, D. Predstavitel', znak, ponyatie, simvol (Iz knigi o formal'noi etike) [Representative, Sign, Concept, Symbol (From the Book on Formal Ethics)], in: D.I. Chizhevsky's Report: *Filosofskoe Obshchestvo v Prage 1927–8* [Philosophical Society in Prague 1927–8]. Prague, 1928, pp. 20–24. (In Russian)
- Chizhevsky, D. The unknown Gogol', in: *Slavonic review*. London, 1952. Vol. 30/75. P. 476–493.
- Chizhevsky, D. *Ukrainskoe literaturnoe barokko. Ocherki. Chast' pervaya* [Ukrainian literary Baroque. Essays. Part One]. Prague, Publ. of the Ukrainian Historical and Philological Society in Prague, 1941. (In Ukrainian)

Chizhevsky, D. *Ukrainskoe literaturnoe barokko. Ocherki. Chast' vtoraya* [Ukrainian literary Baroque. Essays. Part Two]. Prague, Publ. of the Ukrainian Historical and Philological Society in Prague, 1941. (In Ukrainian)

Chizhevsky, D. *Ukrainskoe literaturnoe barokko. Ocherki. Chast' tret'ya* [Ukrainian literary Baroque. Essays. Part Three]. Prague: Publ. of the Ukrainian Historical and Philological Society in Prague, 1944. (In Ukrainian)

Čyževskij, D. Anklänge an die Gumpoldlegende des hl. Václav in der altrussischen Legende des hl. Feodosij und das Problem der „Originalität“ der slavischen mittelalterlichen Werke, in: *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1950. Bd. 1. S. 71–86.

Čyževskij, D. Ders. Studien zur russischen Hagiographie. Die Erzählung vom hl. Isaakij, in: *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1952. Bd. 2. S. 22–49.

Čyževskij, D. Gogol'-Studien. Zur Komposition von Gogol's "Mantel", in: *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1937. Bd. 14. H. 1–2. S. 63–94.

Čyževskij, D. Phonologie und Psychologie, in: *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*. Prague, 1931. Bd. 4. S. 3–21.

Čiževskij, D. *Stúrova filozofia života. Kapitola z dejin slovenskej filozofie*. Bratislava: SUS 1941.

Dostojevskij-Studien. Gesammelt und herausgegeben von D. Čyževskij. Reichenberg: Verlag Gebrüder Stiepel Ges. m. b. H. 1931.

Ganchikova, Anna L. Leonid Ganchikov – issledovatel' i rasprostranitel' filosofii V. Solov'eva v Italii v pervoi polovine KhKh veka [Leonid Ganchikov – Researcher and Propagator of the Philosophy of V. Solov'ev in Italy in the First Half of the Twentieth Century], in: *Vladimir Solov'ev i kul'tura Serebryanogo veka*. Moscow: Nauka Publ., 2005, pp. 402–406.

Ganchikov, Leonid Ya. *O putyakh russkogo dukha* [About the Ways of the Russian Spirit], trans. and ed. by M.G. Talalay. Moscow: Indrik Publ., 2019. 264 p.

Gancikov, L. *Orientamenti dello spirito russo*. Torino: Edizioni Radio Italiana, 1958.

History of Russian Literature from the Eleventh Century to the End of the Baroque. By Dmitrij Čiževskij (Slavistische Drukken en Herdrukken uitgegeven door C.H. van Schooneveld, Bd. 12). 's-Gravenhage, 1960.

Janzen, Vladimir V. Russkoe filosofskoe obshchestvo v Prage po materialam arkhivov D.I. Chizhevskogo [The Russian Philosophical Society in Prague based on the archives of D.I. Chizhevsky]. App.: Chizhevskii D.I. Filosofskoe obshchestvo v Prage (1924–1927) [Philosophical Society in Prague (1924–1927)], *Studies In Russian Intellectual History 2004–2005*. Moscow, 2007. (In Russian)

Janzen, Vladimir V. *Neizvestnyi Chizhevskii: obzor neopublikovannykh trudov* [Unknown Chizhevsky: Review of Unpublished Works]. St. Petersburg, 2008. 162 p. (In Russian)

Čyževskij, D.: Hegel in Russland, in: *Hegel bei den Slaven. Hrsg. v. D. Čyževskij*. Reichenberg: Verlag Gebrüder Stiepel Ges. m. b. H. 1934. S. 145–396.

Khronika kul'turnoi, nauchnoi i obshchestvennoi zhizni russkoi emigratsii v Čechoslovatskoi respublike [Chronicle of the cultural, scientific and social life of Russian emigration in the Czechoslovak Republic], ed. by of L. Beloshevskaya. Prague, 2000. 388 p. (In Russian).

Kroner, R. Zum Problem des Übergeschichtlichen. In: *Orbis Scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. Gerhardt D., Weintraub W., zum Winkel H.-J.* (Hrsg.). München: Wilhelm Fink Verlag 1966. S. 439–443.

Magidova, M. Prazhskie sborniki "O Dostojevskom" [Prague Collections "About Dostoevsky"], in: *"O Dostojevskom" Collection of Articles edited by A.L. Boehm*. Prague, 1929 / 1933 / 1936. Moscow, 2007, pp. 43–46. (In Russian)

Magidova, M. Kommentarii [Commentary], *"O Dostojevskom" Collection of Articles edited by A.L. Boehm*. Prague, 1929 / 1933 / 1936. Moscow, 2007, pp. 163–171, 378–386. (In Russian)

Perepiska V.I. Ivanova i L. Ya. Ganchikova [Correspondence between V.I. Ivanov and L. Ya. Ganchikov], *Russko-ital'yanskii arkhiv*, Solemo, 2015, pp. 113–134. (In Russian).

Pis'ma prot. V.V. Zen'kovskogo k D.I. Chizhevskomu (1948–1962). [Letters of Archpriest V.V. Zenkovsky to D.I. Chizhevsky (1948–1962)], in: *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna 2012*. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna Publ., 2012, pp. 335–424. (In Russian)

Shakhmatov, Mikhail V. Platon v drevnei Rusi [Plato in Ancient Russia], *Zapiski Russkogo istoricheskogo obshchestva v Prage*. Prague, 1930, pp. 49–70. (In Russian)

Tschizewskij, D. *Dostojevskij und Nietzsche. Die Lehre von der ewigen Wiederkehr*. (Kleine Schriften aus der Sammlung "Deus et anima", 1. Schriftenreihe. Bd. 6). Bonn, 1947.

Tschizewskij, D. *Geschichte der altrussischen Literatur im 11., 12. und 13. Jahrhundert*. Kiever Epoche. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1948. 465 S.

Tschjevsky, D. *Hegel et Nietzsche*. Revue d'Histoire de la Philosophie. Paris, Juillet-septembre 1929. 3-e Année. Fasc. 3. S. 321-347.

Tschizewskij, D.: Wie ich die Handschriften der Pansophie fand, in: *Tschizewskij D. Kleine Schriften II*. Bohemica. München, 1972. S. 215-222.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н.Б. Афанасов

Республика былого и грядущего?

Рецензия на: Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 824 с.

Афанасов Николай Борисович – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: n.afanasov@gmail.com

Рецензия предлагает опыт тематического прочтения коллективной монографии, посвящённой интеллектуальной истории русского республиканизма. Автор подчёркивает, что книга, состоящая из десяти отдельных и содержательно самостоятельных глав, может иметь целостное прочтение в рамках проблематики современной политической философии. Основанием для этого подхода становится эксплицированный интерес авторов сборника к актуальной республиканской теории, которая начала своё распространение на рубеже XX и XXI вв. благодаря аргументам ирландского мыслителя Ф. Петтита. Показано, что нормативной моделью выстраивания исследования развития идеи русского республиканизма выступает опыт представителей Кембриджской школы истории мысли. Для российского интеллектуального пространства работа с республиканизмом на материале исследования традиции общественно-политической мысли становится тем опорным пунктом, который позволяет провести синхронизацию методов и сюжетов актуальной философии с глобальным контекстом. Общим для коллективного труда становится подчёркивание противоречивости феномена «республики» в отечественном политическом языке: несмотря на то, что это была значимая идея, важной идеей, заимствованной из другой политической традиции, не всегда удавалось определить, что это и почему это важно. Важным вкладом работы в разработку политической философии становится уточнение многих исторических аспектов, что сужает пространство для мифологизации истории русской политической мысли.

Ключевые слова: республиканизм, политическая философия, социальная философия, русская философия, практическая философия, история идей, Ф. Петтит

Для цитирования: Афанасов Н.Б. Республика былого и грядущего? Рецензия на: Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 824 с. // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 1. С. 93–108.

Во «Введении» к коллективной монографии «Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века»¹ редактор книги, историк Кирилл Андреевич Соловьёв пишет, что «республика была вызовом для русского интеллектуала»². С этим сложно спорить, но добавим: республика как идея была и остаётся вызовом не только для *русского* интеллектуала, но и вообще для каждого, кто находит время задуматься над тем, справедливо ли политическое устройство общества, в котором ему довелось жить. Дискурс республиканской теории в том виде, в котором он преимущественно представлен в книге и сопутствующих публикациях последних лет, сравнительно нов. Слово «республика» имеет магическую силу, и практически любой посвящённый республиканизму текст производит впечатление того, что речь идёт о чём-то давнем и имеющем солидную историю, уходящую в глубь веков. Это верно лишь отчасти: чаще всего республиканизм претендует на актуальность, значимость и современность посредством творческой апелляции к традиции.

«Русский республиканизм» продолжает исследования интеллектуальной истории мысли, основы которой были заложены представителями Кембриджской школы интеллектуальной истории. Именно поэтому ранее мы упомянули, что «республиканизм» – это сравнительно новое в политической философии. В работах Квентина Скиннера, Джона Поккока, Джона Данна или Питера Ласлетта во второй половине XX в. была проведена обстоятельная работа по реконструкции интеллектуальных основ политической мысли. Им и их последователям удалось решить трудную задачу: вдохнуть жизнь в политическую теорию, которая разочаровалась в революциях, тоталитарных режимах и экспансии потребительского капитализма. Как и сегодня, в те годы надежда на активное и разумное включение «масс» в ряды добропорядочных рациональных избирателей была призрачной, а политической философии оставалось довольствоваться критикой существующих порядков или грезить о новых утопиях, которые придумают когда-нибудь потом³.

Иначе говоря, работы по истории республиканизма всегда были *не только* историческими трудами. Это феномен особого рода философского осмысления, который представляет известные традиции в новых ракурсах, что позволяет и точнее понять механизмы их функционирования, и конституирует нечто новое. Этим новым становится республиканизм как «самая актуальная»⁴ политическая философия, которая вносит поправки в дряхлый более столетия спор коммунитаристов и либералов. Если республиканизму и не удалось на данный момент завоевать большое количество сторонников в среде тех, кто имеет непосредственное отношение к процессу принятия решений, то своё место в умах передовых интеллектуалов он занял весьма прочно. Границы понятия, по всей видимости, не уступают в размытости привычным для политической теории «социализму», «консерватизму» и «либерализму». К. Соловьёв пишет, что «...между этими тремя соснами блуждали и продолжают блуждать общественные науки. При этом не всегда ясно, что имеется в виду под каждым из этих течений»⁵.

¹ Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М., 2021.

² Соловьёв К.А. Введение // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 15.

³ Тернборн Й. От марксизма к постмарксизму? / Пер. с англ. Н. Афанасова; науч. ред. и предисл. А. Павлова. М., 2021. С. 165.

⁴ Павлов А.В. Республиканизм Филипа Петтита: самая актуальная современная политическая философия // Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / Пер. с англ. А. Яковлева; предисл. А. Павлова. М., 2016. С. 7.

⁵ Соловьёв К.А. Введение // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 13.

Таким образом, говоря о республиканизме, мы всегда имеем дело по меньшей мере с несколькими феноменами, связь между которыми определяется в зависимости от тех задач, которые мы перед собой ставим. Прежде всего, республиканизм – это исторический феномен политической традиции, который привычно определяется через оппозицию «республика – монархия». Затем, это комплекс идей в работах политических теоретиков и философов, которые не всегда мыслили себя республиканцами, но идеи которых имеют значение для конституирования республиканской традиции постфактум. Впервые это было осуществлено упомянутыми представителями Кембриджской школы истории идей. И, наконец, республиканизм – это актуальная политическая философия, прежде всего связанная с именем ирландского философа Филипа Петтита.

Как правило, разговор о республиканизме начинают с экскурса в древность. Риторическая сила этой стратегии в публичном поле, где республиканцам предстоит отстаивать свои позиции, очевидна. Самое современное, чтобы получить какой-то вес, предпочитает облекаться в одежды древности. В конце концов, чтобы идти «в ногу со временем», по меткому выражению Германа Люббе, нужно опираться на классические, а оттого не устаревающие образцы: «...классическое не есть просто старое, противостоящее актуально современному в соответствии с определёнными содержательными критериями. Напротив, это такое старое, которое отличается от эфемерно нового и новейшего фактически доказанной большей сопротивляемостью устареванию»⁶. Жизнеспособность «республики» как идеи и понятия в этом смысле не подлежит сомнению.

«Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века» существует в этом интеллектуальном контексте, и без понимания этого контекста книгу, в силу её внушительного объёма (более 50 печатных листов!), будет просто-напросто сложно прочитать. Точнее, так: специалисты, знакомые с проблематикой российской истории, не столкнутся с трудностями, как и все те, кто просто хотел бы расширить свой кругозор и углубить понимание процессов, которые происходили в интеллектуальной истории страны на протяжении более чем пяти столетий. Но даже самый дотошный и придирчивый к деталям философ может сдать перед экскурсами в историческую семантику латинского языка, за которыми последует анализ способов переводов понятий во время соперничества Российского государства и Речи Посполитой, а после – и вовсе анализ редакций и рабочих вариантов советских конституционных проектов. Несмотря на то, что коллектив авторов блестяще выполнил без преувеличения титаническую работу, а сама идея собрать все эти посвящённые разным темам главы под одной обложкой будоражит, может так случиться, что всё это не будет иметь никакого смысла для отечественной философии.

Поэтому скажем ещё пару слов о том, что собой представляет «республиканизм» в качестве актуальной традиции политической философии. «Мы – Россия – в принципе отстаём на двадцать лет от ключевых дискуссий западной политической философии»⁷, эти строчки были написаны в 2016 г., когда на русском языке в Издательстве Института Гайдара вышел перевод основополагающей работы Петтита «Республиканизм. Теория свободы и государственного правления»⁸. Оригинал на английском языке был опубликован в 1997 г.⁹ То есть цифра «20 лет» – это не только метафора. В этой работе ирландский философ предложил собственную

⁶ Люббе Г. В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного; под науч. ред. В. Куренного. М., 2019. С. 113.

⁷ Павлов А.В. Республиканизм Филипа Петтита: самая актуальная современная политическая философия. М., 2016. С. 8–9.

⁸ См.: *Pemmit Ph. Republicanism. Теория свободы и государственного правления.*

⁹ См.: *Pettit Ph. Republicanism: A Theory of Freedom and Government. New York, 1997.*

нормативную идею¹⁰, которая со временем могла бы изменить ландшафт современной политической мысли. Эта претензия Петтита говорит не столько об амбициях, сколько констатирует, что поле политической мысли, которое входит в актуальный дискурс процесса обсуждения и принятия решений, уже давно размечено и занято упомянутыми выше либералами, социалистами и консерваторами. К ним на Западе уже в конце XX в. активно добавились экологические, антиколониальные и феминистские движения.

Петтит предлагает по-другому расставить акценты: «не-доминирование», полностью не исключая «вмешательства», должно стать руководящим принципом. Концепция вступает в полемику с идеалами классического либерализма, для которого «не-вмешательство» также было ценностью, ограничивающей вполне допустимое «доминирование». «Проблему можно сформулировать как недовольство доминированием, а идеал – как мечту о свободной жизни», – пишет Петтит¹¹. «Не-вмешательство» и «не-доминирование» – это разные идеалы, которые задают горизонт желаемого при обсуждении идеального политического режима. Для самого Петтита политическая философия не должна быть оплотом утопического мышления, в котором даже мысленный эксперимент сталкивается с неосуществимостью желаемого. Напротив, предлагаемые философом аргументы должны стать основой для разработки конкретных мер по трансформации или улучшению политического режима.

Предельное «не-вмешательство» в этом смысле на уровне реализуемости проигрывает стремящемуся к абсолюту «не-доминированию». Речь идёт о том, что даже несмотря на то, что современные сложноорганизованные общества ценят неприкосновенность личного пространства, более общие задачи, к примеру, вопросы организации или улучшения инфраструктуры, неизбежно требуют вмешательства в жизнь человека. Реалистично представить противоположное кажется невозможным, но это «вмешательство» должно быть очищено от «доминирования», в смысл которого входит неравноправность агентов и возможность обладающего большей властью творить произвол по отношению к тому, кто власти фактически лишён. Практический выход из опасностей произвольного доминирования и вмешательства в жизнь свободных людей Петтит видит в улучшении законодательства, развитии политической культуры гражданского общества и способствовании формированию культурных и общественных институтов, которые могли бы помочь республиканизму сохранять стабильность и устойчивость: «Предположим, что законов и обычаев внутри общества и за его пределами достаточно для ограничения тех лиц в обществе и за его пределами, кто мог бы вершить произвол над другими, и предположим, что сами эти законы и обычаи не вершат произвола. В таком случае можно сказать, что те, кто живёт при таком режиме, свободны»¹².

Одной из задач обращения к идее республиканской теории Филипа Петтита было не только показать, что из себя представляет сверхзадача республиканизма, но и обратить внимание на тот язык, которым пользуется философ. Его можно охарактеризовать как язык современной политической философии, тяготеющей к аналитическому способу мышления. Во главу угла ставится чёткое разграничение понятий и убедительная сила аргументации. Петтит пишет в эпоху, когда конституционализм и демократические идеалы де-факто стали единственной конвенциональной нормой в публичном пространстве. Тем удивительнее, что, в сущности, аналитические аргументы философа снабжены обширными ссылками на традицию политической философии: «Петтит, как он постоянно подчёркивает, не придумывает собственную теорию, но лишь обращается к забытой практике древней республиканской свободы,

¹⁰ Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. С. 31.

¹¹ Там же. С. 36.

¹² Там же. С. 84.

какой она была известна ещё в Древнем Риме»¹³. «Республиканизм» апеллирует не только к практикам свободы в Античном мире, но и использует авторитет таких мыслителей, как Никколо Макиавелли, Томас Гоббс, Жан-Жак Руссо, Бенджамен Констан и т.д. В его актуальном нарративе они превращаются в тех, кто всегда мыслил свободу «по-республикански», пусть в предложенном Петтитом виде она и не была основой их политической философии. Говоря проще, Петтит *переизобретает* традицию.

Перед Томасом Гоббсом или Мэри Уолстонкрафт исторический контекст ставил и другие задачи, но в методологическом отношении важно, что повествование Петтита вместе с оформлением республиканизма как авторской теории производит его легитимацию и реконструирует всю традицию политической мысли. О том, насколько эти претензии корректны для изображения истории мысли, следует сказать отдельно и в другом месте, но пока будем держать в голове, что оптика республиканской теории – это нечто особенное, что структурирует мировой и национальный опыты истории и политической традиции. Исходя из этого вернёмся к русскому республиканизму, но уже держа в голове, что если и не непосредственно, то в контексте идейного содержания, дискуссия, начатая Кембриджской школой истории мысли и продолженная Филипом Петтитом в рамках разработки его авторской концепции, задаёт концептуальные рамки разговора об идее. Всё это влияет на то, как и о чём будет рассказано в истории русского республиканизма.

Коллективная монография «Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века» работает в обозначенной выше логике, наследуя этой новой интеллектуальной традиции. В современной русскоязычной академии движение в сторону рефлексии над политическим в терминах республиканизма во многом предшествовало разработке исторических сюжетов, из которых республиканизм вытекал в западной политической и исторической теории. Сам интерес к республиканизму был вызван вниманием, которое получила эта концептуальная рамка в зарубежной академии. И если на Западе принадлежность к классической философской традиции не ставится под вопрос – отнесём некоторые радикальные попытки переосмысления всего поля мысли к интересным, но далёким от того, чтобы занимать лидирующие позиции, – то сама идея о том, что русская традиция принадлежит к интеллектуальной части иудео-христианской культуры, формировавшейся с Античности, а позднее развитой в Новое время, всякий раз требует комментария и обоснования.

Это отчасти вызвано тем, что вопрос до сих пор не утратил полемической остроты. В том случае, если это и нерелевантно для конкретного исследователя, который желал бы заниматься академической философией, очищенной от идеологических вопросов, то считаться со всем исследовательским полем всё равно приходится. Исследование русского республиканизма в оптике теории идей предполагает значимый очерк, позволяющий не утратить ориентацию в более сложном контексте. Западный республиканизм тоже существует не в изолированном пространстве. В своих наиболее актуальных формах проектов политических преобразований он должен отстаивать себя в борьбе с конкурирующими программами, согласовывать свои положения с доминирующими дискурсами, которые нельзя обойти стороной (к примеру, с энвайронментализмом, феминизмом, социализмом и мультикультурализмом)¹⁴. Исторические исследования и экспликация республиканской идеи уже прошли через эту стадию бурных дебатов, но в своё время они были не менее

¹³ Павлов А.В. Республиканизм Филипа Петтита: самая актуальная современная политическая философия. С. 14.

¹⁴ Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. С. 236.

ожесточёнными, чем это происходило при многих попытках создания – для республиканцев «восстановления» – республиканской политической оптики.

Представленная коллективная монография декларативно посвящена задаче, которую кембриджская школа интеллектуальной истории сумела решить более полувека назад. Обрисованный нами контекст накладывает отпечаток на многие из статей. Редактор тома во «Введении» пишет так, словно бы отвечает на замечание оппонентов о том, что в интеллектуальной истории России обращаться к «республике» как значимому и важному предмету исследования всерьёз не следует. Явление – если оно вообще было – было вовсе незначительным: «...эта книга о слове “республика” и его бытовании в общественной мысли России и Западной Европы. В России было и слово, и идея, и традиции. Политическая жизнь страны была сложнее и многомернее, чем это порой кажется (курсив мой. – Н.А.)»¹⁵. Подобный модус на актуализацию можно обнаружить ещё у нескольких авторов. Так же как и констатацию того, что материала для реконституирования русской республиканской идеи не всегда достаточно. Иначе говоря, русский республиканизм ещё не смог легитимировать себя как актуальную политическую философию в национальной традиции. На данный момент он находится в поисках своих внутренних исторических оснований, которые смогли бы убедить других в важности и оправданности проекта. Вне зависимости от того, будет ли решена эта задача, попытка имеет несомненную интеллектуальную ценность.

Книга логично структурирована и продуманна. В десяти главах, охватывающих временной промежуток истории от Древней Руси до настоящего Российской Федерации, ведущими отечественными историками и интеллектуалами представлены очерки развития республиканской идеи. Большая заслуга авторов в том, что они сумели собрать замечательный коллектив ведущих специалистов в своих областях: ещё одно свидетельство общей актуальности темы и интереса к ней. В противном случае книга получилась бы не такой плотной по содержанию. Каждая глава одинаково важна для преследуемой книгой цели, но в силу объективных причин подробно останавливаться на содержании мы не имеем возможности. К счастью, в этом нет и острой необходимости. Оглавление книги предполагает указание подразделов статей, поэтому читатель легко сможет перейти именно к тому аспекту феномена, который интересен именно ему. Мы же предлагаем остановиться на некоторых из тех моментов, которые позволяют говорить о «русском республиканизме» в выбранном нами практическом контексте политической философии и истории идей.

Композиционно первая глава посвящена генезису понятия *res publica*. Её авторство принадлежит историку, правоведу и философу Александру Марееву. Сама глава «Понятие *res publica* в европейской политико-правовой мысли: от Древнего Рима до XVII в.» является преимущественно теоретическим изложением по вопросу, но этот открывающий текст принадлежит перу не только историка. То же самое касается и многих других глав работы. Вернёмся к экскурсу Мареева. Этот исследовательский текст мог бы существовать самостоятельно и вне рамок предложенной книги, однако его включение меняет не столько саму историю понятия, переводческой традиции и рецепции в политической философии от Цицерона, Августина и до Томаса Гоббса, но определяет то, что контекст понятия, часто определяемого через оппозицию «монархия – республика», куда сложнее и многоплановее. Автор очерка справедливо отмечает, что понятие *res publica*, которое в Средние века стали писать слитно, в отличие от привычного нам сегодня варианта¹⁶, претерпело множество

¹⁵ Соловьёв К.А. Введение // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. С. 17.

¹⁶ Марей А.В. Понятие *res publica* в европейской политико-правовой мысли: от Древнего Рима до XVII в. // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. С. 43.

трансформаций в ходе своей истории. Это, с одной стороны, позволяет с большим снисхождением относиться к зыбкой определённости терминов у отечественных теоретиков – в этом вопросе они ничем не отличались от своих зарубежных коллег. С другой стороны, накладывает обязательства на уточнение терминов всякий раз, когда мы пытаемся актуализировать термин и традицию. В контексте приведённых выше размышлений вопрос стоит так, что *не* актуализировать республиканизм невозможно.

Дальнейшее чтение книги, а именно тех глав, которые непосредственно работают с российской интеллектуальной историей, покажет, что теории политических философов, которые заложили основы понимания концепта в Новое время, были малозначимы для российских интеллектуалов. Прежде всего они осмыслили действительность, исходя из практики контакта с политическими режимами, отличными от родного для их страны. То есть, сложная история понятия *res publica* фактически оставалась за рамками мышления российской интеллектуальной традиции. Легко возразить, что в таком виде она не была известна и на Западе вплоть до момента, когда историческая рефлексия созрела для (само-)описания республиканизма в трудах кембриджской школы, но и это будет не совсем верно.

Как показывает Марей, история республиканизма пришла к определённому набору логических понятий в Новое время в работах Ж. Бодена, Т. Гоббса и других мыслителей, отстранившись от своих первоначальных истоков. Тем самым у философов в Европе был в распоряжении вполне конкретный набор интуиций и сложившихся представлений, которыми можно было оперировать для понимания и изменения существующего политического *status quo*. Важнейшим было дистанцирование: «...*respublica* начинает описываться как политическая форма, существующая автономно от народа. <...> В подобной трактовке народа и *respublica* нельзя не увидеть предчувствия, интуиции, пока ещё неясной, современного государства и сопутствующей ему абсолютной монархии»¹⁷. Теоретическое введение в историю понятия *respublica* в традиции европейской политической философии решает несколько задач. Прежде всего, оно задаёт точки отсчёта для соотнесения с тем, с чем читателю предлагают ознакомиться исторические экскурсы. Но также оно задаёт и дистанцию в отношении излишней актуализации исторического дискурса. Обращение к сложностям существования современного государства, рефлексия над которыми в трудах классиков сохраняет своё значение, важна и для нас.

Глава II «Республиканская риторика в Древней Руси» логично следует за теоретическим введением, одновременно сохраняя историческую последовательность нарратива и сразу же проблематизируя историю в контексте феномена республиканизма. У исторической дистанции есть важное преимущество для философии. События давно ушедших дней легко мифологизировать, тем самым создавая пространство для легитимации своих взглядов. Часто это и происходит с «вече», существованием которого в Древней Руси обосновываются самые разные взгляды на развитие российской истории. Автор этой части, историк Павел Лукин, сразу сообщает читателю: «...ставить в центр проблемы древнерусского республиканизма вече... – непродуктивно»¹⁸. Лукин с опорой на исследования по истории Пскова и Новгорода убедительно показывает, что «вече» как понятие было терминологически не определено, а практика самоописания политического действия в то время может быть названа республиканской лишь условно. «Подлинной основой древнерусского республиканского строя было существование “политического народа”

¹⁷ Марей А.В. Понятие *res publica* в европейской политико-правовой мысли: от Древнего Рима до XVII в. // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. С. 56.

¹⁸ Лукин В.П. Республиканская риторика в Древней Руси // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. С. 76.

и использование соответствующих понятий и риторики»¹⁹. Автор подчёркивает, что есть все основания говорить об элементах республиканской риторики в Новгороде и Пскове, но динамический процесс истории сместил акценты к идее «принадлежности к единому русскому пространству»²⁰.

В третьей главе «Республика без республиканизма: дискурсы *общего дела* в Московской Руси» историк Константин Иерусалимский продолжает методический ракурс рассмотрения российской истории с целью эксплицировать в ней республиканский политический язык. Важной находкой главы становится анализ «негативной готовности к республиканским формам»²¹ со стороны образованных людей того времени. Речь идёт о том, что сам феномен был хорошо известен связанным с политикой людям. Это знание при отсутствии желания воплотить (или даже просто описать) его на практике применительно к своему государству, может служить хорошей иллюстрацией бытования идеи республиканизма на русской земле. Иерусалимский пишет о том, что «...русская культура была лишена доступа (*в каковом и не нуждалась, по мнению автора*) (курсив мой. – Н.А.) к... творениям Аристотеля, Цицерона, Августина Блаженного, Фомы Аквинского»²². Ранее первая глава позволила нам убедиться в том, что эти тексты имели решающее значение для формирования республиканского языка. Глава ярко и убедительно показывает, что дискурсы общего дела существовали, проникая из-за границы, но не оказывали значимого влияния на формирование идентичности в государстве. Так, отсутствие развития при наличии знания о языке и феномене становится аргументом в пользу меньшей значимости республиканских идей для русского государства.

Историк Наталья Ростиславлева в главе «Развитие республиканизма в Западной Европе (XVII – начало XX в.): между идеей и реальностью» проблематизирует идею республиканской традиции в западной философии. Несмотря на то, что республиканские идеи давно занимали значимое место в интеллектуальном ландшафте, оформиться в более-менее стройный набор взглядов они смогли только в эпоху Просвещения. Глава примечательна тем, что показывают динамику представлений о республике в работах наиболее заметных философов: Ж.-Ж. Руссо, де Мабли, И. Канта, Б. Константа, Дж.С. Милля и др. Их идеи помещены в национальный контекст, но также даётся и экскурс в некоторые положения систем их политических воззрений. Таким образом, достигается цель стереоскопического видения республиканизма. Феномен часто оказывается подчинён другим нарративам (к примеру, борьбе с традицией, построению национального государства), а своё значение приобретает после, в трудах интерпретаторов. Из идеи республика перекечевала в историческую действительность, «...утратила антимонархическую направленность, стала понятием и начала обретать эмоциональный смысл»²³.

Историки Константин Бугров и Михаил Киселёв в пятой главе дают очерк «Республиканской идеи в России в век Просвещения». Акцент в этой части книги сделан на концептуальном анализе переводческой традиции. Российское общество имело дело с *res publica* преимущественно в опыте общения с другими культурами и политическими режимами, соответственно, проблема перевода всегда стояла очень остро. Привычное настойчиво задавало свою перспективу: «...внешнеполити-

¹⁹ Лукин В.П. Республиканская риторика в Древней Руси // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. С. 139.

²⁰ Там же. С. 152.

²¹ Иерусалимский К.Ю. Республика без республиканизма: дискурсы *общего дела* в Московской Руси // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. С. 155.

²² Там же. С. 162.

²³ Ростиславлева Н.В. Развитие республиканизма в Западной Европе (XVII – начало XX в.): между идеей и реальностью // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. С. 310.

ческие реалии вносили свои коррективы, когда приходилось сталкиваться со странами, управляемыми коллективными органами (*статами, речью посполитой*), а не одним *государем*. Однако они оценивались скорее как аномалии и исключения на фоне нормы *государства*»²⁴. Авторы в самом деле предлагают фантастическое по своей глубине путешествие в экскурс понятия. Глава позволяет реконструировать исторический опыт взаимодействия со сложным концептом. Формулируя предельно кратко, скажем, что именно так утвердилась традиция противопоставления монархии и республики как форм правления. Для России предполагалось, что первая будет более эффективной с учётом специфики страны. Взаимопроникновение интеллектуальных культур, важная составляющая жизни страны начиная с XVIII в., завершилось тем, что формирующийся автономный и независимый интеллектуальный слой в России получил представление о республиканизме. Именно оно послужило тем, что в поисках истоков традиции на своей земле интеллектуалы стали мыслить Великий Новгород в качестве исторического носителя республиканской идеи: «Для обрисовки республиканских черт Новгорода российские авторы использовали европейские, античные лекала»²⁵. Общественная мысль России в век Просвещения смогла рефлексивно осмыслить западную республиканскую идею, перенести её на родную землю. Тем самым была сформирована парадигма мышления, во многом задающая рамки и современных дискуссий.

Специалист по интеллектуальной истории идей Михаил Велижев продолжает развивать тему, перенося читателя в XIX в. Глава VI «Республиканизм в общественной мысли России первой половины XIX в.», проблематизирует русскую политико-философскую культуру в контексте республиканизма. Велижев предлагает «...рассматривать республиканскую теорию не только и не столько как совокупность идей или понятий, но как особый язык говорения о политике»²⁶. Так становится возможным решить ряд проблем, которые неизбежно возникают при попытке эссенциалистского прочтения республиканизма. Глава также помещает республиканский язык в контекст общего движения политической мысли в XIX в.: республиканцам приходилось проводить границы между своими воззрениями и мыслью либералов, социалистов, националистов и др. Российскую культуру автор анализирует, вычлняя три категории: «те, кто рассматривает республиканскую теорию через призму политических языков (I), те, кто интерпретирует республиканизм прежде всего в контексте истории идей (II), и наконец те, кто считает, что республиканизм – это не только доктрина, но и определённый образ публичного поведения (III)»²⁷. Общность доступа к интеллектуальной продукции определяла общность тематики дискуссий во Франции, Германии и России²⁸, но у республиканизма в российском пространстве была важная специфика: он присутствовал в дискурсивном поле, но фактически не мог сформироваться в отдельную «автономную и влиятельную доктрину»²⁹. В качестве промежуточного итога автор показывает, что понимание плюрастичности языка определяет рамку восприятия исторических текстов.

В седьмой главе «Империя и нация» историк Алексей Миллер фокусируется на том, что республиканизму как заимствованному понятию приходилось соседствовать с ещё одним важнейшим политическим концептом – с «нацией». Говоря о первом, велик соблазн преувеличить его значимость, коль скоро рассматриваем

²⁴ Бугров К.Д., Киселёв М.А. Республиканская идея в России в век Просвещения // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 323.

²⁵ Там же. С. 392.

²⁶ Велижев М.Б. Республиканизм в общественной мысли России первой половины XIX в. // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 404.

²⁷ Там же. С. 428.

²⁸ Там же. С. 479.

²⁹ Там же. С. 504.

мы именно его, «республиканизм». «Нация» тоже была переведена и импортирована, что порождало и путаницу, и необходимость точного определения и разграничения, в частности, с «народностью»³⁰. По всей видимости, предложенная Миллером история понятия не имела цели вступить в полемику с попыткой дать положительное наполнение феномену русского республиканизма, но роль главы не ограничивается историческим значением. Обладающая даже большей самостоятельностью, чем другие части работы, в структуре книги она читается как критический текст, показывающий, что «республиканизм» уступал в работах ведущих российских интеллектуалов другим темам. Традиция XIX в., сформировавшая парадигму работы с сюжетами российской истории, похоже, больше была озабочена исторической миссией страны, вопросами «нации», «народности», а республиканизм оставался для неё лишь одним из многих языков описания.

Авторство главы VIII «Res publica в общественной мысли России (вторая половина XIX – начало XX в.)» принадлежит редактору всей книги, Соловьёву, который продолжает развивать и иллюстрировать те интуиции, о которых шла речь в начале нашего рассмотрения. Учёный проблематизирует соотношение политической и социальной практики с нормативными моделями их описания в существующей традиции политической философии. Интеллектуальное усилие, посредством воображения, развивающего эту интуицию, позволяет ему сделать заключение о конкретно-историческом модусе властвования в России начала XX в.: «Стабильность порядка строилась... вокруг ряда негласных конвенций, важнейшая из которых – всеобщее безразличие к идее верховной власти»³¹. Соловьёв предлагает убедительный анализ важных для русской культуры текстов писателей и философов того времени (от А.С. Хомякова и Д.Н. Шипова до Ф.М. Достоевского и Вл.С. Соловьёва). На этом материале показано, что строгого и одновременно влиятельного конструирования границ понятия *respublica* применительно к отечественному контексту так и не сложилось: «...в России взращивались самобытные политические теории, подразумевавшие новое осмысление государства и власти»³². Обилие ярких и бесспорно талантливых интерпретаций политического развития страны ведущих интеллектуалов не смогло превратиться в общее дискурсивное поле, что привело к тому, что «...к моменту её декларации не было ясно, что подразумевается под республикой, на чём будет строиться власть в новых условиях»³³.

К IX главе «Республиканские мотивы в российской политической мысли. Случай 1905 г.» хронологическое повествование книги вплотную приближается не просто к проблеме существования самой идеи, но к вопросу её практической реализации. Историк Сергей Новосельский пишет о важности концепта для осмысления и практики революционных кризисов начала XX в. Особую ценность для уточнения интеллектуальной истории отечества имеют обильные экскурсы в сравнительное (само-)описание участников событий, связанных с процессом коллективного обсуждения и принятия политических решений. Так, известно, что «первый Земский собор был собран в 1549 г. по инициативе Ивана IV. <...> Но и участвовавшие в “соборе примирения” бояре, окольные и воеводы не догадывались, что они были делегатами Земского собора»³⁴. Ситуация политического кризиса в Российской

³⁰ Миллер А.И. Империя и нация // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 526–527.

³¹ Соловьёв К.А. Res publica в общественной мысли России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 558.

³² Там же. С. 603.

³³ Там же. С. 614.

³⁴ Новосельский С.С. Республиканские мотивы в российской политической мысли. Случай 1905 г. // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 617.

империи протекала в условиях объективно более развитой и насыщенной интеллектуальной культуры, но глава не входит в противоречие с ранее изложенными тезисами коллег о том, что политические понятия того времени не были до конца определены, а традиция была далека от утверждения себя в этих концептуальных границах. Любопытно, что автор использует концепт «не-доминирования» применительно к анализу интеллектуальных настроений 1905 г.: «И всё же стремление к реализации идеи *не-доминирования*, которая являлась центральной для политически активной части российского общества в 1905 г., воплощалось в подавляющем большинстве документов»³⁵.

Это ретроспективное наложение идей выглядит уместно, что показывает творческий потенциал переосмысления общественно-политической дискуссии начала XX в. в современных республиканских границах, но с точки зрения строгой истории идей фиксирует отсутствие релевантного языка описания у самих мыслителей. Можно сказать, что для нас как наследников русских интеллектуалов начала XX в. республика гораздо важнее, чем для них самих, как в интеллектуальном, так и в практическом отношении. Тем более, вне зависимости от форм выражения, ситуация острейшего политического кризиса вела к тому, что «ни власть, ни земские деятели, ни далёкая от революционного движения часть интеллигенции не желали установления в России республики»³⁶. Содержательной частью мысли был выход из кризисной ситуации любыми доступными средствами.

Три четверти объёма книги, краткий обзор которого мы представили в предшествующем изложении, скорее проблематизировал идею о том, что говорить о республике или непосредственной рецепции самого понятия в контексте российской интеллектуальной истории – перспективное занятие. Но реальность оказалась гораздо интереснее гипотетических экстраполяций. Заключительная глава книги, написанная философом Андреем Медушевским, посвящена рассмотрению того, что такое «Советский и постсоветский республиканизм». Ключевая интуиция анализа строится вокруг того, что проект советского республиканизма в значительной степени представлял собой «оригинальную историческую модель республиканизма»³⁷. Автор осуществляет сопоставительный анализ отражённых в документах интеллектуальных основ всех трёх отечественных республик (пореволюционная республика 1917 г., Республика Советов 1917–1991 гг. и третья республика (1990 – по н.в.)). Несмотря на значимые отличия исторических условий возникновения всех этих образований, на уровне идей для них многое является общим. К ним относятся проблемы ограничения власти, верховенства права, социального устройства страны.

Поскольку изложение Медушевского оказывается наиболее приближенным к современности, перед читателем может встать проблема ориентации в повествовании. Как и в случае с интеллектуальной историей понятий, на мой взгляд, уместным будет проводить разграничение между непосредственной историей политических идей в том виде, как они оказывали или не оказывали влияния на фактически существующую страну, и материалом для творческой актуализации этих идей в современном контексте. Медушевский проделывает замечательную работу по реконструкции интеллектуальной дискуссии вокруг всех исторических форм существования республики в русском пространстве. Автор выделяет самые разные тенденции в этих проектах, даёт критический анализ степени их исторической реализации. Всё это сделано не только на материале публицистических и научных текстов, но и с опорой

³⁵ Новосельский С.С. Республиканские мотивы в российской политической мысли. Случай 1905 г. // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 650.

³⁶ Там же. С. 658.

³⁷ Медушевский А.Н. Советский и постсоветский республиканизм // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 660.

на юридические документы. Изложение отличает претензия на историческую интерпретацию проблем и современной России, которые автор помещает в контекст частичной реализации республиканских проектов XX в., а также несомненная ангажированность автора, которого беспокоит непоследовательная реализация декларированных самим же обществом политических идеалов.

Если читатель добрался до этих строк, легко предположить, что он уже давно чувствует фрустрацию и даже мог утратить интерес к (русскому) республиканизму. Даже самый краткий и в значительной степени тематический обзор содержания коллективной монографии оказывается предельно фрагментированным. Перед книгой маячит опасность превращения в сборник статей, посвящённых конкретным сюжетам, а не в работу, которая предполагает – если это вообще возможно – целостное восприятие. Не претендуя на окончательное суждение, рискну заметить, что это не совсем верный подход, и уж точно не единственный. Да, «Res Publica: Русский республиканизм...» можно читать как книгу, которая содержит отдельные исследования по разным вопросам развития республиканских идей, дискурса и практик в истории нашей страны, но это будет чтение историка, правоведа, исторического социолога и т.д., «частное чтение».

Полагаю, что для книги были органичны философские и даже гражданские амбиции, которые требуют её интерпретации как целого. Начнём с конца, а именно с общественно-политического контекста. Современное обращение к традиции республиканизма в российском контексте объединяет определённый круг авторов и интеллектуальных центров, что легко обнаруживается при внимательном взгляде на те общие места, которые мы встречаем у коллектива авторов книги, а также на более общий литературный контекст. Исследования республиканизма были интенсифицированы в последние десятилетия благодаря усилиям сообщества, которое формировалось вокруг основанного в 2005 г. центра Res publica при Европейском университете в Санкт-Петербурге под руководством известного исследователя Олега Хархордина³⁸. Сам Хархордин внёс значимый вклад в исследование темы своими трудами. Так, именно ему принадлежит книга о республике в серии «Азбука понятий»³⁹, а ранее под его редакцией вышла ещё одна важная переводная книга об истории понятия⁴⁰. Центром была организована ежегодная тематическая конференция, впервые состоявшаяся в 2017 г.⁴¹ С того момента интерес к проблеме не ослабевает.

Современные российские исследования республиканизма удивительно многообразны. Обращает на себя внимание, что они начинались и развивались именно как практические проекты, для которых часто философское и даже историческое содержание выступало лишь фоном или источником вдохновения. Так, многие публикации прошлого десятилетия или самого начала XXI в., когда тема только входила в научный оборот, были посвящены конкретным сюжетам, а республиканский концептуальный аппарат в них был заимствован из современной западной политической теории. Интеллектуальная история понятия, которая оказалась востребованной для продолжения рефлексивной работы над сюжетом, стала следующим шагом. В эту логику «обратного движения» к истокам входит и попытка представить сам феномен русского республиканизма в его противоречивом и сложном генезисе.

Именно как продолжение логики развития исследования темы и следует воспринимать книгу «Res publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца

³⁸ См.: <https://eusp.org/respublica/about>

³⁹ См.: Хархордин О. Республика, или Дело публики. СПб., 2019.

⁴⁰ См.: Res publica: история понятия: Сборник статей / Под науч. ред. О.В. Хархордина. СПб., 2009.

⁴¹ Пономарёва М., Туманов Н. Общероссийская конференция «Республиканизм: теория, история, современные практики». Хроника // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 1. № 4. С. 249–255.

XX века», избегая соблазна счесть тему исследования вторичной и неорганичной для российской интеллектуальной истории. Само содержание работы в рамках творческого (вос-)произведения традиции показывает, что это не так, и круг вопросов, вокруг которых формировалась западная классика республиканизма, не был чужд российским интеллектуалам. К тому же, если бы авторами владела ангажированная логика перенесения чуждого на отечественный материал, получившиеся результаты были бы иными. Мы же, напротив, убедились в том, что взгляды на политическое в российской истории не всегда укладываются в республиканские схемы, а исторический материал позволяет скорее говорить о «разрывах» в произведении республиканской традиции, чем о «преемственности». Тем удивительнее, что сегодня мы – граждане третьей (в хронологическом порядке) русской республики. Рецензируемая книга позволяет понять всю сложность этого положения.

Что касается непосредственно философского содержания, то никакой республиканизм прямо непредставим без политической и социальной философии. Интерес интеллектуальной истории к понятию был вызван его актуализацией в пространстве современной философии. Концептуальный аппарат, к которому прибегают историки мысли, как мы убедились, многим обязан философам, и в частности идеям Петтита. Сам ирландский мыслитель писал: «Возможно, республиканизм не заслуживает наименования традиции, поскольку не является достаточно последовательной и связной концепцией, чтобы его можно было трактовать таким образом»⁴². Что касается русского республиканизма, то мысль Петтита применима как нельзя лучше, а качественные исследования исторического материала лишь подтверждают эту точку зрения, показывая, что республиканская политическая философия – это философский проект, чьё развитие способствует приросту знания и в других областях.

Список литературы

Бугров К.Д., Киселёв М.А. Республиканская идея в России в век Просвещения // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 311–398.

Велижнев М.Б. Республиканизм в общественной мысли России первой половины XIX в. // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 399–505.

Ерусалимский К.Ю. Республика без республиканизма: дискурсы *общего дела* в Московской Руси // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 153–265.

Лукин В.П. Республиканская риторика в Древней Руси // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 76–152.

Люббе Г. В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного; под науч. ред. В. Куренного. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 456 с.

Марей А.В. Понятие *res publica* в европейской политико-правовой мысли: от Древнего Рима до XVII в. // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 19–75.

Медушевский А.Н. Советский и постсоветский республиканизм // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 659–801.

Миллер А.И. Империя и нация // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 506–554.

⁴² Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. С. 45.

Новосельский С.С. Республиканские мотивы в российской политической мысли. Случай 1905 г. // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века.* Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 615–658.

Павлов А.В. Республиканизм Филипа Петтита: самая актуальная современная политическая философия // *Петтит Ф.* Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / Пер. с англ. А. Яковлева; предисл. А. Павлова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 7–24.

Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / Пер. с англ. А. Яковлева; предисл. А. Павлова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 488 с.

Пономарёва М., Туманов Н. Общероссийская конференция «Республиканизм: теория, история, современные практики». Хроника // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* 2017. Т. 1. № 4. С. 249–255.

Ростиславлева Н.В. Развитие республиканизма в Западной Европе (XVII – начало XX в.): между идеей и реальностью // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века.* Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 266–310.

Соловьёв К.А. Введение // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века.* Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 9–18.

Соловьёв К.А. Res publica в общественной мысли России (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века.* Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 555–614.

Тернборн Й. От марксизма к постмарксизму? / Пер. с англ. Н. Афанасова; науч. ред и предисл. А. Павлова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.

Хархордин О.В. Республика, или Дело публики. СПб.: Европейский университет в С.-Петербурге, 2020. 161 с.

Res publica: история понятия: Сборник статей / Под науч. ред. О.В. Хархордина. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2009. 280 с.

Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 824 с.

Pettit Ph. Republicanism: A Theory of Freedom and Government. New York: Oxford University Press, 1997. 328 p.

The Once and Future Republic?

A Review on: *Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the 20th Century.* A Collective Monography.

Ed. by K.A. Solovyov. Moscow: New Literary Observer, 2021. 824 p.

Nikolai B. Afanasov – Candidate of Sciences in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: n.afanasov@gmail.com

The review provides a thematic reading of the collective monography, which deals with intellectual history of Russian republicanism. The author of the review underlines that the book, although it is composed of ten separated and conceptually independent parts, could have a general reading in the optics of modern political philosophy's problematics. This intention derives from the explicitly shown authors' interest in actual republicanism theory, that started at the turn of the 20th and 21st centuries regarding Ph. Pettit's arguments. Then it is shown that research on the development of the idea of Russian republicanism has a normative model, which can be described as an interpretation of the methodology of Cambridge School of intellectual history. For Russian intellectual space the work with republicanism on the material of social-political thought investigation becomes a reference point, that allows to synchronize methods and subjects of actual philosophy with the global context. A common point for the collective monography is highlighting the inconsistency of the phenomenon of "republic" in Russian political language: being an important idea, although imported from other political tradition, the attempts to define its content and its importance were not always successful and influential enough. An important contribution of the work

in the elaboration of political philosophy is clarification of many historical aspects, which results in the narrowing the space for mythologization of Russian political thought.

Keywords: republicanism, political thought, social philosophy, Russian philosophy, practical philosophy, history of ideas, Ph. Pettit

For citation: Afanasov, N.B. *Respublica bylogo i gryadushchego? Retsenziya na: Res Publica: Russkii respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya / Pod red. K.A. Solov'eva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 824 s. [The Once and Future Republic? A Review on: Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the 20th Century. A Collective Monography. Ed. by K.A. Solovyov. Moscow: New Literary Observer, 2021. 824 p.]*, *Otechestvennaya filosofiya [National Philosophy]*, 2024, Vol. 2, No. 1, pp. 93–108. (In Russian)

References

Bugrov, K.D., Kiselyov, M.A. *Respublikanskaya ideya v Rossii v vek Prosveshcheniya [Republican Idea in Russia in the Age of Enlightenment]*, in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 311–398. (In Russian)

Erusalimskij, K.Yu. *Respublika bez respublikanizma: diskursy obshchego dela v Moskovskoj Rusi [Republic without Republicanism: The Discourses of Common Cause in Moscovite Russia]*, in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 153–265. (In Russian)

Kharkhordin, O. (ed.) *Res publica: istoriya ponytiya: Sbornik statej [Res publica: A History of the Concept. A collection of Articles]*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo EUSPB, 2009. 280 p. (In Russian)

Kharkhordin, O. *Respublika, ili Delo Publiki [Republic, or Public Affair]*. Saint Petersburg: Evropejskij universitet v S.-Peterburge, 2020. 161 p. (In Russian)

Lübbe, H. *V nogu so vremenev. Sokrashchyonnoe prebyvanie v nastoyashchem [Im Zug der Zeit]*. Moscow: HSE University Press, 2019. 456 p. (In Russian)

Lukin, V.P. *Respublikanskaya ritorika v Drevnej Rusi [Republican Rhetoric in Ancient Russia]*, in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 76–152. (In Russian)

Marey, A.V. *Ponytie res publica v evropejskoj politiko-pravovoj mysli: ot Drevnego Rima do XVII v. [The Concept of res publica in European Political and Legal Thought: from Ancient Rome to XVIIth Century]*, in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 19–75. (In Russian)

Medushevsky, A.N. *Sovetskij i postsovetskij respublikanizm [Soviet and Post-Soviet Republicanism]*, in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 659–801. (In Russian)

Miller, A.I. *Imperiya i natsiya [Empire and Nation]*, in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 506–554. (In Russian)

Novoselsky, S.S. *Respublikanskiye motivy v rossijskoj politicheskoj mysli. Sluchai 1905 g. [Republican Motives in Russian Political Thought. The 1905 Case]*, in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya [Res Publica: Russian*

Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 615–658. (In Russian)

Pavlov, A.V. Respublikanizm Filipa Pettita: samaya aktual'naya sovremennaya politicheskaya filosofiya [Philip Pettit's Republicanism: The Most Actual Contemporary Philosophy], in: Pettit, Ph. *Respublikanizm. Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya* [Republicanism: A Theory of Freedom and Government]. Moscow: Gaidar Institute Press, 2016, pp. 7–24. (In Russian)

Pettit, Ph. *Republicanism: A Theory of Freedom and Government*. New York: Oxford University Press, 1997. 328 p.

Pettit, Ph. *Respublikanizm. Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya* [Republicanism: A Theory of Freedom and Government]. Moscow: Gaidar Institute Press, 2016. 488 p. (In Russian)

Ponomareva, M., Tumanov, N. Obshcherossiyskaya konferentsiya "Respublikanizm: teoriya, istoriya, sovremennye praktiki". Khronika ["Republicanism: Theory, History, Modern Practice". Conference Chronicles], *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], 2017, Vol. 1, No. 4, pp. 249–255. (In Russian)

Rostislavleva, N.V. Razvitie respublikanizma v Zapadnoj Evrope (XVII – nachalo XX v.): mezhdue idej i real'nost'yu [The Development of Republicanism in Western Europe (XVII – beg. of XXth Centuries): between Idead and Reality], in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ja do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya* [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 266–310. (In Russian)

Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ja do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya* [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021. 824 p. (In Russian)

Solovyov, K.A. Res publica v obshchetvennoj mysli Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Res publica in Russian Social Thought (the Second Half of the XIX – the beginning of the XXth Centuries)], in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ja do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya* [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 555–614. (In Russian)

Solovyov, K.A. Vvedenie [Introduction], in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ja do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya* [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 9–18. (In Russian)

Therborn, G. *On marksizma k postmarksizmu?* [From Marxism to Post-Marxism?]. Moscow: HSE University Press, 2021. 256 p. (In Russian)

Velizhev, M.B. Respublikanizm v obshchetvennoj mysli Rossii pervoj poloviny XIX v. [Republicanism in Russian Social Thought of the First Half of the XIXth Century], in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ja do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya* [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 399–505. (In Russian)

С.М. Климова

Размышления над новым изданием переписки Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова

Климова Светлана Мушаиловна – доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: sklimova@hse.ru

Рецензия посвящена размышлениям над новым изданием переписки между двумя выдающимися людьми – Л.Н. Толстым и Н.Н. Страховым. В рецензии затронута история издания переписки, различие изданий и особенности последнего издания. Речь идёт не о филологических или стилистических особенностях, а главным образом о философской подаче фигур Н.Н. Страхова и Л.Н. Толстого в рамках последнего издания. Отмечены как достоинства, так и недостатки выявленного подхода к рассмотрению мировоззрения двух корреспондентов. В рецензии в качестве достоинства отмечается высокое качество проведённой исследовательской работы, включение в переписку писем С.А. Толстой. Вместе с тем проблематичной частью нового издания стало активное включение в «тело» переписки субъективного историко-культурного комментаторского контекста и оценочных суждений, заключённых как в излишне громоздкую вступительную статью, так и в ряд комментариев к отдельным письмам.

Ключевые слова: переписка, Толстой, Страхов, «издательский казус», комментаторская деятельность, природа исповедальности

Для цитирования: *Климова С.М.* Размышления над новым изданием переписки Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 1. С. 109–115.

Переписка – огромный слой письменной культуры, исчезнувший на наших глазах. Тем ценнее и значительнее обращение к нему в современной гуманитарной науке. В 2018 г. (по гранту РФФИ) и в 2020–2023 гг. вышло третье трёхтомное издание (коммерческое) знаменитой Переписки Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым (далее – Переписка)¹. Начнём с конца обширного (на 100 страниц) Предисловия к ней. На трёх последних страницах читатель получит самую важную информацию об истории издания, узнает, что впервые Переписка была издана в 1913 г. в Петербурге

¹ Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова (1870–1896): в 2 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. Л.В. Калужной, Т.Г. Никифоровой, В.А. Фатеева, В.Ю. Шведова; вступ. ст. В.А. Фатеева и В.Ю. Шведова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2020–2025.

в типографии Б.М. Вольфа, под редакцией и с комментариями Бориса Львовича Модзалевского (1874–1928). Издание печатало письма по подлинникам, принадлежащим Обществу Толстовского музея, куда их передала Софья Андреевна Толстая. Это издание включало 268 писем, из которых только 75 принадлежали Л.Н. Толстому. То есть Перепиской это издание можно назвать довольно условно. Большая часть Переписки была отдельно издана секретарём Толстого – П.И. Бирюковым ещё в 1908 г. внутри его знаменитой биографии Л.Н. Толстого² и не вошла в издание Модзалевского.

Вторую жизнь Переписке дало 90-томное издание ПСС Толстого (1928–1958). Кроме того, ряд писем двух корреспондентов хранились в черновиках В.Г. Черткова (1854–1936) – ближайшего помощника Толстого и продолжателя его дела не только в царской, но и в советской России, – которые и были впервые напечатаны в 90-томнике. Уже во времена издания ПСС стало ясно, что многие материалы требуют и проверки, и уточнения дат и фамилий, и тщательного комментария. К тому же трудно назвать Перепиской разбросанные по многим томам письма, принадлежащие Л.Н. Толстому; «ответные письма Страхова можно было прочесть лишь в дореволюционном, подготовленном Б.Л. Модзалевским издании 1914 г., давно ставшем раритетом»³. В этом смысле любая попытка собрать под одной обложкой разрозненную и продолжающуюся почти четверть века переписку Толстого и Страхова – важное и благородное дело.

Очередная попытка полного собрания Переписки была предпринята в 2003 г. Группой славянских исследований при Оттавском университете и Государственным музеем Л.Н. Толстого на Пречистенке в Москве. Данное издание включало 467 писем и стало настоящим интеллектуальным и биографическим прорывом. В третьем издании 2018 г. оно было почему-то названо «издательским казусом»⁴, связанным, по мнению авторов статьи, с оформлением томов Переписки на двух языках (русском и английском) и вступительной статьёй, написанной только на английском языке. Вкупе с небольшим тиражом в 300 экземпляров это издание, с их точки зрения, оказалось достоянием главным образом зарубежных специалистов. В чём тут заключается казус, я сознаюсь, так и не поняла. То ли в том, что Толстого зазорно издавать и изучать западным специалистам, то ли в том, что знание английского языка – роскошь для отечественных исследователей. Что касается тиража, то третье издание (по крайней мере, 2018 г.) имеет точно такой же тираж в 300 экземпляров, т.е. также рассчитано лишь на специалистов, по-видимому, исключительно отечественных. В первой рецензии на издание Переписки 2018 г. М.И. Щербакова повторяет мысль о канадском издательском казусе – почти дословно. Хочется обратить внимание на тот факт, что оба тома канадской Переписки давно доступны желающим; они имеются и в РГБ, и в библиотеке Ясной Поляны, и в Доме-музее Толстого в Москве, и много где ещё. В аннотации издания 2003 г., опубликованной, кстати, по-русски, А.А. Донсков – один из ведущих канадских толстоведов и издателей этой Переписки, заметил:

Некоторые из напечатанных здесь 467-ми писем, которыми авторы обменялись за время своей продолжавшейся почти четверть века переписки, публикуются впервые. Письма Толстого, публиковавшиеся в Юбилейном Полном собрании сочинений (ПСС),

² Бирюков П.И. Л.Н. Толстой. Биография. По неизданным материалам (Воспоминания и письма Толстого: в 4 т.). Т. 2. М., 1908.

³ Щербакова М.И. Родня по духу. Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова (1870–1896): в 2 т. Т. 1: 1870–1879 / Сост., подгот. и коммент. Л.В. Калужной, Т.Г. Никифоровой, В.А. Фатеева, В.Ю. Шведова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. 816 с. («Русские беседы». РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом); Государственный музей Л.Н. Толстого) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. 2. С. 202.

⁴ Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова: в 3 т. Т. 1. СПб., 2020. С. 100.

были вновь сверены с оригиналами, выправлены по ним и дополнены соответствующими письмами Н.Н. Страхова. Будучи впервые опубликована в столь полном объёме, эта переписка предоставляет уникальную возможность последовательного наблюдения за ходом рассуждений двух выдающихся мыслителей, ведущих серьёзный диалог, в котором они затрагивают целый ряд важнейших вопросов, касающихся религиозных, философских, социальных и литературных проблем. Публикация дополнена вступительной статьёй редактора и обширными комментариями, подготовленными двумя ведущими московскими толстоведами⁵.

Сознаюсь, что много лет пользуюсь этим изданием и считаю его лучшим из всех вариантов Переписок, включая и последнее. Ни двуязычное оглавление, ни вступительная англоязычная статья А.А. Донскова никак не мешают процессу освоения идей двух знаменитых корреспондентов⁶.

Последнее издание имеет как ряд несомненных достоинств, по сравнению со вторым, так и ряд существенных недостатков. Во-первых, все известные на сегодняшний день письма Толстого и Страхова ещё раз сверены по автографам и прокомментированы заново. Хочу отметить, что высокое качество работы связано с тем, что комментарии и канадского, и последнего издания, особенно те, которые касаются творчества Л.Н. Толстого, сделаны выдающимися профессионалами-толстоведами – Л.Д. Громовой, Л.В. Гладковой (Калужной) и Т.Г. Никифоровой. Письма Н.Н. Страхова в третьем издании прокомментировали известные петербургские филологи – В.А. Фатеев и В.Ю. Шведов. Во-вторых, несомненным достоинством нового издания является инкорпорирование 86 писем Софьи Андреевны Толстой Н.Н. Страхову, расположенных в томах в хронологическом порядке. Эти письма были опубликованы и канадскими издателями, но отдельным томом. Такое единение имён и дат, несомненно, расширило бытовую и культурный контексты, позволяя продемонстрировать более цельно общение и дружбу главных собеседников. Письма Софьи Андреевны, с одной стороны, вполне бытовые, связанные с её «женской долей» в семье, демонстрируют её спаянность с делами и интересами Л.Н. Толстого; с другой стороны, они наглядно показывают реальную атмосферу в доме Толстых. Мы лучше понимаем место Страхова в их доме и ощущаем всю меру уважения и привязанности к нему – со стороны не только мужа, но и жены и их ближайшего круга.

В результате такого расширенного контекста Переписка разрослась фактически до трёх томов, включив в себя 548 писем. Её неустаревающее содержание, глубокая проработка всех нюансов, огромный аннотированный список имён и примечаний открывают отечественному читателю широчайшие возможности в познании эпохи, к которой принадлежали два великих и противоречивых мыслителя, и вызывают заслуженное уважение её создателей.

Третьей и, пожалуй, самой проблематичной частью нового издания стало активное включение в «тело» переписки субъективного историко-культурного комментаторского контекста, заключённого как в излишне громоздкой вступительной статье В.А. Фатеева, так и ряде его же авторских комментариев к отдельным письмам Страхова, тенденциозно выглядящих в академических изданиях подобного рода. Порой комментарии занимают гораздо больше страниц, чем текст того или иного письма. Чтение писем в таком формате становится несколько затруднительным. Возможно, стоило комментариев, не касающихся непосредственно справочного материала

⁵ Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2 т. / Под ред. А.А. Донскова. Группа славянских исследований при Оттавском университете и Государственный музей Л.Н. Толстого в Москве. Т. 1. С. IX.

⁶ Данное издание вдохновило меня на статью: С.М. Климова. Философский диалог Льва Толстого и Николая Страхова // Русская литература. 2012. № 1. С. 4–18.

к письмам, вынести в отдельную рубрику авторских примечаний, убрав в конец со-ответствующего тома.

Ещё одной неожиданностью стало объединение трёх томов Переписки искус-ственным общим названием: «Родня по духу». Название вызывает ощущение чего-то излишнего, неуместного в жанре Переписки. Тем более с включением писем Софьи Андреевны можно говорить о родне не только по духу, но и по крови. А учи-тывая сложные взаимоотношения Толстого с женой в последние годы жизни, оно становится уж совсем двусмысленным. Оно латентно указывает лишь на то, что инкорпорирование писем Софьи Андреевны для составителей всё же не подразуме-вало её полноценного голоса в диалоге. Пафос заглавия также, почти автоматиче-ски, сглаживает многолетний драматизм взаимоотношений и духовного развития не только Л.Н. Толстого, но и Н.Н. Страхова. С моей точки зрения, «родней по ду-ху» они были не всегда: в 80-е гг. Толстой нашёл гораздо более близких по духу лю-дей, соединившись с Чертковым, духовборцами, русскими солдатами-пацифистами, оставив далеко позади и Страхова, и первоначальные духовные сближения с ним. Конечно, можно возразить словами автора вступительной статьи, указав, что Тол-стой *сам* назвал Страхова «родней по духу». Но сколько раз в этой же Переписке Толстой *сам* выказывал негативное отношение к слову «Дух», его гегелевскому про-чтению Страховым, ругал за бессмысленность словоупотребления ничего не прояс-няющих, туманных философских словечек.

В принципе, такой мелочью можно было бы и пренебречь, если бы не после-дующий за таким названием гипертрофированный пафос интеллектуального вос-торга по поводу фигуры Страхова, доминирующий в каждой строчке вступительной статьи. Большая часть данной статьи уже была так или иначе озвучена в статьях пе-тербургского учёного, в его обширной монографии: «Н.Н. Страхов: Личность. Твор-чество. Эпоха» (Изд-во «Пушкинский Дом», 2021).

По какой-то причине и это вступление оказалось очередным гимном русскому философу, который, как кажется учёному, до сих пор не оценён читателем. Хотелось обратить внимание на то, что здесь важно понять, какого читателя он имеет в виду. Если специалистов, то хотелось бы разочаровать автора – имя Страхова хорошо из-вестно не только филологам, но даже и философам. Не буду перечислять то немалое количество работ, которые вышли за последние пару десятилетий о Стракове, в том числе благодаря усилиям белгородских философов⁷. Автора предисловия они явно не интересуют. Но, странным образом, его не интересуют даже статьи, написанные по поводу Переписки, – непростительная небрежность для столь тщательного обзо-ра⁸. Всё-таки преувеличенное значение роли Страхова в дуэте с Толстым делает многие выводы восторженной предисловной статьи, мягко говоря, сомнительными. Страхов превращён здесь в первую скрипку в Переписке – Толстой затушёван и вы-глядит чуть ли не его учеником. Оказывается, Страхов «деликатно просвещает своего друга, и – в своей безграничной любви к нему – как бы позволяет ему чувствовать себя хозяином положения» (с. 45). «Страхов обогащал переписку тематическим раз-нообразием» (с. 66). Ещё более впечатляет вывод о том, что Страхов был тем, кто пытался «расшевелить» в Толстом художественные «дрожжи», возбудить страсть

⁷ Всех интересующихся темой могу отослать к сайту библиотеки им. Н.Н. Страхова при Белгород-ском государственном университете – «Архив эпохи»: <http://strakhov.bsu.edu.ru/kollekciya-arkhiv-uerokhi/>

⁸ Не ставя перед собой цели восполнить этот пробел в рецензии, всё-таки не могу не упомянуть бле-стящую книгу: Паперно И. «Кто, что Я?». Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах. М., 2018. В ней целая глава посвящена переписке Толстого и Страхова. Также тема переписки затронута в антологии: Н.Н. Страхов: pro et contra / Сост. С.М. Климова. СПб., 2021. 851с.

к литературной работе (с. 29). «Неотступные в письмах “приставания” Страхова, кажется, возымели своё действие» (с. 33) на Толстого. В итоге Страхов в наших глазах обретает практически гигантское значение в жизни Толстого: например, благодаря его неусыпным усилиям закончена «Анна Каренина». В каждой строке вступительной статьи проступает какая-то детская беспомощность Толстого и поиск поддержки и помощи у мудрого Страхова. Не будь Страхова, с его неустанными восторгами и похвалой «бесценному Льву Николаевичу», у нас, возможно, не было бы «Анны Карениной»? В такие выводы не то что с трудом, но как-то совсем не верится.

Наиболее уязвимым в полемическом плане выглядит пассаж о религиозности Страхова. Все знают, что Страхов был одним из создателей почвенничества, и его консервативно-националистические взгляды были вполне устойчивы, начиная с 60-х гг. XIX столетия – времён сотрудничества в журналах братьев Достоевских «Времени» и «Эпохе» и заканчивая «Борьбой с Западом». С другой стороны, известно, что он, несмотря на принадлежность к сословию священников, был весьма далёк от любой конфессиональной веры, и если заглянуть в Переписку, то нетрудно восстановить логику обсуждения идеи Бога Толстого со Страховым. Больше всего Страхов, судя по его письмам, боялся быть заподозренным в приверженности конфессиональной вере. Когда же он понял, что Бог Толстого – не конфессиональный, а скорее философский и пантеистически слит с понятием Жизни, он был вполне удовлетворён и даже счастлив.

Требует понимания и установка Фатеева на то, что религиозность Страхова – «это исповедничество перед Толстым» (с. 43). Рассуждения подобного рода показывают, что письма читаются без учёта некоторой внутренней эволюции и как бы только от одного лица. В такой логике нет Толстого и сюжетной сложности Переписки; всё превращается в какую-то странную схему: Толстой – деспот-проповедник, вдохновляющийся от Страхова, а Страхов – святой грешник, вечно кающийся перед Толстым-исповедником. Автор как-то упускает многие нюансы таких обобщений. Например, он не обратил внимания на то, что не Страхов захотел исповедоваться, а Толстой заставил его «снять мундир объективности» и быть предельно искренним в своих высказываниях, в том числе о себе. Причём в этих призывах слово «исповедь» они трактовали абсолютно по-разному. Толстой призывал к исповеди особого типа: речь не о том, чтобы облегчить Страхову жизнь, «отпуская» его грехи, а в том, чтобы отбросить всю «семиологическую оболочку» чужого, которым он был пропитан как философ и литературный критик, и стать самим собой. Исповедь Страхова – это продолжение размышлений об исповеди Толстого, который ищет единомышленника на пути к вере, а не требует чужих интимных откровений ради какого-то мнимого самоудовлетворения. Если говорить об исповеди философа, то Страхов здесь гораздо ближе миру героев Достоевского, чем интенциям Толстого. Достаточно прочесть его исповедальное письмо от 17 ноября 1879 г., дабы с лёгкостью обнаружить раскаяние парадоксалиста, отождествившего своё внутреннее состояние со «спусканием в ад»⁹.

Встреча Толстого и четвертьвековой диалог со Страховым – демонстрация диалектического развития толстовской «жизне-веры»: движения мысли и чувств от философии к религии и особому состоянию – *жизни в вере*. Страхов – спутник в этих поисках, оказавшийся вне общих с Толстым ответов. И. Паперно очень тонко заметила, что переписка замирает после 1879 г., причём на несколько лет, именно потому, что Страхов не сумел стать тем, кто помог бы Толстому в его поисках. Страхов всю жизнь оставался консерватором, скорее разделяя «русскую идею» Достоевского,

⁹ Подробнее: Климова С.М. Достоевский – Страхов – Толстой: к истории одного конфликта // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 1. С. 84.

а не идею всемирного христианства Толстого. Но пиетет перед Толстым заставляет его мимикрировать под многие идеи своего гениального друга.

Нельзя согласиться и с оценками толстовской политической позиции, высказанной в Предисловии. Толстой был человеком, для которого было немислимо поддерживать или примкнуть хоть к каким-то сообществам, тем более – политическим течениям. Недаром он признаётся практически всеми за христианского анархиста, который имеет над собой только одну власть – власть Бога-«Хозяина», добровольно взяв на себя роль Его работника. Можно прочесть хотя бы «Письмо А.М. Калмыковой» (т. 69), в котором Толстой ясно и понятно объясняет, почему он никогда не будет поддерживать ни революционеров, ни либералов, ни тем более нигилистов-террористов. Поэтому тезис о том, что он поддерживал радикалов, да и сам был радикалом-нигилистом, говорит или о том, что его автору чужды идеи Толстого, или о вечно живых стереотипах ленинских оценок-клише писателя.

Высказанная критика касается прежде всего оценочных суждений, наполнивших Предисловие и некоторые односторонние комментарии. В целом же перед нами великолепное издание, в котором даны прекрасно прокомментированные письма трёх важных свидетелей «долгого XIX в.». Его чтение доставит истинное удовольствие всем, кто любит русское слово и мысль.

Список литературы

Бирюков П.И. Л.Н. Толстой. Биография. По неизданным материалам (Воспоминания и письма Толстого: в 4 т.). Т. 2. М.: Издание «Посредника», 1908. 483 с.

Климова С.М. Достоевский – Страхов – Толстой: к истории одного конфликта // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 1. С. 72–88.

Климова С.М. Философский диалог Льва Толстого и Николая Страхова // Русская литература. 2012. № 1. С. 4–18.

Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2 т. / Под ред. А.А. Донскова. Группа славянских исследований при Оттавском университете и Государственный музей Л.Н. Толстого в Москве. Т. 1. Оттава, 2003. 488 с.

Паперно И. «Кто, что Я?». Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 229 с.

Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова (1870–1896): в 2 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. Л.В. Калюжной, Т.Г. Никифоровой, В.А. Фатеева, В.Ю. Шведова; вступ. ст. В.А. Фатеева и В.Ю. Шведова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2020–2023. 816 с. + 668 с. + 692 с.

Щербакова М.И. Родня по духу. Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова (1870–1896): в 2 т. Т. I: 1870–1879 / Сост., подгот. и коммент. Л.В. Калюжной, Т.Г. Никифоровой, В.А. Фатеева, В.Ю. Шведова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. 816 с. («Русские беседы». РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом); Государственный музей Л.Н. Толстого) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 201–204.

Reflections on the New Edition of the Correspondence Between Leo Tolstoy and Nikolay Strakhov

Svetlana M. Klimova – Doctor of Sciences in Philosophy, professor. National Research University – Higher School of Economics. 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: sklimova@hse.ru

The review is devoted to reflections on the new edition of Correspondence between two outstanding people, Leo Tolstoy and Nikolai Strakhov. The review article touches on the history of the publication of the Correspondence, the differences between editions and the features of the latest edition. The author examines not philological or stylistic features, but mainly the philosophical presentation of Nikolay Strakhov and Leo Tolstoy within the latest edition. The author notes both the advantages and disadvantages of the identified approach to considering the worldview of two

correspondents. The review notes as a merit of the edition the high quality of the research work, the inclusion of S.A. Tolstoy's letters from S.A. Tolstoy. At the same time, the problematic part of the new edition is the active inclusion of the subjective historical and cultural commentary context and value judgments contained both in an unnecessarily cumbersome introductory article and in a number of comments on individual letters.

Keywords: correspondence, Tolstoy, Strakhov, “publishing incident”, commentary activity, the nature of confession

For citation: Klimova, S.M. Razmyshleniya nad novym izdaniem perepiski L.N. Tolstogo i N.N. Strakhova [Reflections on the New Edition of the Correspondence Between Leo Tolstoy and Nikolay Strakhov], *Otechestvennaya filosofiya [National Philosophy]*, 2024, Vol. 2, No. 1, pp. 109–115. (In Russian)

References

Biryukov, P.I. *L.N. Tolstoi. Biografiya. Po neizdannym materialam (Vospominaniya i pis'ma Tolstogo, v 4-kh tomakh)* [L.N. Tolstoy. Biography. Based on Unpublished Materials (Memoirs and Letters of Tolstoy, in 4 vols.)]. T. 2. Moscow: Izdanie “Posrednika”, 1908. 483 p. (In Russian)

Klimova, S.M. Filosofskii dialog L'va Tolstogo i Nikolaya Strakhova [Philosophical dialogue Between Leo Tolstoy and Nikolai Strakhov], *Russkaya literatura*, 2012, No. 1, pp. 4–18. (In Russian)

Klimova, S.M. Dostoevskii – Strakhov – Tolstoi: k istorii odnogo konflikta [Dostoevsky – Strakhov – Tolstoy: on the History of a Conflict], *RUDN. Journal of Philosophy*, 2021, Vol. 25, No. 1, pp. 72–88. (In Russian)

L.N. Tolstoi i N.N. Strakhov. Polnoe sobranie perepiski v 2-kh t. Gruppy slavyanskikh issledovaniy pri Ottavskom universitete i Gosudarstvennyi muzei L.N. Tolstogo v Moskve. Vol. 1 [L.N. Tolstoy & N.N. Strakhov. Complete Correspondence. Vol. 1. A.A. Donskov (ed.), compiled by L.D. Gromova & T.G. Nikiforova]. Ottawa, 2003. 488 p. (In Russian)

Paperno, I. «Kto, chto Ya?». *Tolstoi v svoih dnevnikah, pis'mah, vospominaniyah, traktatah* [“Who, what am I?” Tolstoy in His Diaries, Letters, Memoirs, Treatises]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 229 p. (In Russian)

Perepiska L.N. Tolstogo i N.N. Strakhova (1870–1896) v 2 t. [Correspondence of L.N. Tolstoy and N.N. Strakhov in 2 vols.]. Saint Petersburg: Izd-vo “Pushkinskii Dom”, 2020–2023. (In Russian)

Shcherbakova, M.I. Rodnya po dukhu. *Perepiska L.N. Tolstogo i N.N. Strakhova (1870–1896): V 2 t.* [Kindred in spirit. Correspondence of L.N. Tolstoy and N.N. Strakhov (1870–1896): In 2 vols.] T. I: 1870–1879 / Sost., podgot. i komment. L.V. Kalyuzhnoi, T.G. Nikiforovoi, V.A. Fateeva, V.Yu. Shvedova. SPb.: Izd-vo “Pushkinskii Dom”, 2018. (“Russkie besedy”. RAN, Institut russkoi literatury (Pushkinskii dom); Gosudarstvennyi muzei L.N. Tolstogo)], *Bulletin of Russian Foundation for Basic Research. Humanitarian and Social Sciences*, 2019, No. 2, pp. 201–204. (In Russian)

М.А. Маслин

**Русская мысль в письмах В.В. Розанова и П.П. Перцова.
Новые материалы (1896–1918)**

Рецензия на: Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова (1896–1918): в 2 т. / Вступ. ст. Е.И. Гончаровой; сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой и О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. Т. I: «На новые пути» (1896–1902). 784 с.; Т. II: «Под колесом истории» (1903–1918). 784 с.

Маслин Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4; e-mail: mmaslin@yandex.ru

Рецензия представляет изданное известным издательством «Пушкинский Дом» (Санкт-Петербург) двухтомное собрание писем В.В. Розанова и П.П. Перцова (1896–1918). Это впервые изданное, с большим тщанием исполненное на высокопрофессиональном уровне полное собрание переписки известных мыслителей – Василия Розанова и Петра Перцова. Издание подготовлено архивистами, научными сотрудниками петербургского Пушкинского Дома – Института русской литературы. Автор вступительной статьи – директор и основатель Издательства «Пушкинский Дом» Е.И. Гончарова. О.А. Фетисенко совместно с Е.И. Гончаровой принадлежит составление, подготовка текстов и комментарии. Двухтомник отличается высоким уровнем полиграфии, содержит отличный библиографический аппарат. Он включает: список сокращений, перечень архивохранилищ, списки периодических изданий, книг и публикаций, собраний сочинений В.В. Розанова; архивные фотографии, фрагменты писем и др. Кроме того, двухтомник содержит указатели упоминаемых произведений В.В. Розанова и П.П. Перцова, а также аннотированный указатель имён. Комментарии расположены сразу же за публикуемыми письмами, а не в конце книги, как бывает обычно. К сказанному надо добавить также, что письма, расположенные в книге по хронологии, имеют сквозную нумерацию, что также облегчает работу с ними.

Ключевые слова: русская мысль в письмах, В.В. Розанов, П.П. Перцов, А.П. Суслова, Н.Н. Страхов, «Парабола», «Апокалипсис нашего времени»

Для цитирования: Маслин М.А. Русская мысль в письмах В.В. Розанова и П.П. Перцова. Новые материалы (1896–1918) // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 1. С. 116–129.

«Геометрическое» название вступительной статьи Е.И. Гончаровой «Парабола “великой и прекрасной” дружбы» (от греч. *παραβολή*, т.е. «приближение») подразумевает на самом деле и название незавершённого трактата Перцова – «Парабола», над которым он работал всю жизнь и проект которого неоднократно упоминался им в процессе эпистолярного общения. Этот трактат представлял по своему замыслу масштабную авторскую интерпретацию мировой философии истории. Розанов называл в письмах этот труд «исторической фугой» и рекомендовал автору найти определённое сходство между ним и своим ранним сочинением «О понимании», что так и не было сделано Перцовым. В качестве параболы, т.е. кривой линии, можно фигурально обозначить и общий характер переписки. Он был неровным, с перерывами и частыми выражениями разногласий и споров, особенно обострившихся с середины 10-х гг. прошлого века. Иными словами, это переписка интересных друг другу корреспондентов, которые взаимно нуждались в дружбе и дружеской помощи, но их нельзя было бы назвать друзьями-единомышленниками. Большая часть писем посвящена обсуждению различных литературных и публицистических проектов, сочинений как Розанова, так и Перцова.

Перцов, как свидетельствует переписка, не только продвигал в печать сочинения Розанова, но и вносил в них свою редакторскую правку. Однако Розанов, очень бережно относившийся к «рукописности» своих работ, в последующем их издании возвращал написанное к первоначальному, задуманному автором состоянию. Это не подразумевало какого-то несогласия с проделанной Перцовым редакторской работой как таковой. По-видимому, правку Розанов воспринимал как неприятное ему нарушение общего строя рукописности своих текстов. Его дочь – Т.В. Розанова – свидетельствует в своих воспоминаниях об отце, что он никогда не переписывал на бело свои рукописи, считая, что написанное является аутентичным выражением формы его мысли, поскольку «форма была ему присуща ранее того, чем он её выразил на бумаге»¹ и «в этом была его гениальность». Очевидно, розановское «почти на правах рукописи» (подзаголовок «Уединённого») означало, что изложенным на бумаге он как бы возвращал в написанный текст первоначальную форму своей мысли.

Можно сказать, что в письмах ещё ярче, чем в текстах, предназначенных для печати, проявился живой характер Розанова, который был «очень экспансивен, жив, несдержан, но очень откровенен»². В целом же можно сказать, что, несмотря на большее количество писем Перцова, он играл в переписке с Розановым роль ведомого. Ведущее место занял Розанов благодаря особой энергии своего слова, пусть зачастую и «непричёсанного», зато имеющего печать неподдельной искренности и убеждённости. Это чувствуется во всём пространстве переписки, а именно в её политических сюжетах, обсуждении впечатлений о зарубежных поездках, спорах по религиозно-философским вопросам и проблематике философии пола и семьи.

Комментарии Е.И. Гончаровой и О.Л. Фетисенко весьма информативны и совсем не напоминают худшие примеры, когда они сводятся просто к пересказу комментируемого сюжета иными словами. Комментарии также содержат указания на первое опубликование письма и на место его хранения (они расположены удобно – на полях, напротив публикуемого документа). Все это, конечно, максимально облегчает чтение писем. Нельзя не отметить такую колоритную и симпатичную для книжников деталь, как сохранение в публикуемых текстах, при общем соблюдении правил современной орфографии, некоторых сочных архаизмов: *троттуары*, *эпизоды*, *крылушки*, *извощик* и др. Словом, Е.И. Гончарова и О.Л. Фетисенко сделали и,

¹ Розанова Т.В. Воспоминания об отце – Василии Васильевиче Розанове и всей семье // В.В. Розанов: Pro et Contra. Антология. Кн. I. СПб., 1995. С. 83.

² Там же.

по-видимому, даже угадали всё необходимое и возможное для того, чтобы у читателя возникло ощущение подлинности прикосновения к письмам двух замечательных русских мыслителей конца позапрошлого и начала прошедшего века.

Отдельной оценки заслуживает высокое качество комментариев. Они вместе с опубликованными письмами составляют единое смысловое пространство, дополняя друг друга и давая разъяснение сложных вопросов. В качестве примера возьмём комментарии на письмо Перцова от 12.03.1901 и на ответное письмо Розанова от 13.03.1901 (Письма 218 и 219). Комментарии к этим письмам не ограничиваются лишь объяснениями истории первого брака Розанова с А.П. Суловой. Они опираются на новейшую исследовательскую литературу и архивные разыскания³, которые служат иллюстрацией генезиса философии пола Розанова. Особенное значение в этом контексте имеет опубликованное Е.И. Гончаровой письмо Розанова, в котором он по просьбе А.С. Глинки-Волжского изложил историю своих отношений с А.П. Суловой, назвав её «мистической трагедией»⁴. (Фрагмент письма воспроизводится на с. 402 2-го тома). Письма 218 и 219 посвящены драматической теме «незаконнорождённости» пятерых детей Розанова и связанной с ней истории тщетных попыток получить развод от его первой жены А.П. Суловой. Перцов в своём письме предложил Розанову опереться на опыт бракоразводного процесса поэта К.Д. Бальмонта и его жены, актрисы А.М. Гарелиной в 1894–1896 гг. Бальмонт развёлся с женой, «взяв вину на себя», и подал на Высочайшее имя прошение о разрешении вновь вступить в брак. Брак был дозволен, и дети от него были признаны «вполне законными». По мысли Перцова, Розанов как «особа общеизвестная» имеет больше шансов получить такое же разрешение, чем «какой-нибудь Бальмонт», при том что можно было бы заручиться поддержкой «Константина Петровича» (Победоносцева) и подключить к ходатайству детей. Перцов полагал, что даже несмотря на то, что на Розанова «злы попы» после его выступлений на тему церковного брака, этот вариант имел бы шансы на успех. Однако успеха не было. Так, В.А. Тернавцев, по просьбе В.В. Розанова, ездил в Крым, где жила А.П. Сулова, с целью уговорить её дать согласие на развод. Результатом была телеграмма в Петербург следующего содержания: «Убеждал долго настойчиво решительно гневный отказ»⁵.

В ответ Перцову Розанов написал следующее: «Года 4 назад я с восторгом ухватился бы за “концепцию” развода и узаконения. Кое-что в этом роде и было: сознавая всю правоту, я написал через Рачинского Победоносцеву некое уныло-раздражённое письмо, что собственно до термина “незаконнорождённые” мне дела нет, но имею право требовать и требую, чтобы дети получили мою фамилию и были за мною записаны моими детьми, с какими угодно добавлениями, хоть “вверх ногами рождённые”. Рачинский – сушь, но Победоносцев – добрый человек и очень любит детей. Но через него ответили, что “даже государь этого сделать не может”»⁶. В следующем письме, датированном, как и письмо Розанова, 13 марта, Перцов, как представляется, обнаружил свою неспособность понять суть драмы Розанова с разводом и «незаконнорождённостью» детей, поскольку обвинил его в каком-то «аристократизме» и «геройстве» и посчитал, что он должен был решить вопрос о детях «поконкретнее», без того, чтобы «их под спуд ставить»⁷. Долгие мытарства закончились вместе со снятием печати «незаконнорождённости» с пятерых детей Розанова

³ См.: Гончарова Е.И. «Мистическая трагедия»: В.В. Розанов и А.П. Сулова (по материалам архивных разыскания) // Русская литература. 2022. № 3. С. 145–156.

⁴ Там же. С. 152–156.

⁵ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. I. С. 666.

⁶ Там же. С. 662.

⁷ Там же. С. 667.

после его обращения на Высочайшее имя. Как пишет Т.В. Розанова: «Мы были узаконены и получили отчество и фамилию отца. Положение же матери оставалось неизменным, поэтому отец, когда писал “Уединённое” и “Опавшие листья”, называл мать “другом” – он не мог назвать её официальной женой»⁸. По-видимому, совет Перцова «решать вопрос о детях поконкретнее» свидетельствовал о недооценке им того значения, которое для Розанова имел вопрос о святости семьи и брака, о понимании «семьи как религии». Розановым этот вопрос ставился отнюдь не только и не столько как вопрос личный, но в значительно более широком общественном контексте. Ведь он вёл неустанную борьбу против церковного регулирования брака, имея в виду защиту ценностей любви и семьи, которые он считал важнейшими в жизни человека, бросая вызов устаревшему семейно-брачному законодательству.

Метафизику пола Розанова Перцов не понял и не принял, возможно, унаследовав неадекватное восприятие этой темы от времён сотрудничества с «Русским богатством» Н.К. Михайловского (последний оценил творчество Розанова в качестве «философической порнографии»). В отличие от критики Розанова «слева» народническим социалистом Михайловским, Перцов в своих письмах критикует своего корреспондента «справа» за его антихристианские выпады, даже называет его «одним из предшественников Антихриста»: «Да отрекитесь Вы, ради всего святого, от Христа, а то ведь без этого Вашей мысли всё время приходится змейкой виться... не всё чисто между Вами и Христом: Вы бы ему в глаза с этой проповедью не могли смотреть. А отрекитесь – и всё будет в порядке»⁹. Полемика Розанова и Перцова на тему метафизики пола и её отношения к христианству часто повторяется в переписке, причём тональность в этой дуэли различная: у Перцова – нападающая, а у Розанова – разъясняющая. Розанов даже находит «глубокомысленным и прекрасным по форме» всё, что Перцов пишет «о моём отношении к христианству». Тем не менее «ведь чувствую я – что прав; и что если когда-нибудь приведётся христианству в корне быть поколебленным – то именно в этом пункте, в его ужасной “бесплотности”, когда плоть-то (брак, семья, дети, родители) существенно *религиозны*... мой пункт – что христианство морально не право, что оно отрицает простейшее и смиреннейшее...»¹⁰. Сознание Розановым своей правоты покоилось на убеждении, что всё, связанное с полом, христианство задвинуло в область неприличного и стыдного, что привело к деформации брачно-семейных отношений. Кроме того, Розанов замечает, что в обсуждаемом между ними вопросе у него «есть своя и личная причина писать так и о том, как и о чём я пишу»¹¹ (он подразумевает вопрос о своём втором браке и детях от него). Отсюда следует его выпад в сторону церкви: «если пол отрицается в христианстве (а он, конечно, *отрицается* церковью), то, конечно, брака в нём и не содержится: т.е. церковь всё время фальшивила и притворялась в одном из своих таинств»¹². Вместе с тем Розанов разделяет свою веру в Христа и наличное состояние православной церкви, препятствующей признанию законности своего брака: «Я верю, что Господь есть, что Любящий меня и Заботящийся обо мне есть: довольно, и умру с этим»¹³.

Рецензируемый двухтомник подтверждает мысль о том, что письма являются ценными источниками особого рода – это образцы «живой философской мысли», с множеством имён, событий и конкретных биографических свидетельств об эпохе,

⁸ Розанова Т.В. Воспоминания об отце – Василии Васильевиче Розанове и всей семье // В.В. Розанов: Pro et Contra. Антология. Кн. I. СПб., 1995. С. 85.

⁹ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. I. С. 333.

¹⁰ Там же. С. 235.

¹¹ Там же. С. 456.

¹² Там же. С. 458.

¹³ Там же. С. 459.

поэтому упомянутые в них подробности, относящиеся к жизненному миру и миру идей, очень важны и ничем не заменимы. Так, из последнего письма Розанова, написанного перед отъездом из Петрограда, мы узнаём, что своё предсмертное произведение «Апокалипсис нашего времени» он начал писать не после переезда семьи в Сергиев Посад (как полагала утвердившаяся в историографии версия), а ещё находясь в Петрограде, сразу после Февральской революции и отречения Николая II, т.е. после 2 марта 1917 г. В том же письме он сообщает о работе над своим последним произведением, называя его «Апокалипсисом Ненавидения». В письме Розанов сообщает: «Я написал, 2 – 3 – 5 марта: “Истаяние Царства. (В утешение русским)”»¹⁴.

Переписка началась письмом Перцова Розанову от 7 ноября 1896 г. и завершилась его же письмом от 7 (20) сентября 1918 г. (фрагмент первого письма Перцова воспроизводится на с. 401 т. II). По данным Розановской энциклопедии, всего сохранилось 231 письмо Розанова к Перцову и 267 писем Перцова к Розанову (место хранения – РГАЛИ. Ф. 796. Оп. 1. Ед. хр. 77–78, 176–186)¹⁵. В двухтомнике, подготовленном Е.И. Гончаровой и О.Л. Фетисенко, опубликовано 499 писем, т.е. на одно больше, чем указано в Розановской энциклопедии. Если сравнить общее количество писем двух корреспондентов, то очевидно, что «перевес» в этом эпистолярном общении принадлежал Перцову, литератору с широким кругозором, писателю, журналисту, критику и литературоведу, не чуждому новых «декадентских веяний». Перцов познакомил Розанова с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус, организовывал его контакты с питерскими интеллектуалами. Например, в письме от 27.02.1899 г. он сообщает: «В воскресенье к Вам собирается целое сонмище гостей. А именно: 1. З.Н. Мережковская (может быть) 2. Д.С. Мережковский 3. Дмитрий Владимирович Философов 4. Сергей Павлович Дягилев 5. Соллогуб 6. Я. Итак, ждите. Ваш П. Перцов»¹⁶. До встречи с Розановым Перцов имел уже достаточную известность как автор, составитель и издатель ряда литературных сборников, среди которых можно выделить «Философские течения в русской поэзии» (1896), посланный Перцовым своему будущему корреспонденту. Конечно, литературный и общественный резонанс сочинений Розанова был неизмеримо выше. Разница в отношениях двух корреспондентов к собственной литературной репутации была существенной. Если Перцов предпочитал «оставлять в тени» все обстоятельства личной жизни, то Розанов буквально «выворачивал себя наизнанку», сделав многие приватные сюжеты, в том числе эпистолярные, предметом общественного достояния. Нельзя не согласиться с мнением Е.И. Гончаровой относительно того, что именно Перцов, а не Розанов первым искал контактов и встреч, поэтому его письмо от 7 ноября 1896 г. открывает настоящее издание (фрагмент первого письма Розанова Перцову от 9 ноября 1896 г. воспроизводится на с. 400 первого тома). Хотя по большей части своих корреспондентов Розанов находил сам, в том числе Н.Н. Страхова, К.Н. Леонтьева, С.А. Рачинского, П.А. Флоренского и др. Он хотел бы иметь в качестве постоянного корреспондента и Владимира Сергеевича Соловьёва, но в этом случае одного его желания оказалось недостаточно.

В результате интерактивного общения со своими корреспондентами Розанов создал знаменитый жанр «Литературных изгнанников», выступая в качестве своеобразного блогера задолго до появления эпохи интернета и проявляя недюжинные способности интеллектуального предсказателя, который безошибочно распознал

¹⁴ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. II. С. 605.

¹⁵ *Эдельштейн М.Ю.* Перцов П.П. // *Розановская энциклопедия* / Сост. и гл. ред. А.Н. Николокин. М., 2008. С. 688. Вполне справедливо мнение о том, что такое счастливо сохранившееся обилие писем объясняется физиологической особенностью Перцова, а именно глухотой, затруднявшей его очное разговорное общение со всяким собеседником.

¹⁶ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. I. С. 342.

тогда ещё малоизвестные философские таланты и предугадал в своём «блоге» их будущее значение для русской философии. Эпистолярный способ общения как таковой Розанов мастерски использовал для созданной им самим своего рода технологии *public relations*, включая письма своих корреспондентов в свои сочинения, вступая с ними в очную и заочную полемику – что, несомненно, способствовало популяризации его сочинений среди разных категорий читателей. Переписка с Перцовым не была доведена до отдельного выпуска «Литературных изгнанников», хотя она представляла для этого большие возможности, но времени и внешних условий для её сборки в этом жанре угасавшему в Сергиевом Посаде Розанову не было отпущено. Переписка с Перцовым длилась почти до самой его кончины.

С таким корреспондентом, как Перцов, Розанову, несомненно, повезло. Признания благодарности в адрес своего корреспондента Розанов высказывает многократно и даже вставляет их в примечания к последующим изданиям своих произведений: «Приход Перцова (П.П.) и вскоре предложение им издать сборники моих статей – было собственно началом “выхода к свету”. У меня не было до этого самых знакомств, самого видения лица человека, который бы мне помог куда-нибудь выбраться»¹⁷. Благодарить Перцова было за что. За 1899–1900 гг. Перцов издал четыре сборника статей Розанова, причём взял на себя составление, подбор статей и редактирование: «Сумерки просвещения», «Религия и культура», «Литературные очерки» и «Природа и история». Тронутый такой заботой, Розанов предложил Перцову поселиться вместе на одной съёмной квартире, на что Перцов ответил решительным отказом, сославшись на потребность «в абсолютной свободе окрест меня». Розанов настолько проникся благодарностью к своему корреспонденту, что в качестве приложения к письму от 19 мая 1898 г., ссылаясь на то, что адресат его является дипломированным юристом, направляет Перцову подписанное собственноручно «духовное завещание»(!), содержащее подробные распоряжения относительно имущества между наследниками – женой и детьми. Розанов, боровшийся с «незаконнорождённостью» своих детей, в конце завещания обращается в Литературный фонд с просьбой вмешаться и «охранить права моих жестоко именуемых “незаконными”, но в точности законных и любимых мною детей и жены, тайно обвенчанной же со мною, от посягательств фиктивно-законной жены»¹⁸.

Сравнивая общую тональность писем Перцова и Розанова, нельзя не прийти к выводу, что мировоззренческие итоги интенсивного эпистолярного общения двух мыслителей, отражавшие растущую поляризацию русского общества в промежутке от 90-х гг. XIX в. до 10-х гг. XX в., можно оценить как шедшие в разных направлениях. Литературный профессионализм и эпистолярное мастерство обоих корреспондентов имели разные основания. Инициатор переписки – дворянин, собственник костромского имения, состоятельный человек, использовавший свободные средства на литературные занятия, которые имели чисто «умственное» происхождение и были своего рода интеллектуальным «хобби». С другой стороны – мещанин из многодетной семьи, рано потерявший отца и выбившийся в люди благодаря поддержке старшего брата, «литературный подёнщик», нередко отмечавший в своих эпистолярно-литературных признаниях, сколько денег он заработал за день литературного труда, и с гордостью сообщавший, что около него кормится 11 человек, из них 5 детей и хронически больная жена. Розанов, по-видимому, завидовал своему не скованному материальными заботами и журнально-газетными обязательствами корреспонденту, жившему подолгу за границей, и, занятый вечно работой, просил «открыть ему кредит» с последующей отдачей в рассрочку, на покупку старинных

¹⁷ Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. С. 133.

¹⁸ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. I. С. 203.

монет и различных «египетских артефактов», которыми он страстно интересовался. В начале длинного письма от начала декабря 1897 г., направленного Перцову в Рим, он пишет: «Счастливы Вы человек, что можете ещё жить как Гёте, и Бог дал Вам к средствам и вкус, и умственный интерес. Не растеряйте же этих даров Божиих, будьте целомудренны в работе, в препровождении времени»¹⁹.

По окончании нелюбимой работы в провинциальных гимназиях и после переезда в Петербург, осуществлённого благодаря содействию Н.Н. Страхова, Розанов начинает новый период в жизни, публикуется в газетах и журналах, начинает приобретать литературную известность. Бескорыстную поддержку ему на этом поприще стал оказывать Перцов (также недавно ставший петербуржцем), заменивший отчасти прежнего розановского покровителя – Н.Н. Страхова. При всём уважении Розанова к учёной философской личности Страхова, сохранённом на всю жизнь (его дочь – Т.В. Розанова была крёстной дочерью Страхова), богоискательство Розанова и кружка «молодых славянофилов на Петербургской стороне», куда входили кроме Розанова также Н.П. Аксаков, И.Ф. Романов («Рцы») и С.Ф. Шарапов, явно противоречило мировоззрению «старого славянофила» Страхова. Познакомившись с этим кружком, «Страхов, изголодавшийся по личному славянофильству, по отсутствию живых славянофилов «которых можно пощупать руками – и они шевелятся» (ибо другие – покойники)»²⁰, был в итоге разочарован, встретив вместо «славянофилов» «наших декадентов».

После Страхова важнейшие услуги по части опубликования произведений Розанову оказал Перцов. Первое письмо Перцова, положившее начало переписки, представляет собой в основном положительный отклик на розановскую статью-некролог, посвящённую памяти недавно скончавшегося Страхова. Характерно, что в письме сделан акцент на «глубокой религиозности» Страхова, на его консерватизме и приверженности к «служению». Славянофильские симпатии Перцова, проявившиеся в начале переписки с Розановым, могли бы выглядеть в глазах последнего неубедительно, если принять во внимание его контакты с «декадентами» и тем более прошлое его сотрудничество с Н.К. Михайловским и публицистами круга «Русского богатства». Но никаких замечаний по части выбора той или иной газетной или журнальной площадки для любых контактов своего корреспондента и их тональности Розанов никогда не высказывал, демонстрируя ту особенную гибкость, о которой сам он писал следующее: «– Сколько можно иметь мнений, суждений о предмете? / – Сколько угодно... Сколько есть “мыслей” в самом предмете: ибо нет предмета без мысли, и иногда – без множества мыслей. / – Итак, по-вашему, можно иметь сколько угодно нравственных “взглядов на предмет”, “убеждений” о нём? / – По-моему и вообще по-умному – сколько угодно»²¹. При этом же Розанов всегда оставался «себе на уме» и недоволен бывал только тем, что «мало обо мне пишут», а что пишут, не так и важно. Он охотно шёл на контакты с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус, не разделяя, однако, их идеи относительно «Новой церкви», придерживаясь собственной версии того, что Мережковский, а вслед за ним и Бердяев называли «новым религиозным сознанием».

Иное дело – Перцов, текстам которого при всей их талантливости, неоднократно отмеченной в письмах его корреспондента, всё же не хватало индивидуального своеобразия. О недостаточной авторской самостоятельности Перцова Розанов писал следующее: «Недостаток Перцова заключается в недостаточно яркой и даже

¹⁹ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. I. С. 148.

²⁰ Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. С. 125.

²¹ Розанов В.В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2005. С. 412–413.

недостаточно определённой индивидуальности»²². Влияние Мережковского на Перцова было значительным, оно приближалось к учительству. Это подтверждается и контент-анализом именного указателя к двухтомнику, где имя Мережковского является самым часто упоминаемым в письмах Перцова²³. От Мережковского он унаследовал не только эстетическую привязанность к художественной литературе, но и неохристианскую концепцию «Третьего Завета», чего нельзя было сказать о Розанове. Правда, согласие с «новым религиозным сознанием» Мережковского, как, впрочем, и влияние на Перцова розановской критики наличного состояния православной церкви, оказалось преходящим и подверженным изменениям. Это подтверждается собственным признанием Перцова, сделанным в письме от 15.07.1901 г.:

Я чем далее, тем более помимо всякой воли становлюсь «правоверным». Я начал с самого легкомысленного отношения к христианству (не говоря уже о либеральном «отрицании» – ну, это уж очень давно), всё мне казалось, и долго и в разных видах, что христианство можно принимать только условно или частично, что его нужно реформировать, реставрировать, комбинировать с другими всемирными религиями и т.д. и т.п. Тут подоспели Вы с Вашей новой религией, после Мережковский с его новой церковью. И долго я был убеждён, что будет новая религия или новая церковь. И теперь я вижу, что всё это вздор. Не будет ничего «нового», кроме новой земли и новых небес, но это уже – по ту сторону²⁴.

Розанов, «беззаветно любящий», по его словам, семейную жизнь (как известно, один из его псевдонимов – В. Варварин – образован от имени любимой жены – Варвары Дмитриевны Бутягиной), использовал Петербургские Религиозно-философские собрания 1902–1903 гг., инициированные Мережковским и Гиппиус, прежде всего для привлечения внимания к теме семьи, для борьбы с церковным законодательством, ущемлявшим права незаконнорождённых, в том числе его собственных детей. Все попытки Мережковских втянуть Розанова в свою «новую церковь» оказались безуспешными по главной причине, объяснённой самим Розановым: «Нельзя не обратить внимания, что все связанные “кольцом Мережковского” суть люди бездетные и, кажется, в сущности безжённые. “И нашему брату там невозможно”»²⁵.

Переписка показывает, что сблизившие обоих корреспондентов начальные консервативные и «славянофильские» позиции, осложнённые «декадентскими» включениями, постепенно размывались, а начиная с 1910-х гг. их интеллектуальные контакты всё чаще стали принимать противоречивый характер. Характер дружеской переписки менялся, главным образом по причине эволюции политических воззрений Перцова в либеральном направлении. Что же касается Розанова, то после смерти Страхова, память о котором оказалась стимулом к первоначальному сближению обоих корреспондентов, он отходит от страховского «почвеннического» традиционализма и погружается в исследование философии пола в его связи с религией²⁶. Эта тема, как известно, была в значительной степени определена «незаконнорождённостью» его детей от счастливого брака с В.Д. Рудневой (Бутягиной).

После Февральской революции Перцов становится убеждённым республиканцем и «февралистом», о чём свидетельствуют следующие его строки из письма от 20 марта 1917 г.: «Вы мои взгляды знаете – я, конечно, рад перевороту (даже из самолюбия рад), всецело за республику. Вижу великие горизонты, вдруг распахнувшиеся

²² Розанов В.В. Листва // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2010. С. 311.

²³ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. II. С. 731–732.

²⁴ Там же. Т. I. С. 693–694.

²⁵ Цит. по: Фатеев В.А. Жизнеописание Василия Розанова. Кострома, 2002. С. 354.

²⁶ Подробнее о сближении и последующем расхождении Розанова и Перцова вокруг памяти о Н.Н. Страхове см.: Фатеев В.А. Н.Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха. СПб., 2021. С. 556–559.

впереди, хотя и ранее уже мерещившиеся»²⁷. Будущее России, полагал Перцов, может быть связано с Америкой, причём «такая минутка в её истории» может даже растянуться «на столетие-два». Перцов задаётся вопросом: «...почему не качнуться “маленько” и в сторону Америки, с которой много общего (“демократизм”, “естественные богатства”, континентальность, даже в климате много общего)?»²⁸. В ответном письме на вопрос Перцова о возможности для России «американского пути» Розанов отвечает отрицательно, подразумевая под невозможностью брать в качестве образца для подражания американское торгашество: «Базар (= Америка) был, батюшка, и в Вавилоне, и в Риме, и в Афинах; но “базарное” прошло, а остались Талмуд, т.е. жидовский храм, Святая София, Церковь Святого Марка»²⁹. Критические оценки американизма Розанов высказывал и ранее, в «Мимолётном» и в ряде статей. Так, в «Итальянских впечатлениях», после посещения Салерно и Флоренции, где всё дышит духом истории и культуры, он по контрасту даёт следующую оценку американизму: «Америка есть первая страна, даже часть света, которая, будучи просвещённой, живёт без идей. Она не имеет религии иначе как в виде религиозности частных людей и частных обществ, не имеет в нашем смысле государства и правительства»³⁰.

В отличие от Перцова, допускавшего грубые ругательства в адрес личности царя – «Николая Гнилого», «супруга m-m Распутиной», Розанов берёт под защиту монархию как исторический национальный институт, формировавший лицо России в течение столетий: «Моя идея: Что ПРАХ И ТО “СТРЯСАЙ С НОГ”; что ВЕЧНО – того держись»³¹. Отсюда понятно, что американизм как чуждый для России образец для подражания Розанов никак не мог принять, и в ответ Перцову он пишет следующее: «А Николая “Гнилого” (кличка Перцова. – М.М.), хотя бы всё в нём понимал, но ИСТОРИЧЕСКИ смежу глаза и всё же ЗА НЕГО УМРУ. И не хочу критиковать, порицать. НЕ СМЕЮ. А революции, даже торжествующей, плюну в глаза. “В её бесстыжие глаза”»³². Давая свою оценку отречению Николая II от престола, Розанов написал, в противоположность Перцову: «Моё слово о прекрасном Романове: что он тихо сошёл с престола, без ломки, почти без огорчения, как Михаил (Романов. – М.М.) вошёл на престол, вошёл из монастыря»³³.

Антиреволюционный пафос послефевральских высказываний Розанова вызвал у Перцова обвинения в беспринципности в его адрес, которые были совсем не новы, если учесть, что Перцов хорошо знал тексты Розанова и его критиков периода Первой русской революции, которые также многократно обвиняли его в политическом аморализме. Перцов советует Розанову «не трогать темы монархия-республика» ввиду неприятного ему «дореволюционного» настроения своего корреспондента и задаёт ему «ехидный» вопрос с намёком на прошлую будто бы прореволюционную работу «Когда начальство ушло»: «...что, если начальство опять “уйдёт” – Вы его и не вспомните?»³⁴. Однако переломить веру Перцова в идеальную республику Розанов был не в состоянии, единственное, в чём он хотел убедить своего оппонента, так это то, что он не является «непоколебимым» монархистом, вроде М.О. Меньшикова. В обширном письме в апреле 1917 г. он пишет, что в принципе не возражает против республики, «если она пойдёт по-русски», а не как «сытая и довольная собою скука» наподобие Соединённых Штатов, и если не вернуться времена, как

²⁷ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. II. С. 565.

²⁸ Там же. С. 450.

²⁹ Там же. С. 454.

³⁰ *Розанов В.В. Среди художников // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1994. С. 112.*

³¹ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. II. С. 455.

³² Там же.

³³ Там же. С. 573.

³⁴ Там же. С. 565.

в 70-х гг. XIX в., к «Царю Некрасову и гонимому нищему Александру II»³⁵. Далее следует пояснение того, что значит «республика по-русски»: «“Что нам царство”: подавай – Берендея, сказку, песню, Пушкина, Лермонтова, Тютчева». Вот почему «в идеях я за *долгое* существование республики, и “царства”, пожалуй, – совсем, действительно, не надо: опять начнутся “интриги при дворе”, лъстящие министры, пройдохи, “III отделение”...»³⁶.

Как представляется, суть увеличивающегося отчуждения в отношениях двух корреспондентов состояла вовсе не в доктринальной приверженности к политическому республиканизму у Перцова и в каком-то его опровержении Розановым (такового и не было). Розанов вовсе не прибегал к какой-либо рациональной политической аргументации против республики. Очевидно, однако, что достаточно смутное и расплывчатое либеральное понимание будущего России по образцу Америки Перцовым шло вразрез с глубинным метафизическим ощущением своей родины Розановым, против которого Перцову было, в сущности, нечего возразить. В «Уединённом» читаем: «*Голод. Холод. Стужа*. Куда же тут республики устраивать? Родится картофель да морковка. Нет, я за самодержавие. Из тёплого дворца управлять “окраинами” можно. А на морозе и со своей избой не управисься. И республики затевают только люди “в своём тепле” (*декабристы, Герцен, Огарёв*)»³⁷.

Былой снисходительности к разным мнениям о России, которую он «только и делал, что ругал», по его собственному признанию, положила предел Февральская революция. В действительности падение монархии в России не внесло никаких принципиальных перемен во взглядах Розанова на революционный радикализм. Оскорбительная ирония Перцова в адрес Розанова относительно того, что взгляды его изменились, когда «начальство ушло», была воспринята им «невыразимо больно»: «Я ничуть не меняюсь, хоть Вам и кажется»³⁸. Он отвечает Перцову вполне порозановски: «Я радуюсь, что Царь отрёкся от *такой* России: где нет подданных, какой же Царь», если его подданные ничего не сделали для сохранения царства в отличие от деловитых радикалов с их «прямотой, ясностью и грубоватостью»³⁹. Тогда как наши «мудрецы а la Н.Н. Страхов, Н.Я. Данилевский, Кон. Леонтьев и даже “великие Катков и Леонтьев” (и я) буквально онанисты под одеялом, потели, пердели и ничего не сделали, ни для себя, ни для России»⁴⁰. И далее заключает: «В *делах* славянофильство – это такая сволочь, что и разговаривать нечего. Это решительно *всегдашнее моё мнение*»⁴¹.

В одном из своих «послефевральских» писем, написанных ещё из Петрограда, до переезда в Сергиев Посад, Розанов проводит сравнение между двумя русскими революциями – 1905–1907 гг. и революцией Февральской 1917 г. Он пишет о том, что разница между ними налицо: во время Первой революции «вся Россия разволновалась... но ничего ровно не вышло»⁴². А в феврале-марте 1917-го, хотя «решительно ничего не произошло», кроме того, что «образовались за чёрным хлебом хвосты», «всё свершилось» и «Дома Романовых больше не бысть»⁴³. Далее он задаёт вопрос непосредственно своему корреспонденту – стороннику республики: «Вы думаете, очевидно, всё это для *beaux yeux* (красивых глаз. – М.М.) Плеханова, Верочки Фигнер и князя П. Кропоткина. Удивительно. Я Вам скажу – наоборот: всё

³⁵ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. II. С. 598.

³⁶ Там же.

³⁷ Розанов В.В. Уединённое. М., 1990. С. 182.

³⁸ Там же. С. 596.

³⁹ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. II. С. 596.

⁴⁰ Там же. С. 597.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 571.

⁴³ Там же.

для beaux yeux Розанова и Флоренского, который ровно так умён, как умён... потому что они-то уж “в Бога верят. И чтут Его»⁴⁴. Далее Розанов пишет о том, что «Русь есть Русь» и «без царя, Патриарха и толстого купца», и предсказывает, что революция есть «начало победы Розанова и Флоренского. С сего часа Плехановы и Веры Фигнер начнут таять, яко снег в марте и истают... И к 1980 году “о Плехановых никто не будет упоминать”, ибо все уже будут засматриваться на “Святой ход” Нестерова и зачитываться “Уединённым” и “Опавшими листьями” В. Розанова»⁴⁵.

Удивительным образом предсказания Розанова сбылись. Хотя последние письма Перцову, написанные после переезда в Сергиев Посад, наполнены глубоким пессимизмом и унынием и одновременно злой иронией по поводу розовых «республиканских» ожиданий Перцова. В письме от 3 (16) сентября 1918 г. он пишет: «Зябну. Голодно. Дров чуть-чуть. Таня готовит обед. В доме *только несколько копеек*. Ужас... А помните Ваше в Санкт-Петербург письмо “3-й день русской республики”. Нагулялись с республикой. Экая гоголевщина. Вонючая, проклятая»⁴⁶. Розанов припомнил Перцову его письмо от 1 марта 1917 г., датированное «3-им днём русской республики», наполненное энтузиазмом «февралиста» и ненавистью к «Николаю Гнилому». Переписке осталось продолжаться недолго. Тем не менее хотя Розанов заявил: «...решил больше Вам не писать и не высылать “Апокалипсис”. Вообще – порвать»⁴⁷, – однако в том же письме не отменяет своего приглашения Перцову приехать в Сергиев Посад: «Комната есть свободная. Жрать нечего. “Нищи и убоги”. Приезжайте всё-таки»⁴⁸. Перцов не приехал, сославшись на трудности пореволюционного времени...

В другом письме, будучи нацелен на решительное объяснение и на разрыв отношений (не доведённый до логического конца в самом письме), Розанов пишет: «...так как вижу, что настал “кризис” нашей дружбы, то хочу Вам сказать “на прощанье” или (лучше бы) *не* на прощанье, что вся та великая и прекрасная дружба, какая нас связывала без малого 20 лет, остаётся во мне, что я никогда не забуду “того Петю Перцова”, который приехал ко мне на Павловскую знакомиться, и всю ту бесчисленную помощь “делом, словом и помышлением” (а ведь “дела”-то всегда вытекают, конечно, из **помышления**)»⁴⁹. Заканчивается письмо, вопреки заявленному в начале намерению о разрыве, признанием, вполне в розановском самопротиворечивом духе: «Прощайте, целую, люблю. *Все мы очень несчастны*, и Розановы, и Перцовы, счастлива только Верочка в монастыре, шлющая нам чудные письма, и нас утешающая ими и подкармливающая»⁵⁰. Веру, дочь Розанова, жившую послушницей в Воскресенско-Покровском монастыре около Луги, также ждала несчастная судьба – она покончила жизнь самоубийством летом 1919 г.

Это длинное и очень грустное письмо, написанное в июне-июле 1918 г. может рассматриваться в качестве своего рода эпилога не только ко всей переписке с Перцовым (Розанову оставалось жить немногим более года). Розанов «подводит итоги», вспоминает петербургскую интеллектуальную «тусовку» конца прошлого века, декадентские литературные круги, где они повстречались с Перцовым. Письмо насыщено меткими дружескими характеристиками: «гениальный туняец Рцы», «озорник Шарাপка (С.Ф. Шарапov), «милый Саввушка» (С.К. Эфрон), «декадент под Мережковским» (Перцов) вперемешку с язвительно-насмешливыми оценками «славянофильского гнезда» в Государственном контроле, куда он попал на службу

⁴⁴ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. II. С. 571.

⁴⁵ Там же. С. 571–572.

⁴⁶ Там же. С. 636.

⁴⁷ Там же. С. 631.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 619.

⁵⁰ Там же. С. 628.

по протекции Н.Н. Страхова. Все эти «славянофилы», а именно Т.И. Филиппов, Н.П. Аксаков, А.В. Васильев, «были тусклы, скучны, невыносимы и неудачны в литературе»⁵¹. Розанов благодарит Перцова за то, что он вытащил его в своё время из этой компании, и просит высказаться о посланном ему очередном выпуске «Апокалипсиса нашего времени», выражая надежду на то, что если он дочитает все выпуски, то должен убедиться, что «мой “Апокалипсис” не имеет такого дурного характера, как о нём думают. Я несколько не против Христа...»⁵². Розанов ссылается также на П.А. Флоренского, с которым очень сблизился, живя в Сергиевом Посаде. Сравнивая его с Паскалем, он пишет:

Сперва он очень противился изданию моего «Апокалипсиса», но хотя я и не говорю с ним ничего о моей книжонке, он – по общему тону его отношения ко мне [это всегда чувствуется] не враждебен этому изданию, по страстному ненавидению им всей нашей культуры, т.е. европейской культуры, западной, с атеизмом, с демонизмом, с пакостничеством и с пакостью, вроде революции, вроде и в духе парламентов etc.⁵³

Полученное Розанова приглашение высказаться об «Апокалипсисе нашего времени» и вспомнить былое Перцов не поддержал, ограничившись информацией о своих литературных успехах и повторными обещаниями приехать в Сергиев Посад. Неуместными и заведомо невыполнимыми выглядели и его советы Розанову по переизданию его книг. Не отозвался Перцов и на призыв «поплакать на плече» и посочувствовать плохому состоянию здоровья Розанова, о чём он написал следующее: «И в довершение убийства душевного сделалось “недержание мочи и кала”. Ужас, ужас»⁵⁴. Это последние слова в его переписке с Перцовым.

Список литературы

- Гончарова Е.И. «Мистическая трагедия»: В.В. Розанов и А.П. Сулова (по материалам архивных разысканий) // Русская литература. 2022. № 3. С. 145–156.
- Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова (1896–1918): в 2 т. / Вступ. ст. Е.И. Гончаровой; сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой и О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. Т. I: «На новые пути» (1896–1902). 783 с.; Т. II: «Под колесом истории» (1903–1918). 783 с.
- Розанова Т.В. Воспоминания об отце – Василии Васильевиче Розанове и всей семье // В.В. Розанов: Pro et Contra. Антология. Кн. I. СПб.: РХГА, 1995. С. 45–87.
- Розанов В.В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2005. 494 с.
- Розанов В.В. Листва // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. 591 с.
- Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2001. 477 с.
- Розанов В.В. Среди художников // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. 494 с.
- Розанов В.В. Уединённое. М.: Политиздат, 1990. 712 с.
- Фатеев В.А. Н.Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 651 с.
- Фатеев В.А. С русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова. Кострома: ГУИПП «Кострома», 2002. 636 с.
- Эдельштейн М.Ю. Перцов П.П. // Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008. С. 686–689.

⁵¹ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. II. С. 620.

⁵² Там же. С. 624.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 636.

Russian Thought in Epistles of V.V. Rozanov and P.P. Pertsov. New Materials (1896–1918)

A Review on: A Correspondence of V.V. Rozanov and P.P. Pertsov (1896–1918):
in two volumes / Introduction by E.I. Goncharova; ed., prep. of Texts
and Commentaries by E.I. Goncharova and O.L. Fetisenko. SPb.: Pushkinsky
Dom Publishing House, 2023. Vol. 1: “On New Tracks” (1896–1902). 784 p.;
Vol. II: “Under the Wheel of History” (1903–1918). 784 p.

Mikhail A. Maslin – Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Head of the chair of the History of Russian philosophy. Lomonosov Moscow State University. 27, bldg. 4, Lomonosovsky Av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: mmaslin@yandex.ru

Review article presents two-volumes collection of epistles by V.V. Rozanov and P.P. Pertsov (1896–1918) published by the famous Publishing House Pushkinsky Dom (Saint Petersburg). It is the first ever published full edition of correspondence between two famous Russian thinkers – Petr Pertsov and Vasily Rozanov which has been done with great accuracy and on highly professional level. Two-volumes edition was made by the archival scholars from the Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom) from Saint Petersburg. The author of Introduction is E.I. Goncharova – director and the founder of Pushkinsky Dom Publishing House. O.L. Fetisenko together with the E.I. Goncharova are the editors, authors of commentaries and researchers of archival sources. The edition is characterizes by high level of polygraphy and excellent bibliographical apparatus. It includes: list of abbreviations, catalog of archives, periodicals, books and articles, collected works by Rozanov, archival photos, fragments of letters etc. This two-volumes edition contains also catalog of works by V.V. Rozanov and P.P. Pertsov plus annotated index of mentioned names. Commentaries is placed just after the published letters and not at the end of the whole edition as one can find in printing practice sometimes.

Keywords: Russian Thought in Epistles, V.V. Rozanov, P.P. Pertsov, A.P. Suslova, N.N. Strakhov, “Parabola”, “Apocalypse of Our Times”

For citation: Maslin, M.A. Russkaya mysl' v pis'makh V.V. Rozanova i P.P. Pertsova. Novye materialy (1906–1918) [Russian Thought in Epistles of V.V. Rozanov and P.P. Pertsov. New Materials (1896–1918)], *Otechestvennaya filosofiya [National Philosophy]*, 2024, Vol. 2, No. 1, pp. 116–129. (In Russian)

References

Edelshtein, M.Yu. Pertsov P.P. [Pertsov P.P.], in: *Rozanovskaya Encyclopediya*. Sost. i gl. red. A.N. Nikoljukin. Moscow: Rosspen, 2008, pp. 686–689. (In Russian)

Fateev, V.A. *N.N. Strakhov: Lichnost. Tvorchestvo. Epokha*. [N.N. Strakhov: Personality. Creation. Epoch.]. Saint Petersburg: Pushkinskij Dom, 2021. 651 p. (In Russian)

Fateev, V.A. *Zhizneopisaniye Vasiliya Rozanova* [Biography of Vasily Rozanov]. Kostroma, 2002. 636 p. (In Russian)

Goncharova, E.I. “Misticheskaya Tragediya”: V.V. Rozanov i A.P. Suslova (po materialam arkhivnykh raziskanii) [“Mystical tragedy”: V.V. Rozanov and A.P. Suslova (Based on Archival Research Materials)], *Russkaya Literatura*, 2022, No. 3, pp. 145–156. (In Russian)

Perepiska V.V. Rozanova i P.P. Pertsova (1896–1918): V dvukh tomakh [Correspondence of V.V. Rozanov and P.P. Pertsov (1896–1918): in 2 vols.]. Saint Petersburg: Pushkinsky Dom Publishing House, 2023. Vol. 1: “On New Tracks” (1896–1902). 783p.; Vol. II: “Under the Wheel of History” (1903–1918). 783 p. (In Russian)

Rozanova, T.V. *Vospominaniya ob otse – Vasiliu Vasileviche Rosanove i obo vsei sem'e* [Memories of Father – Vasily Vasilevich Rozanov and the Whole Family], in: *V.V. Rozanov: Pro et Contra. Anthology*. Kn. I. Saint Petersburg: RHGA, 1995, pp. 45–87. (In Russian)

Rozanov, V.V. *Listva* [Foliage]. Moscow: Respublika; Saint Petersburg: Rostok, 2010. 591 p. (In Russian)

Rozanov, V.V. *Literaturnye izgnanniki. N.N. Strakhov. K.N. Leont'ev* [Literary Exiles. N.N. Strakhov. K.N. Leontyev]. Moscow: Respublika, 2001. 477 p. (In Russian)

Rozanov, V.V. *Sredi hudozhnikov* [Among the Artists]. Moscow: Respublika, 1994. 494 p. (In Russian)

Rozanov, V.V. *Uedinennoe* [Solitary Thoughts]. Moscow: Politizdat, 1990. 712 p. (In Russian)

Rozanov, V.V. *Zagadki russkoi provokatsii. stat'i i ocherki 1910 g.* [Mysteries of Russian Provocation. Articles and Essays of 1910]. Moscow: Respublika, 2005. 494 p. (In Russian)

Новые книги¹

Цивилизация: многозвучие смыслов. Memoria /

Отв. ред., сост. А.В. Смирнов, Н.А. Касавина, С.А. Никольский.
М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. 540 с. (Серия “Humanitas”)

Книга «Цивилизация: многозвучие смыслов. Memoria» представляет собой сборник текстов разных лет – итог исследований сотрудников Института философии РАН, посвящённых цивилизационной проблематике. Тексты, вошедшие в сборник, по мнению ответственных редакторов издания, представляют собой «фундаментальные работы, сформировавшие ключевую повестку в данной философской и гуманитарной области» (с. 5). Отметим, что весьма ценным представляется решение редакционной коллегии снабдить вошедшие в книгу авторские тексты «классиков цивилизационной теории» небольшими статьями современников с целью погружения в «научную лабораторию» авторов. Ключевым вопросом, ответ на который пытается сформулировать каждый из включённых в сборник авторов, является следующая дилемма: «Возможна ли единая человеческая цивилизация (если да, то на каких основаниях) или же это иллюзия?». Учитывая, что все отобранные тексты

¹ Вакулинская А.И., Ворожихина К.В., Куксюк А.М., Макарова А.Ф., Сидорин В.В. Новые книги // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 1. С. 130–140.

Вакулинская Александра Ивановна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sashavakulinskaya@gmail.com;

Ворожихина Ксения Владимировна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com;

Куксюк Алексей Михайлович – лаборант. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: alexeikuksyuk@gmail.com;

Макарова Анна Фёдоровна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: anna.fed.mak@gmail.com;

Сидорин Владимир Витальевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: vlavitsidorin@yandex.ru

относятся к концу XX в., неизбежным для некоторых авторов стало сравнение двух культурологических (культурно-исторических) подходов: формационного и цивилизационного – с обоснованием методологической пригодности каждого из них.

Книга разбивается на три раздела: 1) «Цивилизация и культура», в который включены тексты В.С. Стёпина, В.С. Библера, В.Ж. Келле; 2) «Мировая цивилизация и культурно-исторические типы», включающий тексты Н.В. Мотрошиловой, Л.И. Новиковой, Ю.К. Плетникова, А.П. Огурцова; 3) «Россия как цивилизация», содержащий изложение идей В.В. Библихина, В.М. Межуева, В.И. Толстых, А.С. Ахиезера, А.С. Панарина, В.Л. Цымбургского, Н.И. Лапина. Для авторов, вошедших в первый раздел, характерной чертой является выстраивание своего понимания цивилизационного подхода исходя из определения понятия «культура», как правило, рассматриваемого как совокупность ценностей социальной общности, и соотношение его с концептом «цивилизация». Авторам второго раздела присуща сосредоточенность на поиске универсальных качеств цивилизации, рисках, которые может нести теория культурно-исторических типов, потребность дать методологическое обоснование, указать на актуальность цивилизационной теории исторического процесса. Авторы третьего раздела в центр своих рассуждений ставят вопрос о том месте, которое Россия занимает или могла бы занимать в мире, является ли она цивилизацией, насколько данная цивилизация самобытна, возможен ли диалог между самобытными цивилизациями, не достигшими некоего экзистенц-минимума своего развития, возможно ли это достижение вообще при сохранении своеобразия и специфики.

Осмысление цивилизационной проблематики всегда занимало представителей русской интеллигенции. Особо актуальным и востребованным оно становилось в эпохи исторических кризисов, кризисов самоидентификации, будь то XIX в. или же начало–конец XX в. В XXI в., когда настоящее вновь выводит на осмысление цивилизационной проблематики, а на официальном уровне декларируется концепт, характеризующий современную Россию как «государство-цивилизация», данная книга могла бы дать пищу для размышлений, т.к. многие идеи авторов сборника, как нам кажется, всё ещё обладают эвристическим потенциалом.

Александра Вакулинская

Бальтазар Г.У. фон. Владимир Соловьёв /
Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»)
М.: Издательство ББИ, 2023. xviii + 143 с.

В своей книге 1984 г. «Владимир Соловьёв» (“Solowjew”), переведённой на русский язык О. Хмелевской и вышедшей в этом году в издательстве ББИ, знаменитый католический богослов, кардинал, священник-иезуит Ганс Урс фон Бальтазар высоко оценивает наследие русского мыслителя. Согласно Бальтазару, философия Соловьёва (наряду с томизмом) является одной из величайших в истории мысли христианских систем. Русский философ легко интегрирует в христианство и античный гнозис, и интеллектуальные традиции французской революции, немецкого идеализма, позитивизма, эволюционизма, нищестанства, пессимизма и др. Синтетичность (но не эклектизм) соловьёвской системы является для автора книги свидетельством универсализма, «кафоличности» оптики русского философа, достигающей гегелевских высот (с. 6).

По мнению Бальтазара, Соловьёв как никто другой из русских мыслителей почувствовал и оценил специфику западной церкви, её иерархии и внутреннего устройства, прежде всего с этико-социальной, а не чисто эстетической точки зрения. Блестяще отстаивая позицию Рима и Вселенских Соборов, Соловьёв, подчёркивает западный богослов, транслирует католический взгляд, основываясь на двух

базовых принципах, идущих от Г.В.Ф. Гегеля: «Католический дух может быть достигнут только через опосредование транснациональной, католической объективной формы»; «процесс есть прогрессивное определение неопределённого, причём определённость и универсальность, или полнота, развиваются одновременно...» (с. 8–9). Вместе с тем важнейшую роль в мировоззрении Соловьёва играет греческая «досхизматическая» патристика (особенно – Максим Исповедник), к которой он добавляет динамическую компоненту немецкого идеализма. Интуиция процесса, впоследствии получившая научное эмпирическое обоснование, по мнению Бальтазара, подтверждается и историей культуры, и «догматическим развитием церкви», описанным Соловьёвым ещё более детально, чем кардиналом Г. Ньюманом (с. 10).

Бальтазар неоднократно отмечает, что идеи русского философа опередили интеллектуальные открытия XX в.: его теоретическая философия предвосхищает феноменологию Э. Гуссерля и М. Шелера; он приближается к психоанализу З. Фрейда, принимая теорию сублимации; взгляды Соловьёва поразительно конгениальны концепции П. Тейяра де Шардена.

Разбирая основные положения и разделы (логика и метафизика, этика и экклезиология, эстетика и эсхатология) философско-теологической системы Соловьёва, католический богослов вскрывает её внутренние коллизии: столкновение между гегельянской диалектикой абсолютного знания и эсхатологическим сознанием, между прогрессом и христианским апокалипсисом; негативизация творения в духе неоплатонизма, каббалы и гностицизма и др.

Одну из важнейших заслуг Соловьёва автор «Космической литургии» видит в обращении к богословской эстетике, которая, как он подчёркивает, «до сих пор не воспринималась как самостоятельная дисциплина» (с. 7). Эстетика (которая, по мнению Бальтазара, «должна была увенчать дело всей... жизни» (с. 121) русского философа, но так и осталась недописанной) для Соловьёва была неразрывно связана (или даже практически совпадала) с эсхатологией: она была призвана «вобрать» в себя этику с метафизикой и стать учением о воплощении идеала, т.е. об апокалипсисе – откровении Царства Божьего.

Касаткина Т.А. «Мы будем – лица...»

Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского.

М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.

В своей новой книге Т.А. Касаткина, известный филолог, культуролог и религиовед, один из самых глубоких современных исследователей творчества Ф.М. Достоевского, продолжает делиться опытом аналитико-синтетического чтения произведений великого романиста. Название «Мы будем – лица...» отсылает к дневниковой записи писателя 1864 г., рефреном повторяющейся на страницах книги, в которой Достоевский описывает перспективу человечества, его раскрывшуюся в полноте природу – как многоликий единый организм, каждое лицо которого является смысловым центром, не утратившим своей уникальности; как «очень динамичный перихоресис» (с. 113–114). Достоевский для автора – прежде всего практический богослов, ничего не говорящий о Боге, но с математической точностью доказывающий Его бытие через раскрытие подлинной природы человека. Главной проблемой творчества писателя, подчёркивает исследовательница, является «недопроявленность» человека и незнание своей подлинной меры. Касаткина подчёркивает, что Достоевский – не моралист, он не говорит о должном, но указывает на сущее, которое сокрыто; антропологический идеал писателя принципиально достижим, поскольку был воплощён, – это Христос.

Касаткина убедительно показывает, что богословие и философия Достоевского функционируют совершенно иначе, чем привык читатель: они оперируют не понятиями, а особыми двусоставными образами, проявляющими «священное прямо и непосредственно в структурах *повседневного*», открывающими «наглядно... присутствие вечного во временном» (с. 120); их цель – «не систематизировать и передать интеллектуальное знание» (с. 136), а привести к внутренней трансформации человека. Таким образом, подчёркивает автор, художественные произведения Достоевского посткаторжного периода являются текстами «инициатического типа, заставляющие читателя переживать откровение и преображение в процессе чтения» (с. 136). Достоевский, согласно Касаткиной, открывает читателю доступ к иной, поверх обычной, оптике: взгляду на человека как на образ Божий, видению в текущих событиях длящейся евангельской истории. Ключевая идея книги ёмко сформулирована самим автором: «...это книга о том, как Достоевский видит нашу истинную природу, о том, что мы – одно, и одновременно каждый из нас незаменим и уникален, о том, что незаменимость и уникальность каждого существует вообще и обнаруживается во всём своём величии только тогда, когда мы – одно, и том, как обрести такое видение и что происходит с нами и миром, когда мы начинаем видеть себя в своих истинных размере и конфигурациях» (с. 13). В книге раскрывается понимание писателем греха (как промаха), Церкви (не как религиозного учреждения, а как телесного соединения «всех людей в созидании Тела Христова» (с. 226)), страдания как результата попытки примириться со слишком тесной «скорлупой» переходного состояния – человеческим «я», выстраивающим границы, и др. Как и другие работы Касаткиной, эта книга о Достоевском содержит интересные и глубокие наблюдения, нетривиальные толкования и гипотезы, философские интуиции.

Ксения Ворожжихина

Ильенков Э.В. Логика Маркса: собр. соч. Т. 7.

М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 544 с.

Седьмой том собрания сочинения Эвальда Васильевича Ильенкова продолжает намеченный в прошлом томе цикл архивных, черновых и изданных посмертно материалов. В том вошли одни из самых первых работ Ильенкова, посвящённые теории познания, в частности его кандидатская диссертация «Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе К. Маркса “К критике политической экономии”», защищённая в сентябре 1953 г. Стоит отметить, что помимо основного текста диссертации в том вошли черновые записи (с. 213–316), неофициальная и официальная версии автореферата (с. 317–332 и с. 333–350), набросок плана диссертации (с. 350–351) – знакомство с этими материалами позволит современному читателю лучше погрузиться в контекст написания Ильенковым своей первой знаменитой работы. Как отмечает А.Д. Майданский: «Скорее всего “хитрый мудрец” Ойзерман растолковал Ильенкову, что его неортодоксально-смелые ходы мысли и обращение к популярным на Западе рукописям молодого Маркса... крупно осложняют защиту диссертации (с. 526). И всё же, несмотря на все трудности, диссертация Эвальда Васильевича «взорвала затхлую атмосферу философского факультета» (Там же).

Помимо обширных материалов, связанных с диссертацией Ильенкова, том включает и ряд его ранних (в том числе архивных) работ: это и запись двух аспирантских докладов с ответами на вопросы слушателей «О связи философии и политической экономии Маркса» (с. 352–392), и полемический текст «Что такое “философское обоснование социализма”» (с. 393–396), направленный против тезиса

Т.И. Ойзермана об утверждении Марксом необходимости становления пролетарской революции, диктатуры пролетариата и коммунизма; и ряд работ, посвящённых вопросам предмета, законов и категорий теоретического познания и практического действия (с. 406–449); и первые размышления Ильенкова на тему предмета философии из «Зелёной тетради» (с. 450–490) и концептуально близкий к ней текст «О всеобщности логических форм» (с. 491–495), посвящённый вопросу априорности логических принципов познания. Любопытным представляется и текст по сути полноценной научной работы «К вопросу о предмете философии как науки» (с. 496–517), выданный за аспирантский реферат, и ранняя версия нашумевших «Тезисов» Ильенкова и Коровикова «Относительно вопроса о предмете философии как науки» (с. 518–512).

Нельзя не отметить трепетное отношение авторов серии к наследию Эвальда Васильевича – все архивные работы философа публикуются с минимальными стилистическими и грамматическими корректировками, благодаря чему перед читателем оказывается максимально аутентичный текст, к тому же сопровождаемый подробной историко-философской справкой и комментариями.

Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Том 5: Предмет знания /

Под общ. ред. Г.Е. Аляева, К.М. Антонова, Т.Н. Резвых; предисл. к тому Г.Е. Аляева, К.М. Антонова, Т.Н. Резвых. М.: Изд-во ПСТГУ, 2023. 824 с.

Вышедший в издательстве Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета пятый том Полного собрания сочинений Семёна Людвиговича Франка целиком посвящён одному из ключевых трактатов философа – «Предмет знания» (1915). Перед читателем предстаёт образцовый философский трактат, затрагивающий проблематику соотношения бытия и знания, идеального и реального, общего и индивидуального, абсолютного и отвлечённого. Всё это рассматривается Франком в контексте «основного гносеологического вопроса о природе и условиях возможности знания» (с. 111). Пожалуй, один из главных тезисов Франка заключается в том, что подлинное, непосредственное «обладание предметом, предшествующее всякому обращению сознания на предмет, возможно лишь при условии, когда субъект и объект знания укоренены не, как это принято считать, в каком-либо сознании или знании, а в *абсолютном бытии*» (Там же). Так гносеологический вопрос об условиях знания выводит на онтологическую проблематику.

Как и в предыдущих томах, издание открывается подробным предисловием (с. 5–108) авторов-составителей Г.Е. Аляева, К.М. Антонова и Т.Н. Резвых, посвящённым целому ряду важных историко-философских вопросов франковедения. Авторы последовательно раскрывают различные аспекты замысла Франка и их последующую реализацию в трактате, детально освещают процесс работы философа над книгой, разбирают отзывы современников, анализируют планы переизданий, репринтов и переводов с момента выхода трактата в свет и до наших дней. Кроме того, том по традиции снабжён обширными справочными материалами, среди которых есть подробные комментарии, именной и архивный указатели, а также указатели иностранных выражений и библейских заимствований.

Таким образом, вышедший том является отличным подспорьем как для профессиональных исследователей русской философии вообще и творчества С.Л. Франка в частности, так и для широкого круга читателей, желающих познакомиться с одним из центральных трудов философа. В том непосредственно включены как сам текст «Предмета знания» (с. 119–538), так и ряд приложений: «Система логики» (с. 539–542) и «Предварительные заметки к “Предмету знания”» (с. 543–562). Как отмечают редакторы тома, предварительные записи «не только помогают нам рекон-

струировать эволюцию авторских идей и даже во многом хронологию написания текста книги – в них можно найти заметки, которые явно могли бы обогатить её содержание» (с. 27). Тем самым читатель может ознакомиться с черновыми заметками, планами и набросками, раскрывающими и дополняющими проблематику «Предмета знания».

Можно с уверенностью отметить, что издание продолжает сохранять стандарты, заложенные ещё в первых томах Полного собрания сочинений. Предполагается, что для реализации поставленной авторами задачи систематического критического издания всех опубликованных произведений Семёна Людвиговича, а также его архивных материалов и переписки понадобится порядка двадцати пяти томов. Это поистине колоссальная работа, которая непременно поспособствует дальнейшему развитию отечественной философии.

Алексей Куксюк

Гусейнов А.А. Мой Зиновьев: Статьи, доклады, интервью.

М.: Издательский дом ЯСК, 2023. 272 с.

Сборник доктора философских наук, академика РАН А.А. Гусейнова «Мой Зиновьев» включает в себя материалы разных лет: статьи, тексты докладов, а также интервью, посвящённые жизни, творчеству, научной и критической мысли Александра Александровича Зиновьева (1922–2006). Основной идеей, фундирующей издание, по словам автора, является «исключительность научного и человеческого подвига» Зиновьева; название же продиктовано желанием представить наиболее адекватный и полный взгляд на фигуру Зиновьева. Корпус текстов, представленный в издании, посвящён в основном социологическим и этическим вопросам.

Книга тематически разделена на четыре части. Первая главным образом затрагивает подробности жизни Зиновьева, его путь и становление в качестве философа. Уже в открывающей *Энциклопедической справке* очерчены биографические перипетии и становление взглядов мыслителя, впоследствии сформировавшие его сложную личность и систему ценностей, не совпадающую в магистральном направлении с основными идеологическими установками Советского государства. Весь Зиновьев, говорит автор сборника, с его взглядами и бунтарской натурой вырос из противоречия между коммунистическим идеалом и его реализацией в советском опыте (с. 81–82). С этим связано, с одной стороны, намеренно издевательское бичевание Зиновьевым сложившегося строя, с другой – миссия самому стать идеальным коммунистом и прежде всего – в своём *индивидуальном* опыте.

Во второй части книги особое внимание уделяется социологическому и этическому аспектам мысли Зиновьева. Авторское название, которое Зиновьев дал своей этической системе, – учение о житии, «зиновьюга», или «лаптизм» (по имени главного героя повести «Иди на Голгофу» Ивана Лаптева). Особо пристально именно это сочинение Зиновьева рассматривается в нескольких текстах книги А.А. Гусейнова. Каждый индивид, по мысли Зиновьева, должен стать философом и сотворить этическое учение для самого себя, а «задача выработки программы достойного поведения... является привилегией и обязанностью каждого человека». Отсюда и известное высказывание Зиновьева – «Я есть суверенное государство» (с. 116).

Третий раздел посвящён проблемам социологии и логики – самой трудной и строгой части философии, по определению Гусейнова (с. 169); Зиновьев «применяет средства логики к языку науки, разрабатывает собственную логическую теорию» (Там же). Именно на основании выверенного логического аппарата Зиновьев,

анализируя привычные советскому уму парадигмы, приходит к выводам о несостоятельности советской политической и социальной систем. Вместе с тем он денонсирует и западное устройство общества, где, хотя и со своей спецификой, точно так же действуют «законы экзистенциального эгоизма» (с. 205).

В четвёртой, завершающей секции сборника сосредоточены материалы, связанные с историко-социальными взглядами Зиновьева, в особенности его рассуждениям о постсоветской России, о её настоящем и будущем, а также вопросам актуальности творчества Зиновьева в современных реалиях.

Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы /

Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина; предисл., подгот. текста, примеч., коммент.

А.А. Гапоненкова, Е.В. Сердюковой, И.О. Щедриной, Т.Г. Щедриной.

М.: Политическая энциклопедия, 2023. 296 с.

Публикация эпистолярного наследия Николая Бердяева в период его пребывания в эмиграции, осуществлённая под грифом Института философии РАН в рамках серии «Мысль и слово», приурочена к грядущему 150-летию выдающегося русского философа. Издание позволяет уточнить представления о Бердяеве как личности и мыслителе, а также явственнее рассмотреть детали культурной, интеллектуальной и социальной жизни эпохи, чрезвычайно сложной для анализа («погрузиться в архив эпохи России и Русского зарубежья»).

Сборник разделён тематически на три части. В первой публикуется переписка Бердяева с Семёном Франком и Татьяной Франк за 1923–1947 гг. В предварительной статье А.А. Гапоненков, подготовивший письма к печати и снабдивший их подробным комментарием, приводит важнейшие исторические и биографические факты из жизни Бердяева и Франка. Принимая во внимание непростой для расшифровки почерк Бердяева и особенности работы с архивными документами, в частности за рубежом, следует отметить высокую ценность публикуемых материалов. Переписка Бердяева и Франка затрагивает широкий спектр тем: собственно философская проблематика, положение христианства в России, в Европе, взаимная критика, обсуждения людей из общего круга знакомств (Л.П. Карсавин, П.Б. Струве, Лев Шестов, И.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев, о. Сергей Булгаков, Г.Д. Гурвич, Ж. Маритен, Г. Марсель, Г. Кайзерлинг, В.И. Ясинский, Г.Г. Кульман, Ф.Т. Пьянов, П. Андерсон, Э. Мак-Нотен и др.), организаций и обществ (УМСА, “Kantgesellschaft”), издательств («Обелиск», “УМСА-Press”), журналов («Путь», “Kantstudien”, “Europäische Revue”, “Hochland”, “Monde Slave”, “Revue de Philosophie” и т.д.), докладов, кружков РСХД, учебных заведений.

«Николай Лосский – Николаю Бердяеву», вторая часть издания не случайно носит именно такой заголовок. Писем Бердяева Лосскому, по словам Е.В. Сердюковой, автора вступительной статьи к разделу и ответственной за подготовку эпистолярия к изданию, пока обнаружено не было. Тем актуальнее сопровождающий письма Лосского текст и комментарий Сердюковой, в котором нити обстоятельств жизни, дружбы и общения двух философов тщательно прослеживаются с помощью прочного базиса из уже имеющихся публикаций, статей, писем, воспоминаний и редких архивных материалов. Охватываемый период эпистолярия – с 1925 по 1947 гг. В качестве приложения к разделу – статья Лосского из его парижского архива – «Н. Бердяев. Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства» (1928).

В третьей части книги собраны письма за 1930–1931 гг. Бердяеву от Ю.М. Панебратцева – фигуры сравнительно малоизученной. Вступительное слово одного из авторов публикации Т.Г. Щедриной даёт обзор биографии, сделанный на основе исследований Я.В. Леонтьева. Из него очевидно, насколько сильно краткий curriculum

vitaе Панебратцева (1900–1938) пронизан бунтарством и трагизмом. Фундаментальное значение публикации писем Панебратцева к Бердяеву – в возможности заглянуть в сокрытый от официальной советской политической повестки философский мир мыслителя, идейно и духовно столь близкого к Бердяеву. Из текстов публикуемых писем Панебратцева видно, что в Бердяеве молодой мыслитель ищет наставника и учителя. Отдельного внимания заслуживают подробное описание Панебратцевым своих философско-религиозных исканий на полном очарований и разочарований пути через революцию к мистическому христианскому опыту, а также критика Флоренского, рассуждения об А. Шмидт, Экхарте, о феноменологии и «филокалии».

Сборник дополнен ценным комментарием «Организации» и содержательным именованным комментарием.

Сергей Николаевич Трубецкой /

Под ред. Ю.Г. Белькинда, Б.В. Межуева, Т.Г. Щедриной.
М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2023. 391 с.

Коллективная монография, посвящённая философу, общественному деятелю, ректору Московского университета Сергею Николаевичу Трубецкому, изданная под грифом Института философии РАН и Некоммерческого научного фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого» и продолжающая серию «Философия России первой половины XX века», не только рассматривает вопросы философской мысли князя Трубецкого, но и освещает различные аспекты его деятельности, включая работу в области истории философии и религиоведения, общественно-политическую активность.

Материалы издания сгруппированы в три раздела; их предваряет введение за авторством Б.В. Межуева – «Философская стратегия князя Сергея Трубецкого». Прослеживая путь Трубецкого от увлечения Парацельсом и мистикой Бёме и Баадера, учениям Вл. Соловьёва, софиологией, к самобытным гносеологическим исканиям (соборность сознания с необходимостью трансцензуса – «выхода из себя»), автор статьи уделяет особое внимание «конкретному идеализму» Трубецкого.

В первом крупном разделе книги, затрагивающем проблемы метафизики и гносеологии, подробно рассматривается эволюция философских взглядов Трубецкого. В масштабной статье П.П. Гайдено «Конкретный идеализм С.Н. Трубецкого», состоящей из восьми подразделов, помимо краткого биографического обзора и сравнительного анализа взглядов Трубецкого и Шестова, подробно рассматривается ряд его ключевых работ по метафизике, гносеологии и этике. Текст Т.Г. Щедриной и Б.И. Пружинина «“Конкретный идеализм” С.Н. Трубецкого и феноменологический поворот в современной философии науки» демонстрирует связь некоторых позиций Трубецкого и феноменологических концепций Гуссерля и Шпета. А.П. Козырев в статье «“Соборное сознание” Сергея Трубецкого и идея исторической памяти» ставит вопрос о легитимности апелляции к понятию коллективной памяти в связи с идеей Трубецкого о соборности сознания. О.Т. Ермишин в своём материале, посвящённом месту героя книги в контексте русской философской мысли, рассуждает о сходствах и отличиях его идей с современниками, о его влиянии на них (с особым акцентом на воззрения и работы Лосского, Флоренского и Лопатина). И.И. Евлампиев рассматривает Трубецкого в контексте европейской философии XX в., особо подчёркивая связь его идей с некоторыми взглядами Гуссерля, Бергсона, Фрейда и Юнга.

Второй раздел – история философии и религиоведение – представляет несколько текстов о Трубецком о его занятиях историей философии и религиоведением. Статьи А.П. Козырева и К.Б. Ермишиной обстоятельно анализируют воззрения Трубецкого и Хомякова, а также Сергея и его сына Николая. К.М. Антонов, очертив

историю взаимоотношений Трубецкого и фон Гарнака, рассматривает их дискуссию в контексте пары «немецкая теология – русская религиозная философия».

Особый интерес представляет собой третий раздел издания, где речь идёт о Трубецком как общественном деятеле. В.В. Ванчугов в статье «“Университетский вопрос” в жизни кн. С.Н. Трубецкого» подробно описывает социально-политическую ситуацию в России конца XIX в. и говорит о роли Трубецкого в получении Московским университетом автономии, а также о борьбе за независимость университета от политико-идеологической ангажированности. В.В. Сидорин пишет о «конкретном идеализме» Трубецкого как социально-политической программе. В статье С.В. Хатунцева рассмотрен важный эпизод жизни Трубецкого – его отречение от идей славянофильства и становление как либерала, а также оппонирование Константину Леонтьеву. Текст М.В. Медоварова описывает два случая полемики Трубецкого с консервативным «Русским обозрением» по философским и общественно-политическим вопросам. Ф.А. Гайда в «“Не медлите, Государь!”: Князь Сергей Трубецкой как гражданский пророк» делает обзор важнейших инициатив Трубецкого, оказавших серьёзное влияние на жизнь общества. В финальном тексте книги о Георгии Белькинд делится рассуждениями об «Учении о Логосе», о Сергее и Евгении Трубецких с теологических позиций.

В заключительном сегменте книги – хроника жизни и деятельности князя Трубецкого. Впервые представлена подробная библиография его книжных, журнальных, газетных публикаций, исследований о нём. В издание включены уникальные иллюстрации – фотографии, документы и письма.

Анна Макарова

Вахитов Р.Р. Евразийство: Логос. Эйдос. Символ. Миф.

СПб.: Владимир Даль, 2023. 239 с.

В истории отечественной мысли, наверное, нет другого такого направления, которое постигла бы столь странная и противоречивая судьба, как евразийство. С одной стороны, несмотря на наличие достаточно масштабного пласта научно-исследовательской литературы на эту тему, его подлинное академическое, научное освоение, как кажется, только в начале своего пути. С другой стороны, именно это направление стало почвой для многочисленных претенциозных спекуляций в российской публицистике, породивших феномен (нео)евразийства. Сам собой напрашивается вывод о прямой связи этих фактов: отсутствие масштабной и комплексной научно-исследовательской программы во многом и не позволяет последовательно и системно проводить именно «академическое», корректное позиционирование евразийства в интеллектуальном пространстве и общественном сознании современного российского общества. В этом контексте невозможно не приветствовать исследование, бросающее вызов сложившейся ситуации.

Обобщая историографию вопроса и рассматривая основные точки зрения на генезис, «точку отсчёта» евразийства, а также ключевые модели его интерпретации, Р.Р. Вахитов формулирует то, что сам называет «парадоксом исчезновения евразийства»: несмотря на рост публикаций, соответствующее направление исследований в последние десятилетия зашло в своеобразный тупик, связанный с отсутствием целостной перспективы, растворением предмета исследований в многочисленных частностях. Обоснование необходимости, а главное, возможности, противостоять подобной тенденции во многом и определяет цели и задачи представляемой монографии.

С опорой на диалектику единого и многого Прокла Диадоха, философию А.Ф. Лосева автор представляет евразийство как целостную концепцию, раскрывая –

через ряд базовых бинарных оппозиций – его категориальную структуру и диалектическое взаимодействие этих базовых категорий и демонстрируя, как эта концептуальная целостность структурирует те или иные аспекты евразийского учения – историософию, учение о хозяйстве, философию культуры и др.

Отмечая, что евразийство было не только научной и философской теорией, но и претендовало на роль идеологии, на изменение социального порядка, Р.Р. Вахитов фиксирует, что в силу этого оно включало многосторонне разработанный уровень символической интерпретации реальности: заключительная часть исследования посвящена – с опорой опять же на А.Ф. Лосева – ключевым символам евразийства, их функциональному значению и связи этого символического порядка с выявленной ранее категориальной структурой.

Несмотря на небольшой объём, монография представляет собой целостный авторский взгляд, обобщение результатов многолетних исследований, а фиксируемая в работе тенденция к оформлению в соответствующем сегменте академического сообщества новой, масштабной исследовательской программы классического евразийства оставляет надежду, что со временем последнее будет-таки выведено из тупика псевдонаучных спекуляций.

Цемент и тело русского социализма. Краткая антология /

Сост. и предисл. М.А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2023. 688 с.

(Исследования по истории русской мысли. Т. 23)

В предисловии составителем антологии фиксируются две фундаментальные проблемы, с которыми сталкивается история русского марксизма в современной историографии и каждая из которых требует адекватного решения. Во-первых, будучи некогда одним из самых влиятельных и известных в мировом масштабе течений отечественной мысли, уже много десятилетий русский марксизм находится на периферии исследовательского внимания. Во-вторых, сохраняют доминирование созданные советским марксизмом модели самоописания и самоинтерпретации своего генезиса. В этом контексте антология представляет собой важный шаг, возвращающий отечественному читателю ряд работ, подрывающих советские схемы и мифы в отношении становления и развития русского марксизма.

Открывающее антологию «Введение» П.Н. Сакулина к своей работе «Русская литература и социализм» (1922) по своей цели и охвату может служить замечательным введением – одним из последних в своём роде – в тему полемически напряжённого и гетерогенного пространства русского марксизма конца XIX – первой четверти XX в. Рисуемая им картина во многих отношениях противостоит устоявшимся историографическим стереотипам: например, генезис русского марксизма Сакулин вписывает в контекст христианского социализма (Ф.Р. Ламэнэ). А само пёстрое разнообразие – своего рода теоретическая диверсификация – русского марксизма выступает у него преимуществом, во многом и обусловившим успехи и заслуги марксистской интеллектуальной программы, а не борьбой единственно верно понятого варианта с многочисленными «заблуждениями».

Книга Михаила Оленова «Так называемый “кризис марксизма”» (1906) посвящена критике В. Зомбарта, Э. Бернштейна, М. Туган-Барановского, Э. Давида, С. Булгакова, А. Вагнера, Р. Штамллера, Г. Шмоллера и возвращает современному читателю напряжённые политэкономические дискуссии, которые некогда были одной из конституирующих основ марксистского интеллектуального пространства, но в наше время часто упускаются из виду при рассмотрении русского марксизма как интеллектуального феномена. Возможно, в этом вновь проявляется инерция советского марксизма второй половины XX в., стремившегося выдвинуть на первый план

общие философско-теоретические возможности марксизма, обосновать и раскрыть его гуманистический пафос, но задвинувшего – по понятным причинам – политэкономическую проблематику на глухие задворки. Это пренебрежение (в случае советского марксизма вынужденное) было, как кажется, унаследовано и современной историографией отечественной философии.

П. Юшкевич в работе «Мировоззрение и мировоззрения» (1912) представляет генеалогическую и типологическую интерпретацию марксизма, также радикально отличающуюся от той версии, которая вскоре станет официальной. С одной стороны, как и Сакулин, он связывает генезис марксизма с распространением и кризисом христианского социализма, находя последний даже в Древней Руси. С другой стороны, трактуя философию как конструкцию интеллектуально-эмоционального характера, интерпретирует марксизм как своего рода философию жизни, типологически родственную антиинтеллектуализму Бергсона, идеям У. Джемса, Ф. Ницше, религиозным исканиям Л. Толстого, которым и посвящены отдельные очерки, вошедшие в работу.

Каждая из включённых в антологию работ демонстрирует важность (пере)изданий подобного рода, погружающих в изначальный контекст, затем в лучшем случае забытый, в худшем – невольно или сознательно искажённый последующей рецепцией.

Владимир Сидорин

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроника научной жизни: 2023 год

Научные мероприятия

Февраль

8 февраля в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХиГС при Президенте РФ при участии Образовательного фонда им. братьев Сергея и Евгения Трубецких прошла Всероссийская конференция с международным участием «Русская философия права и культурно-цивилизационный выбор».

21 февраля философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, Российским православным университетом Святого Иоанна Богослова и Институтом русско-славянских исследований имени Н.Я. Данилевского провели ежегодную Международную научную конференцию «XX Юбилейные Панаринские чтения».

Март

25 марта на базе философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция «“Московская антропологическая школа”: новые идеи в философии», приуроченная к юбилею профессора Ф.И. Гиренка.

Апрель

11 апреля в рамках семинара «Литература сквозь призму философии» при поддержке редакции журнала «Вопросы философии», научной библиотеки и мемориального музея «Дом А.Ф. Лосева» и научного проекта «Литература сквозь призму философии: история русской лирики в эстетике Вл. Соловьёва» (ИМЛИ РАН) состоялся приуроченный к 170-летию Вл.С. Соловьёва Международный круглый стол «Владимир Соловьёв и будущее русской философии».

Май

16–17 мая на базе философского факультета РГГУ при поддержке Общества историков русской философии им. В.В. Зеньковского, Музейного объединения «Музеи Наукограда Королёв», Мемориального дома-музея С.Н. Дурьлина и научной библиотеки и мемориального музея «Дом А.Ф. Лосева» состоялась VIII Всероссийская конференция «Сад расходящихся троп-2023», приуроченная к 170-летию со дня рождения мыслителя, поэта и публициста Владимира Сергеевича Соловьёва, 80-летию со дня смерти святого новомученика и исповедника Российского Михаила Александровича Новосёлова и 30-летию Дома-музея Сергея Николаевича Дурьлина.

23 мая в Институте философии РАН состоялся круглый стол памяти А.П. Огурцова «Сила. Насилие. Культурная травма».

29 мая на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова прошёл круглый стол «История русской философии как научная дисциплина. К 80-летию кафедры истории русской философии».

Июнь

17–18 июня в Университете Сунь Ятсена (Китайская народная республика, г. Гуанчжоу) состоялась XIX Всекитайская научная конференция по истории русской философии.

24 июня на базе философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова состоялся круглый стол «Трансформации марксистской исследовательской программы в советской методологии общественных наук в 60–80 годах XX в. Попытка реактуализации».

26 июня в Институте философии при информационной поддержке журнала «Вопросы философии» состоялась Международная научная конференция «“Иметь смысл значит понимать...” К 130-летию Николая Ивановича Жинкина (1893–1979)».

26–28 июня в г. Бежецке состоялась Всероссийская конференция «IV Библихинские чтения». Организатором выступила Школа философии и культурологии НИУ ВШЭ при партнёрстве Института философии РАН, Саратовской православной духовной семинарии, Бежецкой центральной районной библиотеки им. В.Я. Шишкова.

Сентябрь

21–23 сентября в Социологическом институте РАН – филиале ФНИСЦ РАН при поддержке Международного центра изучения философии, Международного фонда поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ «Интерсоис», Межрегионального научно-образовательного центра исследований наследия Вл.С. Соловьёва «Соловьёвский семинар» и Лаборатории критической теории культуры НИУ ВШЭ состоялись X Международные чтения по истории русской философии «Институциональные пространства русской философии».

Октябрь

1–4 октября в музее-усадьбе «Ясная поляна» прошёл организованный ПСТГУ XIV коллоквиум Междисциплинарного интеллектуального клуба «Л.Н. Толстой vs Вл.С. Соловьёв: сотрудники или соперники? (К 195-летию и 170-летию со дня рождения)».

26 октября на философском факультете МГУ в рамках деятельности Междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ им. М.В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» прошёл круглый стол «Философ и политик Александр Александрович Богданов (к 150-летию со дня рождения)».

17–19 октября на базе Библиотеки-музея «Дом А.Ф. Лосева» при поддержке Лосевской комиссии Научного совета РАН «История мировой культуры», философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Культурно-просветительского общества «Лосевские беседы», Московской духовной академии и других состоялась XVIII Международная научная конференция «Лосевские чтения. “Поминайте учителей и наставников ваших...”: к 130-летию А.Ф. Лосева».

26 октября состоялась XX ежегодная конференция Института философии РАН с регионами России «Проблемы российского самосознания: ленинизм – сталинизм в преобразовании общества, государства и человека. К 100-летию кончины Ленина и начала правления Сталина».

26–28 октября, 1 ноября в РГПУ им. А.И. Герцена при содействии Белгородского государственного НИУ, Института философии РАН, Белорусского государственного университета, фонда «Институт развития имени Г.П. Щедровицкого», научной библиотеки и мемориального музея «Дом А.Ф. Лосева», Института логики, когнитологии и развития личности состоялась Международная научная конференция «XII Чтения памяти Н.Н. Стрехова».

Ноябрь

1 ноября на базе философского факультета РГГУ совместно с Образовательным фондом им. братьев Сергея и Евгения Трубецких состоялся круглый стол памяти Сергея Михайловича Половинкина (1935–2018).

2 ноября в Институте философии РАН состоялась Всероссийская научная конференция «Русская философия права как философия человеческого достоинства». Организаторами выступили: Институт философии РАН, юридический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Образовательный фонд им. братьев Сергея и Евгения Трубецких.

7 ноября в Институте философии РАН прошла научная конференция «Творческое наследие Александра Александровича Богданова (к 150-летию со дня рождения)».

9 ноября в Институте философии РАН состоялся круглый стол «Отечественная философия в ранний советский период (1918–1920-е гг.)».

14–16 ноября в научной библиотеке и мемориальном музее «Дом А.Ф. Лосева» совместно с Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Центром русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева Института филологии МПГУ и журналом «Соловьёвские исследования» прошла VI Международная конференция молодых учёных ««Пространство и время в русской литературе и философии»: к 130-летию А.Ф. Лосева и 170-летию Вл.С. Соловьёва».

21 ноября в Институте философии РАН состоялся круглый стол «Соединяя века и культуры» памяти В.Н. Забугина.

30 ноября на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова прошла Всероссийская научно-практическая конференция, посвящённая 200-летию со дня рождения русского философа П.Л. Лаврова.

30 ноября в научной библиотеке и мемориальном музее «Дом А.Ф. Лосева» состоялась презентация научного журнала «Отечественная философия» (Институт философии РАН).

Декабрь

7–8 декабря в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН и «Доме А.Ф. Лосева» – научной библиотеке и мемориальном музее – состоялась Международная научная конференция ««Круг Мережковских»: литература между философией и религией».

8–9 декабря в НИУ ВШЭ состоялась Международная научная конференция «Эпистолярный как феномен интеллектуальной культуры Российского Просвещения», организованная Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога.

14 декабря в Институте философии РАН прошёл круглый стол «Творческое наследие Вадима Михайловича Межуева (к 90-летию со дня рождения)».

14–16 декабря в РГГУ прошла Всероссийская научная конференция с международным участием «Алёшинские чтения – 2023: Мир, язык, реальность», в рамках которой провела работу секция «Русская философия и платонизм: язык и реальность».

Защиты диссертаций

В 2023 г. были защищены следующие диссертации, посвящённые тем или иным аспектам истории русской философии:

Диссертации на соискание степени кандидата философских наук

П.В. Владимиров («Интерпретация философии Г.В.Ф. Гегеля в диалектическом материализме конца XIX – первой половины XX века», РГГУ), *О.А. Глебов* («Про-

блема понимания в теоретической философии В.В. Розанова и русский идеализм конца XIX – начала XX вв.», НИУ ВШЭ), *И.В. Гончаренко* («Рациональные и мистико-аскетические начала антропологии епископа Феофана Затворника», НИУ БелГУ), *Ю.Л. Гришатова* («Интерпретация итальянского Ренессанса в русской религиозной философии XX века: П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев», МГУ им. М.В. Ломоносова), *Г.Т. Кораев* («Реконструкция проекта первой философии М.М. Бахтина», РГГУ), *А.В. Лебедева* («Теория познания А.В. Вейдемана», РУДН им. Патриса Лумумбы), *С.В. Лучинин* («Проблема типологии обществ в социальной философии А.А. Зиновьева», МГУ им. М.В. Ломоносова), *В.С. Маковцев* («Философия позднего М.М. Бахтина. Историко-философский анализ», МГУ им. М.В. Ломоносова), *К.М. Мацан* («Философская апологетика в трудах С.Л. Франка, В.В. Зеньковского, В.Н. Ильина», МГУ им. М.В. Ломоносова), *Н.В. Петракова* («Топика интересубъективности в свете философии диалога М.М. Бахтина», Дальневосточный федеральный университет), *М.М. Потапов* («Историко-философский процесс в России первой трети XX века в контексте пространственно-временной проблематики», МГУ им. М.В. Ломоносова), *Н.В. Теплых* («Концепт “Русский мир” в социальной и политической философии России: этапы, принципы формирования, перспективы», Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва), *С.В. Фёдоров* («Диалектическое развёртывание феномена истины в философии культуры (на основе диалектики А.Ф. Лосева)», Курский государственный университет), *Н.С. Чишков* («Философские идеи Н.М. Карамзина: становление, сущность и их оценка в русской мысли», Институт философии РАН), *М.В. Шпаковский* («Религиозно-философское учение протопopa Аввакума: историко-философское исследование», МГУ им. М.В. Ломоносова).

Диссертации на соискание степени доктора философских наук

Т.Ф. Извекова («Соотношение религиозной веры и научного знания в познавательном процессе: на примере философских взглядов Ф.М. Достоевского», Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова НАН Таджикистана), *В.С. Раздъяконов* («Русское спиритуалистическое движение второй половины XIX – начала XX века», Институт философии РАН).

Хронику составила М.С. Чернявцева

Информация для авторов

Журнал «Отечественная философия» – научное издание Института философии РАН, нацеленное на решение двух задач: исследование отечественного философского наследия во всей его исторической полноте, а также актуализацию отечественной философской мысли в пространстве современной философии. Научные материалы публикуются в постоянно действующих отделах «Исследования», «Дискуссия», «Архив». Важнейшей задачей журнала является обеспечение научно-исследовательского процесса с помощью отделов «Критика и библиография» и «Научная жизнь».

К публикации **не принимаются** разделы диссертаций, тексты учебно-образовательного и научно-популярного характера, а также тезисы докладов.

Передавая в редакцию рукопись своей работы, автор гарантирует, что текст не был опубликован ранее и не сдан в другое издание. Ссылка на «Отечественную философию» при использовании материалов статьи в последующих публикациях обязательна. Автор берёт на себя ответственность за точность цитирования, правильность библиографических описаний, транскрибирование имён и названий.

Объём статьи – до 1,5 а.л., включая ссылки, примечания, список литературы, аннотацию. Рецензия – до 1 а.л. Для рецензии также требуется аннотация, ключевые слова и список литературы.

Шрифт «Liberation Serif». Размер шрифта: название статьи, Ф.И.О. автора – 14 кеглем; подзаголовки, текст – 12; сноски – 10; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 0,9; выравнивание – по ширине; поля: 2,5 см со всех сторон.

Абзацные отступы, нумерованные и маркированные списки и сноски делаются только автоматически. Переносы не ставятся (ни вручную, ни автоматически).

Примечания и ссылки на литературу оформляются как постраничные сноски со сквозной нумерацией. В Список литературы включаются только те источники, которые упомянуты или процитированы в тексте статьи и снабжены ссылками.

Помимо основного текста, рукопись должна включать в себя следующие обязательные элементы на русском и английском языках:

- 1) сведения об авторе(ах):
 - фамилия, имя и отчество (полностью);
 - учёная степень, учёное звание;
 - место работы;
 - полный адрес места работы (включая страну, индекс, город);
 - адрес электронной почты;
- 2) название статьи;
- 3) аннотация (от 200 до 400 слов);
- 4) ключевые слова (до 10 слов и словосочетаний);
- 5) список литературы.

Рукописи на русском языке должны содержать два варианта представления списка литературы:

1) список, озаглавленный «Список литературы» и выполненный в соответствии с требованиями ГОСТа. В начале списка в алфавитном порядке указываются источники на русском языке, затем – источники на иностранных языках;

2) список, озаглавленный «References» и выполненный в соответствии с требованиями международных библиографических баз данных. Все библиографические ссылки на русскоязычные источники приводятся в латинском алфавите по следующей схеме:

- автор (транслитерация);
- заглавие статьи (транслитерация);
- [перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках];
- название русскоязычного источника (транслитерация, курсивом);
- [перевод названия источника на английский язык в квадратных скобках];
- выходные данные на английском языке.

Для транслитерации русскоязычных источников нужно использовать сайт <http://translit.ru>, в графе «варианты перевода» выбрать вариант «BSI». После блока русскоязычных источников указываются источники на иностранных языках, оформленные в соответствии с требованиями международных библиографических баз данных.

Если список литературы состоит исключительно из источников на иностранных языках, «Список литературы» и «References» объединяются: «Список литературы / References». Список оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа и помещается сразу после основного текста рукописи.

Порядок расположения обязательных элементов: в начале рукописи располагается русскоязычный блок (инициалы и фамилия автора, название статьи, сведения об авторе, аннотация, ключевые слова, текст статьи, «Список литературы»); в конце рукописи располагается англоязычный блок (название статьи, имя и фамилия автора, сведения об авторе, аннотация, ключевые слова, «References»).

Рисунки и формулы должны быть продублированы в графическом режиме и записаны отдельным файлом. Тексты, содержащие специфические символы и неевропейские шрифты, должны быть продублированы в формате pdf. Рисунки должны быть предоставлены в редактируемом файле.

Редакция принимает решение о публикации текста в соответствии с рекомендациями редколлегии, главного редактора и с оценкой экспертов. Решение о публикации принимается в течение двух месяцев с момента предоставления рукописи. Номер журнала, в котором будет опубликована принятая к печати статья, определяется редакцией. Принятие статьи к публикации не означает её публикацию в ближайшем номере издания.

Редакция оставляет за собой право на редактирование материалов, согласовывая окончательный вариант с автором.

Журнал не имеет возможности выплачивать гонорары авторам. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, оф. 316. Тел.: +7 (495) 697-91-28; e-mail: of@iph.ras.ru; сайт: <https://np.iphras.ru>

Научно-теоретический журнал

Отечественная философия / National Philosophy
2024. Том 2. Номер 1

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-85108 от 25 апреля 2023 г.

Главный редактор: *В.В. Сидорин*

Зам. главного редактора: *А.Ф. Макарова*

Научный редактор: *М.В. Шпаковский*

Редактор: *К.В. Ворожжихина*

Отв. секретарь: *А.М. Куксюк*

Художник: *О.С. Гречина*

Корректор: *Е.М. Пушкина, И.А. Мальцева*

Подписано в печать с оригинал-макета 14.03.24.

Формат 70×108 1/16. Печать офсетная. Гарнитура IPH Astra Serif.

Усл. печ. л. 11,93. Уч.-изд. л. 12,52. Тираж 1000 экз. Заказ № 3.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерная верстка: *Е.А. Морозова*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о журнале «Отечественная философия» см. на сайте: <https://np.iphras.ru>